
*ДРЕВНОСТИ
ПОВОЛХОВЬЯ*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1997

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ДРЕВНОСТИ ПОВОЛХОВЬЯ

Под редакцией А. Н. Кирпичникова и Е. Н. Носова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1997

INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ANTIQUITES OF THE RIVER VOLCHOV REGION

Edited by Anatolii N. Kirpichnikov and Evgeny N. Nosov

Рецензенты:

В.Я. Конецкий, О.В. Овсянников

Печатается в рамках проекта Российского фонда
фундаментальных исследований
"Древнерусский город и природная среда
(Ладога и Новгород и их округа)".
Код проекта: 95-06-17261.
Руководитель проекта Е.Н. Носов.

Утверждено к печати Ученым советом Института Истории
материальной культуры Российской Академии Наук.

Набор и верстка О.И. Богуславского.

ISBN 5-201-01175-6

© Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук, 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Е.Н. Носов)	4
А.Н. Кирпичников. Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований.	5
А.К. Каспаров. Остатки животных из городища Старая Ладога (предварительные итоги)	26
М. Аалто, Х. Хейнайоки. Растительность и окружающая среда Старой Ладоги в эпоху викингов	31
П.Е. Сорокин. Природные условия и судовое дело Северо-Западной Руси	42
Н.И. Петров. Новые сведения об археологических памятниках Северного Поволжья (к археологической карте окрестностей Старой Ладоги)	58
А.Н.Кирпичников, В.А.Назаренко. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984-1991 г.	63
О.И. Богуславский. Южное Приладожье. Историко-культурные регионы и их взаимодействие	83
К.А. Михайлов. Погребение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов	105
А.В. Курбатов. Раннесредневековая обувь Поволжья и вопросы сложения городского ремесла	117
Е.Н. Носов, А.В. Плехов. Холопий городок на Волхове	129
В.М. Горюнова. Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища.	153
Н.В. Хвоцинская. Подковообразная фибула со звериными головками с Рюрикова городища	176
С.А. Семенов. Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX-X вв. на Рюриковом городище	180
А. Альслебен. Земледелие Новгородской округи в IX-X вв. (археоботанические методы и их применение на городище Георгий)	191
Е.Н. Носов. Городище Георгий в Ильменском Поозерье (послесловие к статье А. Альслебен)	205
Contents	210

ПРЕДИСЛОВИЕ

Расположенные в низовьях и в верховьях одной крупной реки Волхова, два древнейших города Новгородской земли — Ладога и Новгород, были тесно связаны между собой историческими судьбами, хотя пути их становления и развития имели как сходные черты, так и различия. Долгие десятилетия исследование этих центров шло в отрыве от анализа материалов их ближайших округ. Это крайне обедняло наши общие представления о характере этих памятников и их месте в истории Поволховья. Только в семидесятые годы стало очевидным, что подобный подход односторонен и без анализа поселенческих структур невозможно понять общую картину становления и развития поволховских центров. С тех пор были проведены раскопки целого ряда поселений в ладожской и, особенно, в новгородской округе (Новые Дубовики, Любша, Горчаковщина, Рюриково городище, Холопий городок, Георгий, Васильевское, Прость), приняты новые обследования памятников, составлены карты. Тем не менее и сейчас это направление работ остается одним из наиболее актуальных и наши знания об округе Ладоги и Новгорода гораздо более скудны в сравнении с материалами о самих городах. Пожалуй только Рюриково городище в результате двадцатилетних раскопок превратилось в полноценный археологический источник для постановки и решения принципиальных вопросов.

К сожалению, при изучении как городов, так и прилегающих к ним поселений исследователи уделяли недостаточное внимание анализу палеоботанических и остеологических материалов. Природная среда Поволховья и Приильменя в конце I тысячелетия н.э., уровень развития земледелия, состав зерновых в посевах, состав стада домашних животных, роль охоты и рыболовства — все эти вопросы оставались без ответа или, в лучшем случае, имелись разрозненные факты для их анализа. Только в начале девяностых годов в Ладоге, Новгороде и новгородской округе (Рюриково городище, Георгий, Васильевское) предпринято систематическое изучение палеоботанических материалов. Оно основано на макроанализе растительных остатков, полученных при промывке культурных слоев поселений и палинологических исследованиях. Активную помощь в этих работах оказывают немецкие, шведские и финские палеоботаники и геологи. При участии коллег из Англии начат новый этап изучения остеологического материала, когда проводится анализ костных остатков, полученных в результате промывки культурных отложений. В этом случае учитываются все мельчайшие костные остатки и исключается случайность выборки.

Цель проекта изучения городских центров Поволховья, их округ и природной среды состоит в систематизации всех новейших фактов и наблюдений по этим вопросам как археологических, так и естественно-научных. Данная книга отражает некоторые результаты исследований по выполняемому проекту, суммируя накопленные новые материалы.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛАДОГА ПО ДАННЫМ НОВЫХ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Город Ладога отличается своеобразием своей истории, он возник в VIII в. на магистральных торговых путях из региона Балтики в Византию и на арабский Восток. Наряду с некоторыми ранними балтийскими городами Ладога быстро выдвинулась в качестве важнейшего центра — посредника и организатора евразийской торговли. Ее развитие в VIII-X вв. отличалось бурным ростом и интенсивными международными связями. В этот период история Ладоги тесно переплетается с судьбами европейского мира. Особое значение в изучении города в низовьях Волхова имеют археологические источники.

Археологическое изучение Старой Ладоги началось еще в начале XVIII в., в научном плане его существенно продвинули Н.Е. Бранденбург, Н.И. Репников, В.И. Равдоникас. Работы экспедиции под руководством В.И. Равдоникаса на Земляном городище, расположенном в центральной части поселка, начатые в 1938 г. и продолжавшиеся 11 сезонов, оборвались в 1959 г. Они подтолкнули к проведению нового цикла исследований, созданной в 1972 г. Староладожской археологической экспедиции Ленинградского отделения института археологии Академии наук СССР (ныне Институт истории материальной культуры Российской Академии наук) под руководством пишущего эти строки. Изыскания в Старой Ладоге (до 1704 г. она называлась городом Ладога) проводились отрядами этой экспедиции, их возглавляли А.Н. Кирпичников, Е.А. Рябинин, В.П. Петренко, Е.Н. Носов, В.А. Назаренко, в последнее время О.И. Богуславский. Изложим основные археологические, архитектурные и историко-архивные открытия и наблюдения экспедиции.

Название города Ладога связывают с наименованием р. Ладожка. "С несомненностью сначала возникло название реки, затем города, и наконец, озера (Ладожского)" [Роспонд 1972:53]. Что касается происхождения самого топонима, то большинство специалистов возводят его к прибалтийско-финским языком [Джаксон 1993:244-245]. Здесь встречены полные соответствия. Так наименование города в низовьях Волхова созвучно балтийской географической лексеме *lataka*, *lataga* в значении водоточный желоб, поток, струя, ров, топкое болото [Невская 1977:47 и сл.]. Рассматриваемый топоним встречается в географических названиях и имеет параллели в древнерусском языке, а именно, в названии разновидности рыбы сиг, зафиксированном в документах XVI-XVII вв., а именно ладога, лодога, лодуга, лудога, лудуга [Сл. РЯ 8:272, 293; Дворянинов 1990]. Сравни родственное слово луда в одном из значений каменистая отмель, плитяное дно

реки [Сл. РЯ 8:292]. Все приведенные понятия характерны для природного местоположения Ладоги, города у рек Волхова и Ладожки, проходящих здесь через плитяные русла и в недавнем прошлом действительно изобилующих ситами. Выказано также мнение, что исходным наименованием города в низовьях Волхова было скандинавское Альдейгья, в дальнейшем Альдейгьюборг. Эти топонимы зафиксированы в источниках начала XI и XII-XIV вв., возможно употреблялись в X в., если не ранее. Возникновение скандинавских наименований возможно связано с обозначением Ладожского озера, которое в древности называлось Альдек, Альда, Альдаген и даже Альдога [Карамзин 1989:298, прим. 4, 85]. Данные археологии подтверждают, что скандинавы с самого начала возникновения Ладоги входили в состав ее жителей, но не были единственными первопоселенцами. В древнейших слоях города открылись вещи разного происхождения, балтские, финно-угорские, скандинавские, славянские¹ и другие. Установить, насколько этот набор реально соответствовал тем или иным группам горожан, а не получен, по крайней мере, частично, торговым путем, пока затруднительно. Ясно однако, что в Ладоге в первые три века ее существования действительно временно или постоянно проживали люди разных стран. Преобладали, надо думать, местные жители из числа славян и финнов. Что касается скандинавов, то существенным является тот факт, что они в чужих землях городов, как правило, не основывали, а селились в уже созданных. Следует учесть указание достоверной версии летописного "Сказания о призвании варягов" о том, что Рюрик с братьями "приидоша к словенам преее, и срубиша город Ладогу [ПСРЛ 1962: стлб. 13-15]". Тремя годам раньше, как сообщает Новгородская первая летопись, словени, кривичи, меря, чудь изгнали варягов, очевидно, находников "за море" [Новгородская первая летопись 1950:106-107]. Такое изгнание по месту действия могло быть связано с Ладогой, в которой славяне и финны жили, скорее всего, с самого ее зарождения. Перечень племен, упомянутых в событиях середины IX в. на севере Руси в разных летописях рознится лишь немногим. В этой связи приведем, еще не обсуждавшиеся исследователями, известие Воскресенской летописи [ПСРЛ 1856:262]: "пришедшие словени с

¹ Приходилось писать о кольцевидных височных кольцах со спиральным завитком, обращенным наружу, как надплеменных общеславянских украшениях [Кирпичников 1980:452-455]. Древнейшие из них, найденные в Побужье, Смоленском Поднепровье и на Псковщине, относятся к VI-VIII и VIII-IX вв. В IX-X вв. встречены в сопках и на поселениях Старой Ладоги, Новых Дубовиков и Полужья, в древнерусских погребениях Гнездова, Суздальского ополья, Киева. В последующее время они обнаруживаются в ряде районов Руси и проникают в Юго-Восточное Приладожье и Прикамье. Карта распространения и хронология находок не позволяют считать их славяно-балтскими или восходящими к литовским образцам. Представители балтских и финно-угорских племен Восточной Европы в период раннего средневековья височных колец не носили. Они встречаются только в контактных зонах, как славянское заимствование [Седов 1994:62]. Что касается колец упомянутого выше образца, то их использование в женском уборе раннесредневековой Восточной Европы имело устойчивую местную традицию и генетически могло быть связано с праславянскими большими проволочными кольцами с завитком, обращенным внутрь [Седов 1982:260].

Дуная и седше у озера Ладожскаго, и оттоле прииде и седоша около озера Илменя" [ПСРЛ 1856:262]. Конечно, трудно представить, чтобы словени вышли к берегам Ладожского озера, минувя Ильменскую область, однако, их выдвигание к устью Волхова, действительно, было очень ранним и запечатлено разнородными археологическими объектами (особенно, погребениями), некоторые категории которых или неизвестны в Приильменье или представлены незначительно. Территория Северного Поволжья в отношении начала ее раннегородской заселенности кажется более обжитой, чем регион будущего Новгорода. Как бы то ни было, летописные известия о поселениях Северного Поволжья заслуживают внимания, и, думается, открывают этноопределенность основной части населения ранней Ладоги, что конечно, не исключает присутствия здесь и некоторого числа чужеземцев. На данной стадии изучения ладожских древностей было бы неосторожно считать, что основателями Ладоги были норманны [Кузьмин 1989:35; Джаксон 1993:245] или, что скандинавам принадлежит "определяющая роль в развитии ремесла и торговли, в формировании Ладоги как протогородского центра Северной Руси" [Давидан 1995:116]. Значительные группы скандинавов, по нашему мнению, появились в этом городе вряд ли ранее 60-х гг. IX в.

В свете всех приведенных наблюдений топоним Ладога, скорее всего, изначален, а скандинавский Альдейгия (и соответственно Альдейгьюборг) возник позже или параллельно с уже принятым местным. Переходим здесь к конкретным археологическим открытиям.

В 1973-1975 и 1981-1985 гг. Е.А. Рябинин произвел раскопки в западной части Земляного городища (площадью 330 кв. м.), прирезавшись к комплексам построек, исследованных В.И. Равдоникасом. Усилиями Е.А. Рябинына и Н.Б. Черных впервые в рамках VIII-X вв. установлена дендрохронология Ладожского поселения (дендродаты были также получены по материалам В.П. Петренко и А.Н. Кирпичникова). Датированы, соответствующие определенным строительным периодам восемь микрогоризонтов, каждый из которых существовал от 20 до 40 лет [Рябинин 1985:27 и сл.; Рябинин, Черных 1988:72 и сл.], выяснена рекордная по своей давности для древнерусских городов дата создания поселения в низовьях Волхова — 750-е годы, что, примерно, на 100 лет удревяняет дату первого летописного упоминания Ладоги под 862 годом. Установленное время основания Ладоги примечательно в нескольких отношениях. Во-первых, оно фиксирует факт становления в низовьях Волхова нового поселения, во-вторых имеет отношение к началу, по крайней мере, в этом месте Восточной Европы, международных торговых операций и, в-третьих, уточняет время появления в невско-ладожском регионе поселенцев, среди которых были и славяне.

Возвращаясь к работе отряда Е.А. Рябинына, отметим остатки обнаруженных им нескольких стеклодельных, бронзолитейных и железодельных мастерских. Примечательно наблюдение Е.А. Рябинына о массовом производстве бус, начиная с 780-х годов. Однако, ряд других производств укоренился здесь едва ли не изначально. В предметниковом слое Е.А. Рябиныным обнаружены остатки кузнечно-ювелирной мастерской с беспрецедентным по разнообразию и редчайшим для своего времени (750-е годы) набором, из не менее чем 25 инструментов ремесленника-универсала. Материал подробно опубли-

кован, что позволяет высказать несколько дополнительных замечаний к тому, что изложено автором находки [Рябинин 1994:5 и сл.].

Производственный комплекс состоял из двух рабочих мест. Одно представляло из себя домницу с горном и предгорновой ямой, скорее всего, для мехов¹. Помещение домницы, насколько можно судить по нерегулярно расположенным ямкам от столбов, не имело деревянных стен, но, вероятно, было защищено навесом. Горн (сохранился в разваленном виде на площади 2,8х3,2 м.) служил для получения кричного железа. Неподалеку от него находился большой валун использовавшийся не как наковальня, а по-видимому, для околачивания криц и скола шлаков. Действительно, поверхность валуна покрыта частыми выбоинами и ямообразными углублениями — следами оббивки криц. В месте горна обнаружено около 600 кусков шлаков, попадались также заготовки и отходы железоделательного и бронзолитейного производства, а также и некоторые готовые изделия (ножи, детали заклепок). Позже на месте горна соорудили печь (?) производственного назначения². При этом горн большей частью был разрушен. О его первоначальном облике мы можем судить по хорошо сохранившемуся горну IX в., открытому во время раскопок Староладжской археологической экспедиции на том же Земляном городище в 1988 г. Внешний диаметр шахтообразного ствола последнего составлял около 1 м. [Кирпичников, Назаренко 1992:141 и сл.]

Второе рабочее место рассматриваемого комплекса располагалось по соседству и занимало площадь 5х6 м. Каких либо стенок или загородак также прослежено не было. Возможно, как и над домницей, существовал навес. Именно здесь и был обнаружен разнообразный набор ремесленных инструментов, включавший клещи, молотки, зубила, сверла, волочильные доски, миниатюрную наковальню, ножницы для резки металла, тигли. Все эти орудия предназначались преимущественно для тонких ювелирно-отделочных работ с применением не только железа, но и бронзы, свинца и олова. Инструменты обнаружены "в россыпи" на пространстве 1х1,8 м. Они не были спрятаны, а оставлены их владельцем едва ли не в открытом виде, поэтому кладом в строгом смысле слов это скопление назвать нельзя. В "пятне" данной мастерской открыты части металлоплавильного устройства, а возле него ряд готовых изделий, в том числе серповид-

¹ По мнению Е.А. Рябинина, данное место — кузница, а яма предназначалась для воды (здесь могли закалять железо). Мне думается, что более точным будет определить этот комплекс в его первоначальном виде, как домницу. Возможно, что здесь производили плавку конгломерата железа и шлака (в виде так называемой спецкрицы), уже прошедшего на стороне первичную обработку. Если в данном месте еще и ковали вещи, то это предполагает наличие печи, молотов, кузнечных наковален и т.д., но ничего из этого обнаружено не было. Что касается ямы, то в ней, может быть помещались горновые меха и вместилище для работника.

² Эту печь Е.А. Рябинин называет горновым устройством. Однако, ни размер печи, ни ее устройство не соответствуют конструкциям известных железоплавильных горнов. При раскопке упомянутой печи и ее окружения нашлось некоторое количество металлических предметов, но вряд ли они относились к периоду первоначальной домницы, а не отложились позже. Как отмечает Е.А. Рябинин, было затруднительно четко разделить слои (черного и бурого гумуса), содержащих все интересующие находки [Рябинин 1994:8].

ное кольцо, колпачковидная и трапецевидные подвески, сходные с такими же находками в смоленских длинных курганах. Другой адрес — скандинавский, указывает, найденное вместе с инструментами, бронзовое антропоморфное навершие, по-видимому, увенчивавшее заостренный железный стержень [Vierck 1983:Abb. 3,1], служивший ремесленнику, возможно, для разметки поверхности изделий в целях их дальнейшей ювелирной отделки.

Таким образом, мастерская в первоначальном виде состояла по меньшей мере из горнового и отделочно-кузнечного отделений, для ее обслуживания, несомненно требовались несколько человек. Полифункциональный и политехнический характер ее деятельности подтверждается многочисленными отходами производства, заготовками, а также находками ножей, наконечников стрел, гвоздей, корабельных заклепок, литых украшений. Судя по всем этим предметам, в мастерской производились кузнечно-слесарные и ювелирные работы. При этом осуществлялся полный цикл обработки изделий из черных и цветных металлов, включая их плавку, ковку, сварку, волочение проволоки, разрезание материала, литье из бронзы, свинца и олова.

Высказано мнение, что эта мастерская работала сезонно в теплое время года, а ее владелец мог быть бродячий мастер (или мастера) [Vierck 1983:26]¹. Археологическим подтверждением этому служат согнутые в 2-3 раза сверла (наибольшее длиной 60 см.). Очевидно, они были слишком длинны и мастер, сняв деревянные рукояти, согнул их так, чтобы помещались в какой-то походный футляр. Это, очевидно, было сделано не в момент прихода ремесленника в Ладогу, а при отъезде из нее. Ведь мастерская активно работала и в ней накопилось немало отходов производства, да и готовых изделий. По каким-то причинам владельцу инструментов что-то помешало их взять, они были оставлены прямо на земляном полу мастерской и в дальнейшем не востребованы.

По мнению Х. Фирка, речь могла идти о балто-финской или даже восточно-славянской мастерской, которая заимствовала из Германии набор инструментов и некоторые изделия [Vierck 1983:15]. А привезти все это в Ладогу могли ремесленники из Готланда, ибо на этом острове "были не только бонды-торговцы, но и бонды-кузнецы" [Vierck 1983:28]. Из какой бы страны не были мастера (или мастер), приехавшие в Ладогу практически в момент ее возникновения, они являлись профессионалами высокого класса и владели орудиями технически совершенной выработанной формы. Столь же совершенной была и техника выработки. Достаточно сказать, что в мастерской найдены заготовки и готовые ножи, выполненные по системе трехслойного пакета. Насколько известно, это древнейший пример изготовления изделий с подобной технологией, открытых в раннесредневековой Восточной Европе. Становится очевидным, что продукция рассматриваемой мастерской могла привлечь взыскательного покупателя и годилась как для внутригородского, так и более широкого

¹ По мнению Е.А. Рябины, мастерская была стационарной и действовала вплоть до начала 770-х годов [Рябинин 1994:55]. Не касаясь вопроса о длительности работы мастерской, в согласии с Х. Фирком, думаю, что производство, организованное на рассматриваемом месте, во всяком случае первоначально, носило сезонный характер.

интернационального сбыта. Действительно, деятельность универсальной многопрофильной мастерской отвечала потребностям не только местного рынка, но и нуждам дальней торговли, в частности, необходимости строить и ремонтировать корабли. При этом иноземный мастер (или мастера) не мог бы успешно работать, если бы здесь не был использован труд местных помощников, освоивших, надо полагать, производственные приемы пришельцев [Рябинин 1994:54-55]. Именно контакт с местной средой позволил мастерской быстро освоить выпуск украшений отнюдь не скандинавского, а славяно-балтийского облика.

Рассматриваемый производственный комплекс при всем том, что он имел сезонный характер, знаменует собой начало городского ремесла, включавшего непрерывный цикл изготовления изделий, разделение труда между мастером и подмастерьями, работу на свободный рынок и на заказ, наконец, необходимость производства на своем и привозном сырье. Перед нами убедительное свидетельство того, чем занимались первые ладожане еще в предвикингский период. Для изучения не только Ладоги, но и других евробалтийских городов находка Е.А. Рябина, имеет, несомненно, эталонное значение.

Культурный слой Старой Ладоги таит в себе множество и других, порой неожиданных открытий. В 1972-1977 гг. еще один участник Староладожской экспедиции В.П. Петренко впервые провел значительные раскопки вне Земляного городища, на территории левого берега р. Ладожки в районе Варяжской улицы (площадь 600 кв. м.). Толща культурного слоя составляла здесь несколько более 3 м., и подразделялась на одиннадцать строительных горизонтов, дендродатированных 840-980 годами. Здесь зафиксировано свыше 60 разного рода построек, включая как отдельные избы, так и трехчастные связи, а также хозяйственные сооружения [Петренко 1985:81 сл.]. Особый интерес представляла большая постройка с двойным ограждением размером 11x11 м. общей площадью 120 кв. м. Постройка функционировала в 60-80 гг. X в., являясь неким общественным сооружением, возможно, святилищем, местом собраний и пиршеств — континой (известной западно-славянскому миру), сезонным местом сбора дружины или веча (сооружение, кажется не имело крыши).

В 1984-1991 гг. Староладожская археологическая экспедиция (А.Н. Кирпичников, В.А. Назаренко, О.И. Богуславский, А.А. Пескова, Т.С. Бубенько), продолжала последовательные раскопки Земляного городища, заложив раскоп площадью 12x14 м. на его северо-западном углу. Под 3,5-метровой насыпью бастиона были обнаружены и изучены напластования IX-X вв. общей толщиной 1,5 м. Вскрыто не менее 9-ти строительных горизонтов культурного слоя. При этом обнаружено более 2000 индивидуальных находок и 26000 обломков глиняной посуды. Выявлены остатки девяти деревянных жилых и хозяйственных построек (пять из них с отопительными устройствами. Более подробно см. статью А.Н. Кирпичникова и В.А. Назаренко в этом томе). До середины X в. обычным являлся двухкамерный дом с прямоугольным очагом в центре одного из помещений. Для более позднего времени характерны избы площадью 4,5x4,5 м. с печью-каменкой в одном из углов. Обратило внимание, что практически в каждой из раскопанных жилых построек найдены кусочки янтаря, неоконченные обработкой бусы, капли стекла, тигли, льячки, фор-

мочки, иногда пиленая кость и некоторые ремесленные инструменты (молоточки, клещи). Это дает повод считать эти жилища одновременно и мастерскими по выработке янтарных, бронзовых, стеклянных, иногда костяных изделий (аналогичные примеры известны и по более ранним раскопкам В.И. Равдоникаса, а также Е.А. Рябинина и В.П. Петренко). Ремесленное производство в этом месте было при- суже уже первым поселенцам. Тогда, то есть, примерно, в середине IX в. в прилегающей к р. Ладожке части посада были намерены участки шириной около 6 м., разделенные канавами для втаскивания и хранения судов. Открыты два таких участка: на одном зафиксиро- ван двухкамерный дом, на другом — упоминавшийся выше железо- плавильный горн с предгорновым углублением для мехов [Кирпич-ников, Назаренко 1992:141 сл]. Парцеллы своими торцами выходили к реке, а их владельцы, очевидно, не только производили, но и вывозили по воде свои изделия на продажу. Это предполагает суще- ствование в IX в. (а, может быть, и раньше) в Ладогe ремесленников- торговцев, в качестве особой группы самостоятельного городского населения. Не этот ли универсальный класс "береговых жителей" (на западе Европы они назывались штедингами) обеспечил необычай- ный в те времена подъем города и его благосостояния.

Поразительно сходные с ладожскими участки земли с мастер- скими по изготовлению изделий из бронзы, янтаря и кости были обнаружены археологами в датском городе Рибe. Там эти полосы были также разделены канавами и по ширине составляли 7 м. Они также выходили своими торцами к воде. Получается, что в городах, разделенных 1600 километрами строили по одному землеустроитель- ному плану. Как можно это объяснить?

Подразделение городской территории на участки, примыкавшие к реке, улице, крепостной стене характерно для планировки ряда европейских городов, в том числе и скандинавских. К примеру, по свидетельству "Саги об Олаве Святом" при основании города Нида- роса (Тронхейма в Норвегии) конунг "размечал участки для застройки и давал их бондам, купцам и другим людям, которые пришлось ему по нраву и хотели там обосноваться" [Стурлусон 1980:196]. Становится понятным, что разметка участков — свидетельство определенного порядка городского землепользования и наличия администрации, осуществлявший раздел территории, особенно, в таких удобных и выгодных районах города, каким была в то время прибрежная суша. На примере Рибe и Ладоги появление такой практики следует отне- сти к VIII-IX вв. Заманчиво связать ладожские парцеллы с деятель- ностью викинга Рюрика, пришедшего, судя по сообщению летописи, в Ладогу в 862 г. или его продолжателя Олега Вещего¹. При них

¹ По наблюдению К.А. Михайлова устройство кургана 11 урочища Плакун, вклю- чавшего камеру и гробовище и относящегося ко второй половине IX в., напоминает подобные, близкие по дате, погребения Дании, особенно, обнаруженные в южной Ютландии. (К.А. Михайлов. Южноскандинавские черты в обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля" в 1996 г. Вып. 10. Новгород. 1996. С. 52 сл.) Подобное сопоставление увязывается со сходством парцелл Рибe и Ладоги, что, думается, имеет растущее значение для наблюдений о русско-датских контактах времен первых варяжских властителей Ладоги.

ладожское поселение расширилось и заняло оба берега р. Ладожки, а ее устье стало служить естественной общегородской гаванью. Не с этим ли связано расположение участков, выходявших непосредственно к этой реке. Изучение ладожских парцелл решено продолжить. В связи с этим экспедиция начала в 1992 г. исследование нового раскопа, расположенного вплотную к завершеному в 1991 г.

В раскопках Н.И. Репникова, В.И. Равдоникаса, Е.А. Рябинина, В.П. Петренко и наших были выявлены жилища разных типов: избы с печами-каменками в одном из углов, оригинальный большой дом, относящийся к концу IX в., площадью 10x17 м. — вероятно общежитие купеческого товарищества, наконец, двухкамерные дома площадью 60–80 кв. м. Эти последние имели жилой покой с прямоугольным очагом и расположенный со стороны входа узкий холодный отсек. Такие дома предстают окруженными хозяйственными строениями и могут рассматриваться, как главные владельческие сооружения городских усадеб [Кирпичников 1985а:6 сл.]. По своему типу и плановой структуре они являлись прямыми предшественниками домов-пятистенков, строившихся в X–XIII вв. (и позже) в северо-русских городах.

Как избы, так и двухкамерные дома, сооружались в Ладоге изначально. Представления о их определенной хронологической приуроченности не подтвердились. Правда, в X в. по сравнению с более ранним временем изб становится все больше, они теснят двухкамерные жилища. Что касается происхождения типов этих построек, оно может быть различным. В частности, двухкамерные дома в Скандинавии строились на хуторах еще в XIX в., а археологически выявленные относятся к XI в. (по раскопкам в Тронхейме в Норвегии). Появились ли в Ладоге постройки этого типа с севера Европы, ответят будущие исследования.

Экспедиция с помощью обследований и шурфовки определила границы культурного слоя раннесредневековой Ладоги на площади, примерно, 12 га. С помощью сведений переписных книг XVI в. впервые удалось реконструировать план Ладоги, достигавший в XVI в. 16–18 га. Тогда ее территория подразделялась на шесть частей-концов со своими приходскими храмами. В своей основе эта планировка восходила к XII в., когда в Ладоге в рекордно короткое время были построены все ее культовые здания — центры своих районов [Кирпичников 1985б:171 сл.].

Большинство ладожских церквей, как показали изыскания П.А. Раппопорта, последовательно, один за другим строились одной артелью мастеров в непродолжительный период времени, примерно, между 1153 и 1166 гг. [Раппопорт 1982:198 сл.]. Так как эти постройки сооружались, по-видимому новгородскими каменщиками, то в самом Новгороде каменное дело полностью приостановилось. Такого рода случай для Новгорода, кажется, единственный и свидетельствует, о

К рис. 1.

Старая Ладога и ее окрестности. Схема расположения основных памятников археологии и архитектуры (черт. А. Кирпичникова).

Условные обозначения: 1 — сохранившиеся и не сохранившиеся храмы, 2 — сохранившиеся и разрушенные сопки, 3 — сохранившиеся и исчезнувшие курганы, 4 — грунтовые погребения, 5 — средневековый культурный слой, 6 — сохранившиеся памятники археологии и архитектуры.

Экспликация чертежа — см. Приложение к настоящей статье (стр.22)

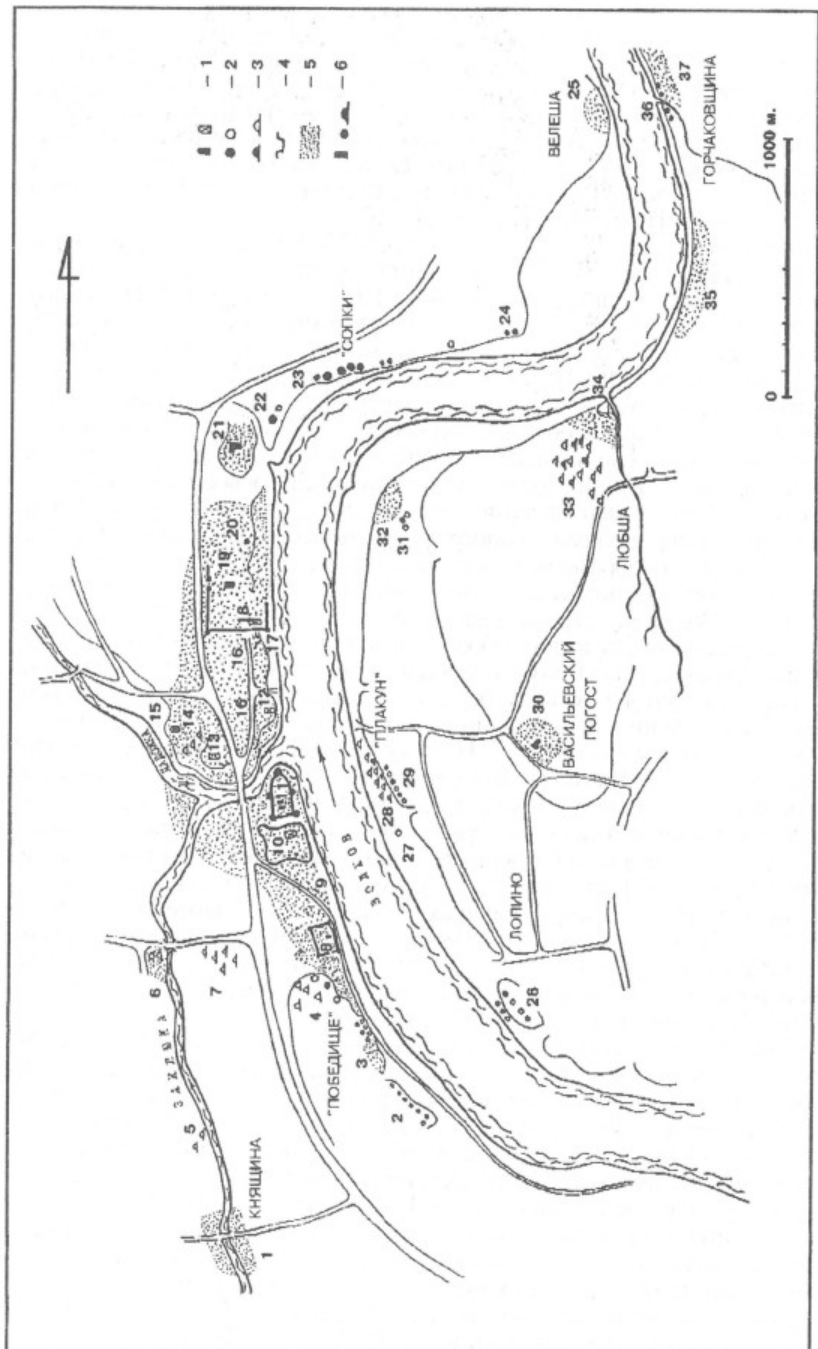

Рис. 1.

том, что в столице земли шли на определенные издержки и даже жертвы, чтобы удовлетворить автономные нужды города-федерата. Проявилось в этом и положение Ладоги, как основного "водного" въезда в страну в период подъема балто-готландской и балто-немецкой торговли. Заказчиком столь масштабного строительства, преобразившего весь облик города на Волхове, были, возможно, состоятельные горожане, а реализовал его, скорее всего, посадник Нежата — влиятельный деятель Новгородского государства, находившийся в Ладоге с 1161 г. [Кирпичников 1988:66-67].

Экспедиция составила карту примерно 150 памятников археологии и архитектуры древней Ладоги и ее окрестностей на пространстве около 250 га. (еще одна такая карта выполнена Г.С. Лебедевым и В.Н. Седых) [Лебедев, Седых 1985:15 сл.]. В числе учтенных объектов: урочища, селища, городища, сопки, курганы, грунтовые могильники, а также храмы, монастырские комплексы, крепостные сооружения, улицы. Эти памятники, как сохранившиеся, так и исчезнувшие, но известные по литературе и архивам, особенно, погребения, запечатлели первосоздатель ладожского поселения: славян, скандинавов, балтов, представителей других народов. Ладога предстает в окружении освоенной округи с дорогами, загородными дворами знати, укрепленными форпостами и языческими некрополями. Топография объектов ладожской старины обнаруживает своеобразный международный музей древностей и убеждает в сложности культурных и этнических процессов, происходивших в городе и на Волхове в первые века его существования (рис. 1).

Материалы экспедиции обосновывают тезис о существовании в низовьях Волхова Ладожской городской волости, занимавшей ключевое положение на пути из "варяг в греки" и из "варяг в арабы" [Кирпичников 1979б:92 сл.]. Ладога и тяготеющие к ней поселения — саттелиты и дорожные станции (раскопки Е.Н. Носова и В.П. Петренко) занимали порожистую часть Волхова, протяженностью не менее 65 км. В этом районе первоначально происходил, видимо, внутрирегиональный обмен между местными и чуждыми торговцами, а затем устойчиво соединились торговые потоки из ближних и дальних местностей и стран. Это, в частности, подтверждают находки диргемов, которые свидетельствуют о том, что восточное серебро появилось в Ладоге не позднее 50-х — 60-х гг. VIII в. Именно город в низовьях Волхова явился одним из первых центров русской равнины, где диргема зафиксированы сразу же как только началось их распространение в странах Восточной и Северной Европы [Кирпичников 1995:28 сл.].

Собранные данные о раннесредневековой Ладоге позволяют заключить, что в тот период она была центром самоуправляющейся Ладожской земли, которая по времени предшествовала Новгородской, простиралась от Онежского озера на востоке и до Ижорского плато на Западе и распространяла свое влияние на югу и Биармию. В орбите Ладоги находились: приладожская чудь, лопь, ижора [Кирпичников 1988:67 сл.]. Разыскания, которые проводят в Юго-восточном Приладожье В.А. Назаренко, О.И. Богуславский и С.И. Кочуркина установили, насколько тесно были связаны приладожские финны с Ладогой. Их изделия, находимые в могильниках, в большинстве поступали к ним из этого населенного пункта.

Важное значение придает экспедиция изучению определенных категорий археологических памятников. В 1970-1979 гг. В.П. Петренко

изучил 12 частью раскапывавшихся ранее сопки (всего в районе Ладоги их насчитывалось около 30, а в зоне нижнего Поволховья, включая Ладогу, не менее 67). Исследователь обратил внимание на устройство нередко многоярусных насыпей, классифицировал и датировал эти сооружения, соотнес с ними прилегающие грунтовые погребения, проанализировал вещевые находки. В.П. Петренко успел закончить книгу о сопках Северного Поволховья [Петренко 1994]. Выполненный труд — серьезный вклад в науку. Исследователь не предлагает однозначных решений. Сопки рассмотрены им в контексте сложных процессов сложения культуры древнерусской народности и ее соседей.

Масштабные исследования В.П. Петренко позволили археологам высказать предположение о том, что именно в районе Ладоги появились первые на севере страны крутобокие насыпи в качестве особого рода погребальных сооружений местного населения [Конечский 1993:22], в данном случае горожан Ладоги. В своей книге В.П. Петренко справедливо писал: "самого пристального внимания заслуживает факт, что среди волховских сопки подавляющее большинство занимают высокие террасы" [Петренко 1994:109]. На это обстоятельство обратил внимание еще один из первых исследователей Старой Ладоги З.Д. Ходаковский. Он писал: сопки "неотступно придерживаются воды по берегам и всем изгибам рек и речек; в полях не видно их вовсе, и даже мне не случалось заметить, чтобы одна сопка стояла позади другой в поле" [Ходаковский 1839:147]. Заметим, что некоторые сопки в зоне их распространения насыпались и поодаль от рек, но в отношении Старой Ладоги слова Ходаковского верны. Приуроченность сопки к основной водной дороге региона — реке Волхов, действительно, не случайна и, возможно, связана с поклонением своим предкам, тех, кто передвигался по этому пути. Величественные могильные холмы, расположенные по обеим сторонам реки, служили торжественным сакральным оформлением главной подъездной дороги к Ладоге (как не вспомнить о наследующих этой традиции христианских храмах).

Вершины сопки, надо полагать, увенчивали столбы с именами, как сообщает Ибн-Фадлан, усопших мужей. О существовании деревянных предметов со знаками, употреблявшихся при заупокойных обрядах, свидетельствует обломок рукояти (от весла?), найденный Е.Н. Носовым при раскопках в 1973 г. сопки вблизи урочища "Плакун" [Носов 1985:147 сл]¹. На этом предмете вырезаны три пересекающихся треугольника. Возможно, такого рода личными, домовыми или родовыми знаками метили намогильные столбы—"бдыны", воздвигавшиеся на вершинах погребальных холмов — сопках и курганах.

Сопки раскапываются на снос. Экспедиция ныне считает их дальнейшие исследования нецелесообразными, так как это приводит к обеднению исторического ландшафта. Понимая подобную проблему, В.П. Петренко реставрировал одну из раскопанных им насыпей на урочище "Победище". Воссоздание утраченных или исследуемых сопки и курганов, думаю, в дальнейшем станет общей необходимостью.

Одновременно с ходом полевых работ и изучением добытых находок экспедиция пытается осмыслить сложные вопросы, связан-

¹ Благодарю Е.Н. Носова за предоставленные рисунки знака на рукояти из упомянутой сопки.

ные с возникновением и функционированием Ладоги в первые века ее истории. Это развитие отличалось своеобразием и неповторимостью, выделявших ее от ряда других древнерусских городов. Данная проблема все настойчивее привлекает археологов и историков, ныне предложены ряд моделей и разработок [Лебедев 1985:205-211; Мачинский, Мачинская 1988:46 сл.].

Изучая Ладогу эпохи раннего средневековья, можно констатировать, что по времени своего возникновения и темпам развития она являлась одним из передовых мест тогдашнего быстро менявшегося мира. Становление этого центра объяснялось как общественно-политическими причинами, так и, еще в большей мере, хозяйственно-экономическими, точнее сказать торговыми и производственными. Находки Ладоги побуждают по новому оценить уровень ее развития в первоначальный период. Поселению в низовьях Волхова с самого начала присущи признаки сложившегося города с характерным для него ремеслом, торговлей, усадебным домостроительством, транспортно-дорожными функциями. Складывается убеждение, что Ладога не испытала длительной предгородской стадии. Еще до начала эпохи викингов Ладога выдвинулась как многоэтничный центр славян, финнов, скандинавов, представителей других племен и народов. Мощные импульсы славянской и других культур создали здесь особо благоприятные возможности для ускоренного формирования города минуя его раннюю, эмбриональную фазу развития.

Ладога выделялась среди многих городов тем, что во-первых, в отличие от некоторых городских поселений не меняла своего местоположения и, во-вторых не имела сколько-нибудь значительного аграрного хинтерланда, ее экономика была ориентирована преимущественно на внешние связи и обслуживание водного транспорта. Быть может поэтому в Ладоге не обнаружены, свойственные городам земледельческих районов, боярские дворы. Владельцами домов были, насколько можно судить, в большинстве социально уравненные, свободные горожане, занимавшиеся коммерческой и производственной деятельностью.

Меняется оценка Ладоги, как международного явления. Начиная со второй половины VIII в. город в низовьях Волхова входил в состав наиболее развитых евробалтийских и восточно-европейских городских центров. Занимая ключевое положение на стыке морских и речных путей Ладожское поселение служило гаванью и перевалочным пунктом, местом контакта различных этнических групп и культур и само являлось базой и рынком для налаженного производства и продажи "экономических" ценностей, особенно, мехов. Через такие поселения проходила транзитная торговля, осуществлялся сбыт и обмен местными и дальними товарами, было организовано специализированное, преимущественно, ювелирное ремесло. Все эти качественные показатели выдвигают раннюю Ладогу в число наиболее преуспевающих торговых и рыночных мест средневековой Европы.

Ладога являлась самым восточным городом северобалтийского региона и в первые века своего существования представляла своеобразный людской Вавилон. Здесь, как отмечалось выше, встречались и торговали славяне, финны, скандинавы, саксы, арабы, волжские болгары, хазары... К поселению в северном Поволжье можно смело отнести слова хрониста Адама Бременского, адресованные городу

Волину на побережье Балтики. "Приезжие, пишет он, получают равные права с местными жителями, лишь бы только находясь там, не выставляли напоказ христианской веры (горожан хронист причислял к язычникам — А.К.). Что же касается нравов и гостеприимства, то нельзя найти людей честнее и радушнее. В этом городе полным товаром всех стран северных народов, есть все чего не спросишь дорого и редкого" [Хрестоматия 1949:42-43]. Многоязычие, веротерпимость, процветающая торговля, активное предпринимательство — таковы черты не только Волина, но и некоторых других бурно растущих городов, в том числе, и Ладоги.

Геополитическое, транспортное и хозяйственное значение Ладоги способствовало ее лидирующей базовой роли в создании северорусского государства. В этой связи коснемся известий, опубликованной В.Н. Татищевым, Иоакимовской летописи — источника во многом загадочного, сложного, имеющего наслоения разных эпох, но вызывающего все больший интерес исследователей своими уникальными, порой неожиданно открывающимися реалиями, в особенности, что касается ранней истории Северной Руси, Новгорода, русско-скандинавских отношений [Татищев 1962:107-114; Янин 1984:49-56; А.Д. Мачинская, Д.А. Мачинский 1995:6-9]. В летописи сообщается о местной славянской княжеской династии, которая властвовала на севере Руси до появления здесь в 60-е гг. IX в. скандинавского выходца Рюрика, приводятся имена князей нескольких поколений, упомянуты войны, которые они вели, указана их резиденция "Великий город", созданный князем-фундатором Славеном. "Великий город" был возведен сваянами, переселившимися из областей Фракии, Иллирии, Подунавья. Далее отмечено, что "Великим городом" стали обладать варяги "дань тяжку возложаша на словяны, русь и чудь". В.Н. Татищев отождествлял "Великий город" с г. Ладогой¹, ибо "до перенесения престола (великокняжеского) в Новый Великий город (Новгород) оный был престольный" [Татищев 1962:284]. Историки это предположение, сколько мне известно, не комментировали, так как ему не было подтверждений. Ныне положение изменилось. Археология Ладоги, открывшая ее существование в VIII-IX вв., позволяет считать сопоставление Ладоги с "Великим городом" не столь уже легендарным. Развитое ремесло и жилые кварталы появились в поселении в низовьях Волхова уже в первые сто лет его существования. На севере Руси в рассматриваемый период, кроме Ладоги не было другого столь значительного поселения, которое бы могло претендовать называться "Великим городом" — центром, как перечисленно в Иоакимовской летописи, славян, руси, чуди, веси, мери, кривичей и даже дреговичей. Эти же племена, кстати сказать, почти в той последовательности перечислены по отношению к северо-русским событиям 50-60-х гг. IX в. и в Повести временных лет. В Ладоге, как сложившемся межплеменном городе, действительно, могла существовать местная "доваряжская" династия.

Если все сказанное выше имеет основания, то мы вправе привлекать сведения Иоакимовской летописи для характеристики пер-

¹ В Иоакимовской летописи Ладога не названа. Упомянут Словенск, который В.Н. Татищев считал Новгородом. Ладогу он сопоставлял с названным в том же источнике "Старым городом", в отличии от "Нового града великого" — Новгорода. Местоположение "Нового града" времен Рюрика, однако, спорно. Возможно, речь идет о предшественнике Новгорода — Рюриковом городище.

воначальной Ладоги, по-видимому, представлявшей вместе с округой раннегосударственный центр.

Согласно Исакимовской летописи Рюрик и его братья были приглашены на Русь в связи с отсутствием мужских наследников у местного правителя-князя Гостомысла. Иначе этот факт освещен в упоминавшемся выше "Сказании о призвании Варягов". В нем повествуется о том, что в 862 г. словени, кривичи, чудь, меря и весь, собравшиеся, скорее всего, в Ладоге, которая была для них федеративной столицей, решили пригласить скандинава Рюрика с братьями. Причины призвания летописец объяснял междоусобными распрями и беспорядками: "земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) нет". На выбор кандидатуры варяжского предводителя повлияли разбойничьи нападения викингов, которые грабили и жгли города и обложили население ежегодной тяжелой данью. Приглашенный чужеземец, возможно, и защитил северные племена от пиратских набегов, но вскоре узурпировал власть местных старейшин [Кирпичников 1988:44 сл]. Какими бы не были причины приглашения скандинавов, оба летописные источника согласны в одном — к власти в Северной Руси пришла династия Рюриковичей, правившая в России вплоть до конца XVI в. Ладога же стала столицей нового в Европе государства, охватывавшего области Приладожья, Приильменя, а также земли Пскова, Белоозера, Мурома, Ростова и Полоцка. В дальнейшем столицей державы стал Новгород, затем Киев, а город в устье Волхова остался личным достоянием великокняжеского дома и лишь после XII в. превратился в провинциальный центр Новгородской земли.

Особый владельческий и государственный статус раннесредневековой Ладоги подтверждается рядом прямых и косвенных известий. Приемник Рюрика князь Олег Вещий вскоре после царьградского похода "иде... в Ладогу" [Новгородская первая летопись 1950:109]. В этом городе, таким образом, в последний раз видели загадочно ушедшего из Киева, князя. По одной записи он был погребен в Ладоге, по другой в Киеве. Северная версия признана весьма правдоподобной [Рыбаков 1963:179,192]. И поныне местное предание указывает могилу Олега в одной из ладожских сопок. Значение Ладоги, как международного центра, порта, торговой базы, резиденции династии было оценено современниками. Не исключено, что в определенный период наследники киевского великокняжеского престола находились в Ладоге, а не в Новгороде (или его предшественнике Холмгарде-Холмогороде). Так по известию Саги о Стурлауге Трудолюбивом, в Альдейгьюборге "правил конунг Ингвар, он был мудрый человек и большой хевдинг". В названном лице усматривают Игоря — великого киевского князя с 912 г. [Глазырина, Джаксон 1987:167-168], возможно, какое-то время находившегося в городе в низовьях Волхова.

Сходная ситуация повторилась с его сыном Святославом. Константин Багрянородный в своем сочинении "Об управлении государством" (между 948-952 гг.) писал, что в Немогарде (Невогарде) "сидел Сфендослав сын Ингоря архонта Росии" [Константин Багрянородный 1991:45, 310]¹. Княжение Святослава, как известно, началось в Киеве в 946 г. Во

¹ Высказано мнение о том, что отмеченная в сочинении К. Багрянородного транспортировка челнов из Немогарда (Невогарда) во Внешней Руси в Киев трудно осуществима и поэтому сомнительна. Суда в сочинении византийского

Внешней (Северной) Руси он мог быть в юном возрасте, до смерти своего отца Игоря. Обращает внимание резиденция молодого княжича, которую многие считают Новгородом. Однако, Новгород в период написания трактата "Об управлении государством" только отстраивался на своем новом месте и поэтому вряд ли был известен в далекой Византии [Носов 1995:11-13]. Возможно, что в приведенном выше имени города запечатлено древнее наименование озера Ладоги — Нево. Поэтому допустимо, что речь идет о приозерном городе Ладоге, входившим в домен правящего дома и служившим местопребыванием наследника династии [Кирпичников 1988:55].

Государственное внимание к Ладоге как важному городу и "окну" в Скандинавию проявилось в начале XI в. Около 1019 г. Ладога и ее область были переданы в свадебный дар жене Ярослава Мудрого — шведской принцессе Ингигерд. Управлять Ладогой стал наместник великой княгини и ее родич Рогнвальд, а после смерти последнего его сын Эйлиф. Действие властей Ладоги ограничивалось по договору тем, что они управляли Ладожской землей, содержали наемный отряд для защиты государства конунга (т.е. Ярослава Мудрого), собирали дань, отдавая ее часть центральному правительству [Глазырина, Джаксон 1986:108 сл.]. Угрозу Ладоге создавали норманны-пираты и некоторые окрестные финские племена. В 997 г. посад и крепость во время набега сжег и разрушил норвежский ярл Эйрик Хаконарсон. Начиная с конца X в. и в последующее время обстановка в этом регионе была настолько неспокойной, что ладожский норманский отряд получил воинское подкрепление с хевдингом (правителем) Харальдом во главе. "Одно и то же затеяли два хевдинга там, где сидел Эйлиф", то есть в Ладоге [Глазырина, Джаксон 1986:111] и ее округе. В последней четверти XI — начале XII вв., видимо, при князе Мстиславе Владимировиче — последнем самодержце Киевской державы на смену скандинавским ярлам пришла русская администрация во главе с посадником.

Достоверность сообщения о передаче Ладоги в свадебный дар знатной шведке заподозрена Г.В. Глазыриной на том основании, что поместивший это сообщение Снорри Стурлусон в своем "Круте земном" при обозначении дара воспользовался редким юридически термином — *tilgjof*, зафиксированном в норвежском документе XII в. Кроме этого, Глазырина обращает внимание, на то, что сам факт дара не соответствует юридическому имущественно-правовому положению женщины как в Скандинавии, так и на Руси [Глазырина 1994:240-244]. Полагаю, что сомнения исследовательницы вряд ли основательны. Специальный термин, использованный Снорри Стурлусоном при написании около 1230 г. своего сочинения и ныне

императора названы моносилами-однодревками или долбленками. В Киеве и у острова Св. Эферия в конце Днепровского пути они переоснащались для дальнейшего плавания. Справедливо полагают, что конструктивно эти корабли нельзя сводить только к выдолбленным из одного ствола дерева. Использовали ладьи разных типов, например, с клинкерной обшивкой, надставленными бортами и т.д. [Константин Багрянородный 1991:307-308]. Установлено, что в Ладоге изготовлялись суда сложной конструкции, сходные с викингскими. В Киеве, конечно, были заинтересованы в получении совершенных по устройству северных кораблей, пригодных как для речного, так и морского плавания. В таком случае трудная транспортировка таких судов из района Ладоги в Киев получает свое объяснение.

отысканный в документе второй половины XII в. мог применяться и в более раннее время. Далее. Положение знатных женщин было особенным, поэтому дар принцессе был не только возможен, но и не исключителен. В этом отношении показательно свидетельство Иоакимовской летописи, о том, что когда любимая жена князя Рюрика Ефанда (Сфанд или Алфвинд) "роди сына Ингоря, даде ей обещанный при море град с ижорой в вено" [Татищев 1962:110]. Незнаменным градом в тот период могла быть только ближайшая к упомянутому "морскому" району Ладога. "Таким путем думали, быть может, наши первые княгини обеспечить связь и поддержку своих заморских родичей" [Беляев 1929:264]. Не этот ли опыт был в дальнейшем повторен Ярославом Мудрым в отношении Ладоги и ее области. Добавлю, что передача Ладоги и ее округи в служебное держание вассалу — чужеземному правителю с наемным отрядом воинов не только не нарушала целостность государства, но способствовала большей защищенности его границ. В странах средневековой Европы такого рода договорные пожалования не были редки и, более того, являлись нормальной практикой государства, озабоченного охраной окраинных земель.

Время Рюрика и его приемника князя Олега Вещего оставило в Ладоге выразительные следы. Город существенно обновился. Его границы расширились, была занята территория на левом берегу р. Ладожки. Выше говорилось о парцеллах, устроенных на незастроенных участках береговой части поселения. В писцовой книге около 1500 г. упомянута Варяжская улица. Время ее устройства, по-видимому, значительно более раннее. Появившиеся в городе в низовьях Волхова переселенцы-норманны хоронили своих на семейных кладбищах. Таков могильник в урочище "Плакун" и захоронения скандинавов (они, правда, не древнее XI-XII вв.) возле церкви Святого Климента на Земляном городище [Назаренко 1985:156 сл.; Санкина, Козинцев 1994:58]. В последней четверти IX в. на мысу, образованном реками Волховом и Ладожкой, была построена первая на Руси каменная крепость. О ней нет известий, поэтому эта находка явилась археологической неожиданностью. Судя по расчищенным упавшим блокам, первоначальная высота стен укрепления достигла не менее 3 м., а ширина — около 3 м. Крепость была сложена из волховского плитняка с использованием в качестве связующего материала глины. Твердыня имела одну, а, может быть, и несколько башен. Возвели ли ее пришлые мастера, допустим, рейнские, сказать трудно, однако, цели строительства представляются очевидными. Укрепление обеспечивало безопасность судоходства, да и самого города. Оно должно было защитить горожан прежде всего от разбойничьих набегов викингов. Эта задача была решена успешно. Только в конце X в. норвежскому ярлу Эйрику Хаконарсону, как упоминалось, удалось захватить и разрушить Ладогу [Кирпичников 1984:23 сл.].

Строительство каменных укреплений в Ладоге возможно повлияло на возникновение ее скандинавского наименования — Альдейгьюборг. Обращено внимание на нетипичность такого словообразования. Корень бург служил для оформления скандинавских названий поселений только в Западной Европе [Глазырина, Джаксон 1986:109]. По мнению Т.Н. Джаксон, причиной появления такого топонима является раннее проникновение скандинавов в Ладогу, находившуюся в начале русской части пути "из варяг в греки" [Джаксон 1995:28-29]. К этому

можно добавить, что именно потому, что Ладога одно время напоминала собой каролингский бург, она и была поименована пришельцами в "прозападной" манере. Если данное суждение справедливо, то топоним Альдейгьюборг стал употребляться вряд ли раньше конца IX в.

Отметим здесь некоторые другие открытия Староладожской экспедиции, касающиеся военно-инженерных сооружений.

Исследование сохранившейся ныне в руинах каменной крепости конца XV в. обнаружило в ее основании постройку 1114 года. Новоткрытое сооружение предоставляет возможность судить о высоте стен и принципах их огневой защиты для множества несохранившихся русских деревянных крепостей. Данный пример показывает, что на Руси могли сооружать боевые каменные твердыни задолго до второй половины XIII в., когда это стало общей необходимостью. Экспедиция способствовала тому, чтобы обнаруженные кладки 1114 года были оперативно законсервированы, ныне они доступны обозрению.

Три последовательно сменявшие друг друга каменные крепостные постройки IX, XII и конца XV вв. в 1584-1585 гг. были дополнены дерево-земляными укреплениями с тремя бастионами. В России подобные бастионные фортификации появились не в эпоху Петра I, а на два века раньше. Входит в этот допетровский ряд и ладожский "Земляной город" (ныне он получил название Земляного городища). Выявленные произведения средневековой русской бастионной инженерии сводят на нет казавшуюся непреложной разницу путей развития крепостного зодчества на Востоке и Западе Европы [Кирпичников 1979а:471 сл.].

Каждое столетие оставляло свой след в Старой Ладоге. Здесь постепенно складывался комплекс памятников национального и международного значения (в итоговой статье о них невозможно рассказать). За их сохранение в 70-80 годы нашего века настойчиво выступили Староладожская археологическая экспедиция и Ленинградское областное отделение Всесоюзного общества охраны памятников. По их предложению после десятилетних усилий в 1984 г. Совет Министров Российской Федерации принял решение об учреждении в Старой Ладоге архитектурно-исторического и археологического музея-заповедника федерального значения площадью около 200 га. Создание заповедника полностью не предотвратило случаев разрушения исторических объектов, тем не менее, в этом месте нашей страны появился растущий историко-просветительный центр. В результате, законодательно было остановлено наступление на памятники старины нового совхозного и промышленного строительства. Сохранены ценная застройка и древняя топография поселка, окружающий природный ландшафт, величественные сопки-усыпальницы первых горожан.

Новые архитектурно-археологические изыскания резко увеличили ценность ладожского наследия, оно все более приобретает не только общерусское, но и общеевропейское историко-культурное значение. В изучении ладожских древностей участвовало не одно поколение студентов и ученых. В последнее время город в низовьях Волхова привлек внимание зарубежных специалистов. По инициативе экспедиции в 1988 г. был снят запрет на посещение волховского района иностранцами и на наших раскопках смогли поработать археологи и историки из Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании,

Бельгии, Германии, Польши. Экспедиции с помощью норвежского археолога А. Стальсберг удалось установить побратимство между Волховским районом Ленинградской области и коммуной Мельхус в Норвегии. Благодаря этому норвежские учащиеся участвовали в раскопках Земляного городища и отреставрировали, находившуюся в аварийном состоянии, церковь Святого Василия Кесарийского, построенную в XVI в. Выставка археологических находок из Старой Ладogi (вместе с новгородскими) состоялась в 1993-1994 гг. в Дании и Швеции, а фотовыставка ладожских памятников архитектуры и культуры была показана в городах Норвегии. Организованы эти выставки экспедицией совместно с музеем-заповедником. К сожалению, эти раритеты миновали С.-Петербург, да и в самом музее-заповеднике экспозиция археологических находок пока не достаточна. Между тем, наша экспедиция ежегодно передает заповеднику множество индивидуальных находок VIII-XIV вв., изготовленных из железа, бронзы, кости, стекла, камня, дерева, кожи, глины, иногда свинца и золота. В настоящее время это основные новые поступления в музей-заповедник.

Работа экспедиции изменила и расширила представления о культуре Ладogi, но ныне может быть нарушена. Ее финансирование осуществлялось ИИМК РАН, Дирекцией областных музеев Ленинградской области, С.-Петербургским университетом, а в последние три года еще и Мэрией С.-Петербурга и Правительством Ленинградской области, иногда, немного помогали зарубежные общества и организации Финляндии, США, Бельгии. В связи с прекращением бюджетного финансирования, общераспространенными неплатежами и другими известными обстоятельствами, получение средств для продолжения работ становится все более ненадежным. Убежден, что изучение фундаментальных ценностей русской и международной истории, какие мы встречаем в Старой Ладoge, невозможно без постоянной государственной поддержки. Здесь нельзя пренебречь исторической традицией. Ведь Старая Ладoga самый первый и самый блистательный предшественник С.-Петербурга, олицетворение многовекового присутствия русских в регионе Балтийского моря.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Памятники истории и культуры, обозначенные на рис. 1¹

Левый берег р. Волхов.

1. Деревня Княщино, восходит к раннему средневековью.
2. Княщинская группа сопok VIII-X вв.
3. Урочище "Победище". Там же, южная группа сопok VIII-X вв. и селище
4. Урочище "Победище". Северная группа сопok VIII-X вв. и курганы IX-X вв.
5. Курганы на реке Заклюке IX-XI вв. (?)

¹ На плане показаны главные современные дороги, ограды монастырей, контуры Каменной крепости и Земляного городища. Не отмечена современная застройка Старой Ладogi и окружающих ее населенных пунктов.

6. Курганы и поселение IX-X вв. на территории бывшей усадьбы помещиков фон Балк.
7. Курганы IX-X вв. (?) к востоку от р. Заклюки.
8. Никольский монастырь XII-XX вв. с церковью Николая, основанной в середине XII в.
9. Грунтовый могильник не позднее IX в. к югу от Земляного городища. Трупосожжения.
10. Земляное городище с культурным слоем VIII-XV вв. и валами и бастионами XVI-XVII вв. Там же, фундаменты каменной церкви св. Климента 1153 г.
11. Каменная крепость конца XV — начала XVI вв. В ее основании части каменных укреплений последовательно сооружавшихся в конце IX — начале X вв. и в начале XII в. в крепости храм св. Георгия XII в. и деревянная церковь Дмитрия Солунского XVII в.
12. Основание каменной церкви Спаса Всемилостивого середины XII в.
13. Основание каменной церкви Воскресения Христова середины XII в.
14. Курганы на р. Ладожке IX-XI вв. (?)
15. "Немецкая" церковь св. Петра XI-XII вв. (предположительно).
16. Варяжская улица. Существует ныне, восходит к раннему средневековью.
17. Грунтовый могильник X в. на Варяжской улице.
18. Церковь Симеона Богоприимца не позже XV вв. Дата и местоположение указаны предположительно.
19. Успенский монастырь XII-XX вв. с каменной церковью Успения Богородицы XII в.
20. Сопка VIII-X вв. в парке конца XVIII — начала XIX вв. бывшей усадьбы помещиков Томиловых-Шварц.
21. Каменная церковь Рождества Иоанна Предтечи на Мальшевой горе XVI-XVII вв., восходит к XIII в.
22. Группа сопок VIII-X вв. к северу от церкви Рождества Иоанна Предтечи.
23. Урочище "Сопки" с так называемой Олеговой могилой или "полой сопкой" по высоте достигавшей 10 м. (VIII-X вв.)
24. Группа сопок IX-X вв. вблизи д. Велеша.
25. Селище XI-XIII вв. на территории д. Велеша.

Правый берег р. Волхов.

26. Сопки VIII-X вв. у д. Лопино.
27. Сопка VIII-X вв. на первой террасе р. Волхов.
28. Курганы в урочище "Плакун" второй половины IX-нач. X вв.
29. Группа сопок VIII-X вв. расположенных на второй террасе берега р. Волхов над урочищем "Плакун".
30. Васильевский погост с церковью св. Василия Кесарийского XVI-XVII вв.
31. Сопки VIII-X вв. у бывшей мызы Тугариновой на второй террасе берега р. Волхов.
32. Селище X-XV вв. у той же мызы.
33. Курганы IX-XI вв. (?) на западном берегу р. Любша.
34. Городище в устье р. Любша с окружающим его селищем IX-X и XIII-XIV вв.
35. Поселение X-XIII вв. между устьем р. Любша и д. Горчаковщина.
36. Поселение X, XII-XIV и XV-XVI вв. на территории д. Горчаковщина. Имеются также находки эпохи раннего металла.

- БАГРЯНОРОДНЫЙ, КОНСТАНТИН.** 1991. Об управлении империей. М.
- БЕЛЯЕВ, Н.Т.** 1929. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum* III: 215-290. Прагае.
- ГЛАЗЫРИНА, Г.В.** 1994. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Альдейгьюборга — Старой Ладogi скандинавам) // Древнейшие государства на территории СССР: 240-244. М.
- ГЛАЗЫРИНА, Г.В., Т.Н. ДЖАКСОН.** 1986. Из истории Старой Ладogi (по материалам скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР: 108-115. М.
1987. Древнерусские города в скандинавской письменности. М.
- ДАВИДАН, О.И.** 1995. Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi // Петербургский археологический вестник 9: 156-167. СПб.
- ДВОРЯНИНОВ, С.А.** 1990. Волховский путь и происхождение географического названия Ладoga. Рукопись. Староладожский музей-заповедник.
- ДЖАКСОН, Т.Н.** 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М.
1995. Древняя Русь в скандинавских письменных источниках IX-XIV вв.: Дисс... доктора истор. наук. М.
- КАРАМЗИН, М.Н.** 1989. История государства российского. Т. 1.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н.** 1979а. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия 1978: 471-499. М.
- 1979б. Ладoga и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь: 92-106. Киев.
1980. Несколько замечаний о славянских височных кольцах со спиральным завитком // Памятники культуры. Новые открытия 1979: 452-455. Л.
1984. Каменные крепости Новгородской земли. М.-Л.
- 1985а. Раннесредневековая Ладoga (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования: 3-28. Л.
- 1985б. Посад средневековой Ладogi // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования: 170-180. Л.
1988. Ладoga и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси: 38-39. Л.
1995. Ладoga VIII-X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования: 28-53. СПб.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н., В.А. НАЗАРЕНКО.** 1992. Археологические открытия в Старой Ладoge. Черты сходства средневековых городов региона Балтики // Археологические вести 1: 141-151. СПб.
- КОНЕЦКИЙ, В.Я.** 1993. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I — нач. II тыс. н.э. // Новгородский исторический сборник 4(14): 3-26. СПб.-Новгород.
- КУЗЬМИН, С.Л.** 1989. Малые дома Старой Ладogi VIII-IX вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли 1988: 34-35. Псков.
- ЛЕБЕДЕВ, Г.С.,** 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
- ЛЕБЕДЕВ, Г.С., В.Н. СЕДЫХ.** 1985. Археологическая карта Старой Ладogi и ее ближайших окрестностей // Вестник ЛГУ 9: 15-25. СПб.
- ЛЕТОПИСЬ ПО ВОСКРЕСЕНСКОМУ СПИСКУ.** 1856 // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VII. СПб.

- МАЧИНСКИЙ, Д.А., А.Д. МАЧИНСКАЯ.** 1988. Русский Север и Старая Ладога в VIII-IX вв. // Культура русского Севера: 44-58. Л.
1995. Некоторые летописные известия в "Истории Российской" В.Н. Татищева и Ладога IX-XI вв. // Ладога и Северная Русь: 6-9. СПб.
- НАЗАРЕНКО, В.А.** 1985. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога: 156-169. Л.
- НЕВСКАЯ, Л.Г.** 1977. Балтийская географическая терминология. М.
- НОВГОРОДСКАЯ** первая летопись старшего и младшего изводов. 1950. М.
- НОСОВ, Е.Н.** 1985. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога: 147-155. Л.
1995. Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // Новгородский исторический сборник 5(15): 5-17. СПб.
- ПЕТРЕНКО, В.П.** 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога: 81-116. Л.
1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. Сопки северного Поволжья. СПб.
- ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ** по Ипатьевскому списку. 1962 // Полное собрание русских летописей 2: 13-15. М.
- РАППОПОРТ, П.А.** 1982. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник 1(11):189-202. Л.
- РОСПОНД, С.** 1972. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика: 9-89. М.
- РЫБАКОВ, Б.А.** 1963. Древняя Русь. Сказания. Бытны. Летописи. М.
- РЯБИНИН, Е.А.** 1985. Новые открытия в Старой Ладоге // Средневековая Ладога: 27-75. Л.
1994. У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общебалтийских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада: 5-29. СПб.
- РЯБИНИН, Е.А., Н.Б. ЧЕРНЫХ.** 1988. Стратиграфия, застройка и хронология Земляного городища Старой Ладоги в свете новых исследований // Советская археология 1: 72-100. М.
- САНКИНА, С.Л., А.Г. КОЗИНЦЕВ.** 1994. Антропологические материалы эпохи средневековья из Приладожья // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Равдоникаса: 57-60. СПб.
- СЕДОВ, В.В.** 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.
1994. Из этнической истории населения средней полосы Русской равнины во второй половине I тыс. н.э. // Археология и история Пскова и Псковской земли 1993: 62-64. Псков.
- СЛОВАРЬ** русского языка XI-XVII вв. 8. 1981. М.
- СТУРЛСОН, СНОРРИ.** 1980. Круг земной. М.
- ТАТИЩЕВ, В.Н.** 1962. История Российская I. М.-Л.
- ХОДАКОВСКИЙ, З.** 1839. Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога, Новгород // Русский исторический сборник III, 2: 134-200. М.
- ХРЕСТОМАТИЯ** по истории средних веков I. 1949. М.
- ЯНИН В.Л.** 1984. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город (материалы и исследования) 7: 49-56. М.
- VIERCK, H.** 1983. Ein Schmiedeplatz aus Alt-Ladoga und der präurbane Handel zur Ostsee vor der Wikingerzeit // Münsterische Beiträge zur antiken Handelsgeschichte II, 2: 3-64. Münster.

ОСТАТКИ ЖИВОТНЫХ ИЗ ГОРОДИЩА СТАРАЯ ЛАДОГА (предварительные итоги)

Фаунистический материал поступивший с городища Старая Ладога довольно обширен. Настоящая статья является предварительным его описанием и не включает в себя сравнение с аналогичными материалами из иных памятников, морфологический анализ древних пород, установление сезонности скотоводческих приемов и рассмотрение других проблем, разработка которых впереди.

В распоряжении автора оказался материал, собранный Староладожской археологической экспедицией ИИМК РАН в течение полевых сезонов 1988-1991 годов. По предварительным оценкам материал первых трех сезонов откладывался на протяжении X в., а остатки, собранные в 1991 г. отделены от предыдущих горизонтов торфянистой прослойкой, стерильной в археологическом отношении и могут датироваться более ранним временем — IX в.

Видовой состав фаунистических остатков приведен в таблице 1¹. Большого видового разнообразия среди костных материалов не наблюдается. Основная масса остатков принадлежит домашним животным. Таковыми являлись корова, лошадь, свинья, овца, коза, собака и кошка. Весь материал собирался археологами методом ручной переборки, просеивание и промывка не применялись. Поэтому, конечно, фаунистическая картина по слоям не полна. Однако, кое-какие закономерности можно проследить достаточно отчетливо.

Корова. Полученный материал позволяет заключить, что мы имеем дело с короткорогой формой коровы, чрезвычайно малорослой, слабой конституции, примерно 1 м 20 см в холке. Такие характеристики в целом типичны для древних пород крупного рогатого скота Скандинавии. Однако для более достоверных заключений недостаточно краниологического материала, пригодного для измерений. Среди костей коровы встречено довольно много роговых стержней. Можно предполагать, что рога отделялись от черепа специально и их роговые чехлы использовались для поделок.

Коровы в хозяйстве древних обитателей Старой Ладого доживали до вполне зрелого возраста и даже до старости. Вероятно корова жила до тех пор, пока хорошо доилась. Против предположения об использовании коровы в основном в качестве источника молока, вроде бы свидетельствует тот факт, что остатков новорожденных телят, да и вообще молодых животных почти нет. Последние составляют лишь 5-8%. Однако, не следует забывать что при правильной эксплуатации корова может доиться почти неограниченное время, в

¹ В числителе количество костей, в знаменателе количество особей.

Таблица 1.

ВИДОВОЙ СОСТАВ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ С ГОРОДИЩА
СТАРАЯ ЛАДОГА

ВИДЫ	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.
Дикие				
Заяц <i>Lepus</i> sp.	—	3/1	—	—
Бобр <i>Castor fiber</i> L.	1/1	7/3	—	7/2
Тюлень <i>Phoca hispida</i> Schreb.	—	—	3/2	—
Выдра <i>Lutra lutra</i> L.	—	2/1	—	—
Лиса <i>Vulpes vulpes</i> L.	—	—	6/1	2/1
Волк <i>Canis lupus</i> L.	—	4/1	—	4/1
Медведь <i>Ursus arctos</i> L.	—	—	—	1/1
Лось <i>Alces alces</i> L.	—	—	—	5/2
Кабан <i>Sus scrofa ferrus</i> L.	—	4/1	—	—
Домашние				
Лошадь <i>Equus caballus</i> L.	15/3	15/2	18/3	66/5
Корова <i>Bos taurus</i> L.	151/8	256/6	134/8	213/9
Свинья <i>Sus scrofa domestica</i> L.	156/13	240/18	108/15	130/13
Овца <i>Ovis aries</i> L.	11/3	13/3	15/5	4/2
Коза <i>Capra hircus</i> L.	—	9/3	—	4/1
Овца или Коза <i>Capra et Ovis</i>	15/2	40/5	—	13/2
Собака <i>Canis familiaris</i> L.	6/3	36/3	9/2	6/2
Кошка <i>Felis domestica</i> L.	—	1/1	1/1	—
Птицы <i>Aves</i> sp.	16	53	43	5
Рыбы <i>Pices</i>	2	321	63	862
ИТОГО	373	1004	400	1322

отличие, скажем, от козы, которая, для восстановления молочной продуктивности, должна периодически приносить козлят.

В материалах 1991 г. найдено несколько очень крупных зубов быка. Относить эту находку к дикой форме можно лишь в виде гипотезы. Других костей крупных полорогих, заметно отличающихся по величине в материалах не встречено.

Свинья. Костные остатки принадлежащие свинье, характеризуются большим постоянством размеров. Фрагментов, заметно отличающихся по величине как в ту так и в другую сторону нет. Исключение составляют несколько обломков мощных клыков и одна целая передняя метаподия, явно принадлежащие дикому кабану (материалы 1989 г.).

Возрастная ситуация на момент смерти животных всегда почти одинакова. Так, дистальные эпифизы плечевых, локтевых и лучевых костей всегда на месте, при этом проксимальные эпифизы локтевых и лучевых всегда отсутствуют. Дистальные эпифизы большой берцовой приросшие, в то время, как проксимальный эпифиз пяточной почти везде еще отпадает. Соответственно количество костей, свидетельствующих о том, что погибшее животное являлось еще полу-взрослым, среди остатков свиньи наибольшее — 13-16 %.

Судя по найденным 20 нижним челюстям, пригодным для определения примерного возраста по ситуации прорезки постоянных зубов и степени их стертости, 15 животных погибли примерно в возрасте 2-х лет, 1 — в возрасте года с небольшим, 1 — примерно 7-ми месяцев и 1 — 3-х месяцев от роду.

Сказанное позволяет предполагать, что свиней, как правило забивали в возрасте около 2-х лет. К сожалению, на основе этих данных ничего нельзя сказать о сезонности забоя свиней. Однако, принимая во внимание, что опорос явление сезонное, можно предположить, что и забой стандартной возрастной группы так же носил характер ежегодной кампании.

Мелкий рогатый скот. Овцы и козы содержались на поселении в небольшом количестве. Однако присутствие и тех и других несомненно. По своим размерам это были какие-то мелкие породы, лишь слегка превосходящие неолитических домашних *Saraginae*. Вероятно овцы были более всего похожи на современную породу "дренте".

Достоверно судить о процентном соотношении коз и овец в стаде не представляется возможным, но можно предполагать что овца все же доминировала и довольно значительно. Остатки молодых и полувзрослых животных составляют здесь 10 %. Содержали овец и коз наверняка исключительно ради шерсти.

Лошадь. Прежде всего обращает на себя внимание то, что размеры лошадей более разнообразны и колеблются от сравнительно мелких (с крупного кулана) до достаточно больших экземпляров. Метаподии, первые и вторые фаланги довольно короткие и массивные. Копытные фаланги также большие и широкие. В целом это низкорослая порода, северного типа, с толстыми мощными ногами и тяжелыми копытами, скорее тягловая чем ездовая. Процент костей молодых животных у лошади удивительно мал — около 1 %. Если конину в то время и употребляли в пищу, то делалось это чрезвычайно редко.

Собака. Собака, обитавшая на поселении, была похожа на современную некрупную лайку, каковой, вероятно, и являлась. Количество костей собак невелико. Исключение составляют материалы 1989 г., где остатки собаки более многочисленны. Такое значительное преобладание может быть и случайным. Судя по анатомическому составу остатков, на этом уровне, вероятно, находилось несколько собачьих скелетов (возможно 3 взрослых и 1 полувзрослая особи), кости которых частично были найдены в анатомической связи, а частично оказались перемешаны в результате тафономических процессов.

Сдна из захороненных собак, скелет которой сохранился в своей передней части, была убита с большой жестокостью: левая лапа сломана (локтевая и лучевая перебиты на одном уровне, дистальные концы отсутствуют), а атлант и эпистрофей несут на себе следы удара каким-то рубящим орудием, который, несомненно и явился причиной смерти: топор или меч повредил атлант, разрушил эпистрофей и вероятно рассек спинной мозг. Он был нанесен под углом 45 градусов к продольной оси шеи сверху.

Многие кости в материале имеют следы собачьих зубов. В основном это остатки коров и лошадей. Остатки свиньи тронуты собаками довольно мало. Павших или убитых собак видимо выкидывали на улицу или прихоранивали неглубоко прямо на территории городища. Шкуры могли использоваться, но характерных следов свежевания на фалангах или метаподиях у собак обнаружить не удалось.

В целом фаунистическая ситуация говорит нам о том, что главными направлениями животноводства были мясное (свинья) и молочное (корова). Это видно, поскольку остатки свиньи характеризуются не только чрезвычайно стандартными размерами, но и практически идентичной возрастной ситуацией на момент забоя, когда преобладают животные не достигшие половой зрелости — то есть забой производился тогда, когда животное достигает максимума живого веса и, в дальнейшем, не прибавляя существенно в массе, начинает потреблять заметно большее количество корма.

Коров держали гораздо дольше, эксплуатируя их молочную продуктивность, пока она не начинала падать из-за старения животного.

Следует со всей определенностью заключить, что охота в жизни жителей городища значительной роли не играла. Лишь эпизодически добывались разные животные, обитавшие в регионе, вероятно главным образом для получения меха (бобр, выдра, лиса). Лось и медведь явно представляли случайную добычу. Это видно по тому, что отсутствие на поселении остатков мелких пушных зверей еще не говорит об отсутствии пушной охоты так как, освежевав пушного зверька, охотник часто бросает тушку на месте и на городище приносит лишь шкуру, а такие животные, как лось и медведь должны были бы доставляться на поселение целиком или в виде крупных частей и если их остатков нет, то, видимо и охота на них развита не была.

Все первые фаланги лося расколоты вдоль для добывания мозга. Это, вероятно, считалось лакомством, поскольку с аналогичными костями коров подобного не проделывали. Лишь отдельные метаподии коров расколоты вдоль.

Изредка среди костей попадаются остатки волка. В материалах 1989 г. это разрозненные обломки краниальной области скелета, а остатки собранные в 1991 г. вероятно все принадлежат одному животному и являются остатками его левой задней лапы. В месте прирастания эпифизов на всех костях костные стенки диафизов несут на себе следы болезненных изменений: они губчаты и несколько искривлены. Это может являться свидетельством того, что животное росло в клетке.

Огромное значение для жителей Старой Ладоги имело рыболовство. Множество остатков мелких рыб, наряду с огромными костями гигантских экземпляров, собранное на поселении, не оставляет сомнений в том, что ловили рыбу неводом, а не на удочку или

острой. Невод, вероятно, забрасывали с лодок так как такие крупные особи редко подходят близко к берегу, а обитают в открытом озере на глубине. В поставленные сети могла попадаться и погибать ладожская нерпа, несколько косточек которой найдены в 1990 г.

Множество остатков птиц разного размера свидетельствует не только об активной охоте, но и о широко практиковавшемся разведении кур, остатки которых несомненно присутствуют в материале. Однако определение птиц представляет из себя отдельный вопрос.

Процентный состав костного материала по сезонам почти одинаков, однако имеются и некоторые различия. В первую очередь это обусловлено тем, что количество рыбных костей сильно меняется от сезона к сезону. Наибольшее количество их собрано в 1989 и в 1991 гг.

Если не учитывать количество рыбных остатков, то процентный состав остатков домашних животных в отношении к общему числу только их костей меняется по сезонам не значительно. Исключение составляет сезон 1991 г., который несколько отличается от предыдущих. Так, процент остатков лошади в первых трех сезонах раскопок колеблется от 2,2 до 4 %, а в материалах 1991 г. лошадь составляет 14,3 %. Соответствующие проценты для коровы равны 37,4-40,6 и 46,3, для свиньи: 32,0-41,9 и 28,3, для мелкого рогатого скота 7,0-8,9 и 4,6, для остатков птиц: 4,3-12,8 в 1988-1990 гг. и только 1,1 % в 1991 г. Количество костей собак слишком мало для достоверного сравнения.

Таким образом, даже не принимая во внимание уровень развития рыболовства, видно, что на ранних этапах существования городища хозяйство на нем было организовано несколько иначе чем в более поздние периоды. Так, в начале, среди домашних животных преобладали лошадь и корова, а свинья и мелкий рогатый скот были в меньшинстве. Затем, по мере все большего обустройства, поголовье лошади заметно сократилось, численность коровы также чуть уменьшилась, а свиноводство стало безоговорочно доминировать. Немного возросло с течением времени и количество мелкого рогатого скота. Процент остатков птиц так же со временем заметно вырос. Косвенно это может свидетельствовать о том, что основная масса остатков принадлежит домашним курам, разведение которых было налажено не сразу.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА СТАРОЙ ЛАДОГИ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ¹

Введение

Статья является предварительным сообщением об археоботанических исследованиях средневековых культурных слоев Старой Ладogi. Мы рассмотрим данные, полученные во время раскопок 1993 г. из той части культурного слоя, которая относится к эпохе викингов, а именно к IX-X вв. н.э. [Aalto, Heinäjoki 1994]. Эти исследования продолжают изучение макро- и микроостатков растений из культурных слоев VIII-XVIII вв. н.э. Пробы для пыльцевого анализа, пригодные для изучения в них растительных макроостатков, также взяты из почвенного монолита 1993 г. Чтобы составить лучшее представление о системе землепользования и обработки земли в течение эпохи викингов, данные, полученные из культурных слоев Старой Ладogi, подлежат сравнению с результатами пыльцевых анализов материалов, происходящих из природных окрестностей поселения, которые будут получены в ходе совместной работы с немецкими коллегами К. Кеннигсоном и его сотрудниками [Alsleben et al. 1993].

Интерес к связям с Древней Русью, которые так хорошо прослеживаются по археологическим находкам и этническим традициям [Kivikoski 1973, Edgren et al. 1984], пробудился у авторов во время изучения кормовых и технических культурных растений железного века в Финляндии [Aalto 1982, 1994b]. Пути, которыми проникали в Финляндию в эпоху великого переселения народов зерновые и другие культурные растения, в частности, виноград [Aalto 1994a] и чечевица [Seppä-Heikka 1983]; время, когда здесь началось возделывание ржи и многие другие проблемы требуют большего освещения. Торговля на дальние расстояния и обмен ценностями, идеями и техническими достижениями до начала и в течение эпохи викингов также внесли свой вклад в развитие экономики Финляндии.

Когда планировалась Староладогская экспедиция 1993 г., в качестве основной рабочей гипотезы выступало предположение о восточных путях, как возможном источнике культурных влияний на населения Фенноскандии (его наиболее известной группой были викинги, называемые на Руси варягами: воины, купцы, переселенцы, судостроители). Одной из практических целей, которую поставили себе авторы, был сбор представительной археоботанической справочной коллекции для сравнительного изучения возделывания и использования технических растений у народов Финляндии в железном веке. Предварительные реконструкции палеоэкологии и их интерпретация [Heinäjoki,

¹ Перевод О.А. Щегловой.

Aalto 1994] были основаны на тщательном отборе образцов и определении растений по плодам и семенам. Результаты поездки в Старую Ладого оказались настолько интересными и многообещающими, что долговременный проект, рассчитанный на несколько лет, был запланирован как часть сотрудничества с российскими коллегами Староладожской экспедиции (ее руководитель А.Н. Кирпичников).

Старая Ладога, Альдейгьюборг эпохи викингов

Географическое положение, развитие и значение Старой Ладogi среди первых городских центров Северной Европы достаточно известно среди западноевропейских археологов [Uino 1988, Müller-Wille ed. 1989, Clarke & Ambrosiani 1993], но в меньшей степени — среди специалистов других областей. Поэтому не будут лишними несколько вводных слов.

Ладожское поселение (рис.1) вскоре после основания в 750-е гг. [Kirpichnikov 1989] превратилось в важный торговый и стратегический пункт на целую тысячу лет. Затем, после того как Петр Великий перенес центр административного управления на берег Ладожского озера, основав там в 1704 г. Новую Ладого [Uino 1988], Ладога погрузилась в деревенскую дремоту. Именно благодаря этому средневековые древности в Старой Ладого сохранились хорошо и не были разрушены позднейшим строительством. В настоящее время территория поселка как комплекс уникальных памятников раннего средневековья является историко-культурным заповедником.

Среди водных путей сообщения Европы наиболее важную роль играл для варягов путь в греческий мир Византии, балтийско-днепровский путь "из варяг в греки". Вдоль этого пути были расположены или возникли первые поселения городского типа (рис.1): "Альдейгьюборг" или Ладога [Кирпичников, Рябинин, Петренко 1985, 1987, Kirpichnikov 1989], "Хольмгард" или Рюриково городище, предшественник Великого Новгорода [Nosov 1987], Гнездово, Смоленск и Киев [Müller-Wille et al. 1989; Clarke & Ambrosiani 1993]. Старая Ладога расположена на левом берегу Волхова в 12 км от его впадения в Ладожское озеро (рис.2). Ладожская крепость, расположенная на важнейшем водном пути на мысу при впадении в Волхов небольшой речки Ладожки, занимала ключевую позицию и могла служить тем местом, откуда осуществлялся контроль и обеспечение судоходства и куда поступали налоги со следовавших "из варяг в греки" путешественников [Kirpichnikov 1989]. В нескольких километрах выше по течению находились грозные волховские пороги протяженностью 36 км, которые считались самой опасной преградой на водных путях между западом и востоком Европы. Но они не пугали варягов на пути к источникам дирхемов в странах Востока [Noonan 1986]. Вскоре Ладога превращается в городское поселение со своими собственными купцами и ремесленниками, которые занимались изготовлением и продажей металлических и кожаных изделий, стеклянных бус. Во время раскопок была обнаружена система парцелл, характерная для раннегородских центров типа Бирки, Хедебю и Риббе [Kirpichnikov, Nazarenko 1993]. Ладога служила также местом зимней стоянки кораблей и перегрузки товаров с одного судна на другое. С самого начала существования Ладога была полиэтничным центром, где общались финно-угры, славяне, скандинавы и купцы с Востока.

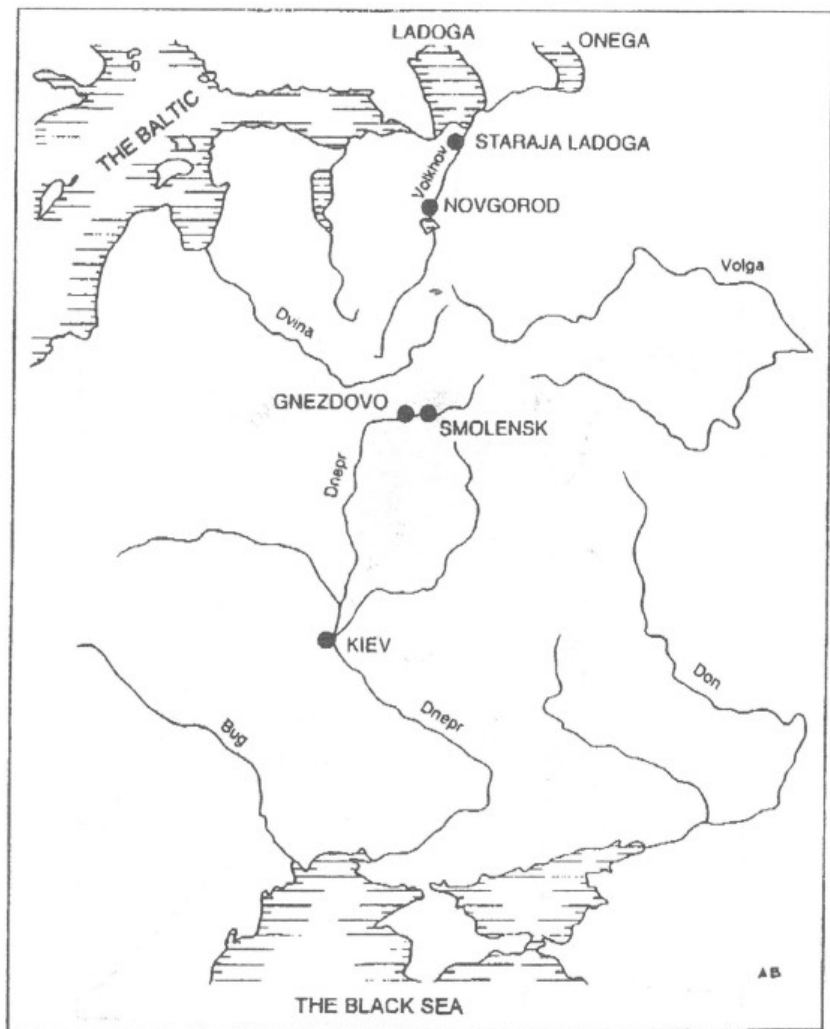
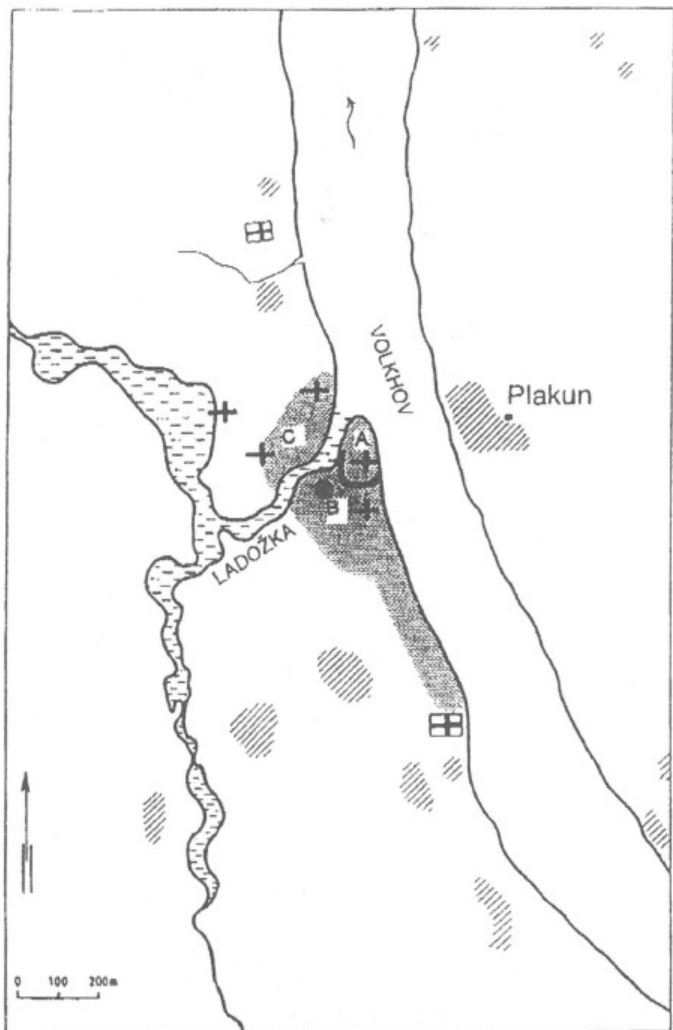

Рис. 1.

Старая Ладога в системе раннегородских центров на пути из варяг в греки.
По [Clarke & Ambrosiani 1993].

Ладога — первый центр городского типа в Северной Руси, который появился в то же самое время, что и Бирка и Хедсбю. В нашу задачу не входит детальное рассмотрение дальнейших исторических событий [см. Uino 1988]. Описывая их вкратце, необходимо отметить следующие моменты. Деревянная крепость строится после приезда варягов-датчан под предводительством Рюрика Датского в 862 г. Вскоре, во время правления князя Олега, ее сменяет каменная крепость, сложенная из плит местного известняка без применения

- территория древнего поселения VIII-X вв.
- могильники, грунтовые и курганные
- каменная крепостная стена
- церкви
- монастыри
- A.** территория древней каменной крепости
- B.** Земляное городище времен Ивана Грозного
- C.** Варяжский город
- место получения проб в 1993 г.

Рис. 2.

Основные археологические и исторические памятники Старой Ладogi.
По [Clarke & Ambrosiani 1993] с дополнениями.

строительного раствора. С тех пор каменная крепость несколько раз разрушалась и перестраивалась, уже с использованием строительного раствора и местного известняка. Крепость с пятью башнями, которая дошла до наших дней относится к 1490-м гг.

За стенами крепости выше по течению Волхова возник город, который населяли купцы и ремесленники вместе с издавна проживавшими здесь представителями местных племен. Кроме каменной крепости во времена Ивана Грозного в 1585-1586 гг. были возведены земляные укрепления — "Земляное городище" [Uino 1988: fig.4]. Хотя верхняя часть средневековых культурных слоев была при этом повреждена, система валов и бастионов спасла подстилающие горизонты эпохи викингов и раннего средневековья от разрушения.

Материалы, полученные в ходе экспедиции 1993 г., и методы их изучения

Пробы для анализа макроостатков были взяты в виде монолитных образцов почвы из открытого разреза культурного слоя глубиной 5 м — из северной стенки раскопа на Земляном городище (рис.2). Отложения относятся к периоду VIII-XIX вв. На исследуемом участке нижние, прослеживаемые в разрезе горизонты Е и Д относятся к эпохе викингов (IX и X вв.). Самый нижний горизонт Е на данном участке невозможно разделить более подробно на слои Е₁ — Е₃, как это делалось в предшествующих исследованиях [Рябинин 1980], так как горизонт Е здесь имеет мощность всего 30 см. Из слоев, относящихся к эпохе викингов, взято всего 7 проб, каждая объемом 9 литров.

Растительные остатки извлекались из проб прямо в поле путем флотации в растворе соли [NaCl, 20-25% — см. Nunez & Vuorela 1976, Aalto 1982, Lempiäinen 1985]. Каждая проба по отдельности помещалась в специальном сите в сосуд с соленой водой. Всплывшие фрагменты извлекались ситечками с размерами ячеек от 0,25 до 1,0 мм. Отобранный таким образом материал сохранялся влажным и подсоленным в запаянных полиэтиленовых пакетах. Методы взятия проб и отбора из них образцов более детально рассмотрены в нашей статье 1994 г. [Heinäjäki & Aalto 1994].

Последующие исследования проводились в палеоэкологической лаборатории Хельсинкского университета. Семена и другие макроостатки отбирались и определялись под стереоскопическим микроскопом [Wild MB3]. Определение видовой принадлежности растений производилось путем сравнения плодов и семян с современными справочными коллекциями. Номенклатура растений соответствует принятой в финской ботанической литературе [Hämet-Ahti 1986]. Большая часть зерен и других плодов не обуглена, меньшая, в которую входят в основном зерна злаков и редкие семена других растений — также обуглена (диаграммы 1, 2). Из 100 л почвы отобрано и определено 7200 плодов и семян (диаграмма 1).

Природная среда в древности

Растения, вид которых был определен по плодам и семенам, были объединены в группы в соответствии с тем, к каким естественным экологическим условиям они наиболее приспособлены, где

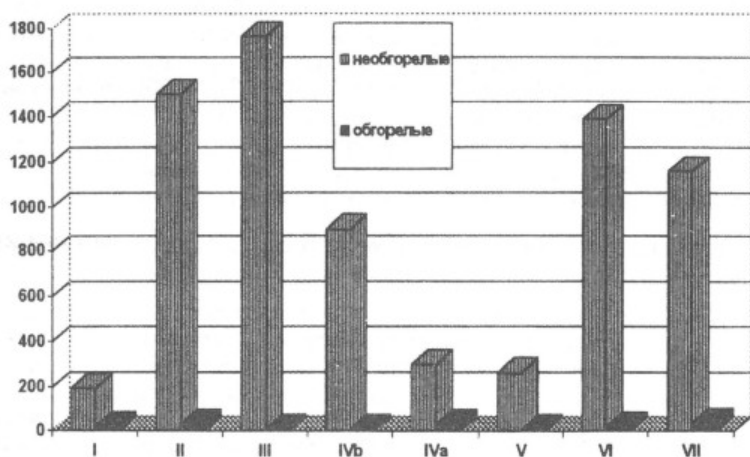

Диаграмма 1.

Соотношение обгорелых и необгорелых семян и зерен.
По вертикали — число экземпляров, по горизонтали — номер пробы.

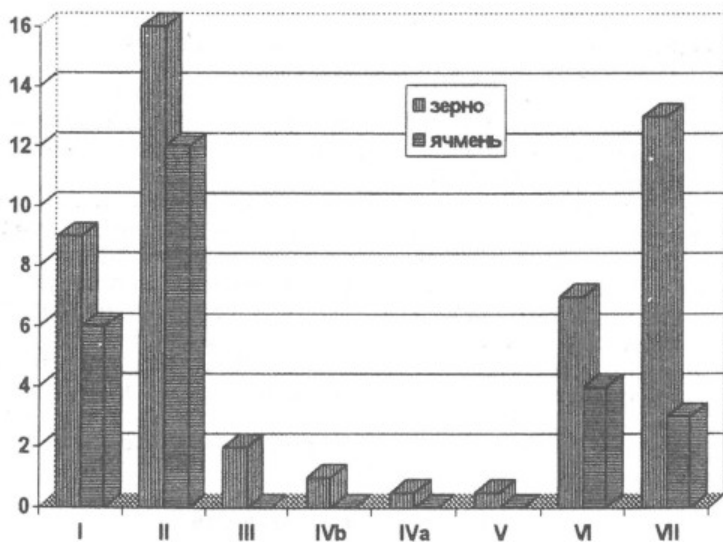

Диаграмма 2.

Обгорелые зерна различных культур и ячменя. Просо не учитывается.
По вертикали — число экземпляров, по горизонтали — номер пробы.

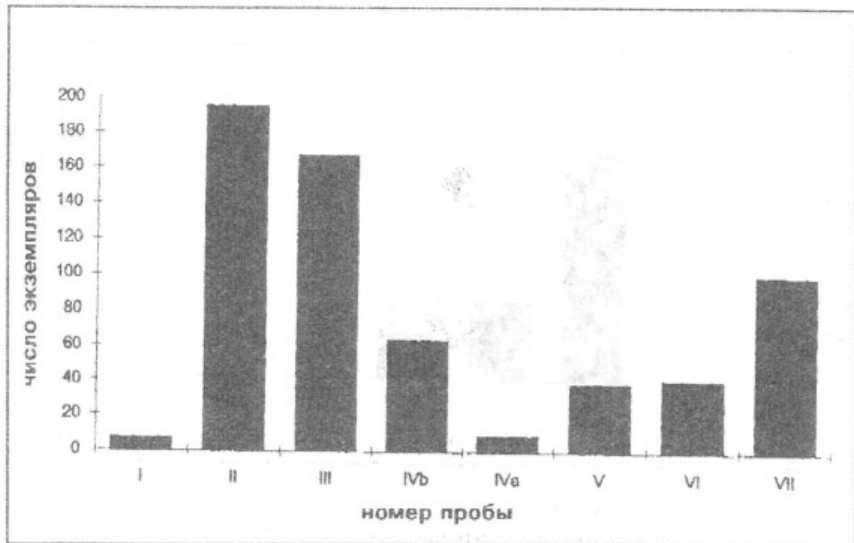

Диаграмма 3.
Литоральные растения.

больше всего распространены, как могут быть использованы человеком и т.д.: А — литоральные растения прибрежной зоны, В — технические культуры, С — деревья и кустарники, Д — прочие растения (растения сухих и мокрых лугов, растения пустырей и свалок, полевые сорняки, лекарственные растения). Несколько предварительных замечаний к списку видов следует дальше.

Литоральные растения (диаграмма 3) хорошо представлены среди находок плодов и семян. Однако наблюдается тенденция к уменьшению их числа в средней части разреза, в пробах IV-VI из горизонта Д, относящихся к середине X в. Это может являться отражением более интенсивного освоения человеком места своего обитания и вытеснения естественной растительности.

Технические культуры, среди которых наиболее часто встречаются плоды хмеля обыкновенного (*Humulus lupulus*, диаграмма 4) в пробах III-IVa (всего 1200 образцов) и зерна проса (*Panicum miliaceum*, диаграмма 5), представлены больше всего в горизонте Д, соответствующем первой половине X в. Найдены как обугленные, так и необугленные плоды хмеля и зерна проса. Полагаем, что в это время в округе поселения варили пиво и молотили просо. Конопля культурная посевная (*Cannabis sativa*) также хорошо представлена необугленными семенами в пробах I-III (диаграмма 6). Коноплю могли выращивать, к примеру, для изготовления из конопляного волокна веревок, остатки которых были найдены в раскопках [Равдоникас 1950].

Зерновые культуры (диаграмма 2), кроме проса, хотя и в небольшом количестве, но все же более часто встречаются в нижней части разреза в горизонте Е (проба I соответствует IX в.) и в нижней части, а отдельные зерна попадают в пробах из верхней части горизонта Д (пробы VI, VII), относящейся к концу X в. Ячмень обыкновенный

Диаграмма 4.

Хмель (*Humulus lupulus*).

(*Hordeum vulgare*), пшеница двузернянка — полба (*Triticum dicocum*), некоторые сорта хлебной пшеницы — например, мягкая обыкновенная и карликовая (*Triticum aevisto-compactum*) и отдельные зерна ржи (*Secal cereale*) и разных видов овса (*Avena sativa*) также были определены в пробах. Эти культуры могли возделываться и использоваться на месте, но могли быть и завезены торговцами. В данном случае более полную информацию могут дать пыльцевые анализы. Наиболее часто попадаются зерна ячменя (диаграмма 2), который, по-видимому, использовался для изготовления пива.

Прочие растения, включающие так называемые растения пустырей и свалок, то есть сопутствующие деятельности человека [Van Pijl 1982], также хорошо представлены среди наших находок. В их число входят семена лопуха войлочного (*Arctium tomentosum*), чертополоха курчавого (*Carduum crispus*) и крапивы жгучей и двудомной (*Urtica urens* и *Urtica dioica*) — растений, которые до сих пор широко распространены в Старой Ладого.

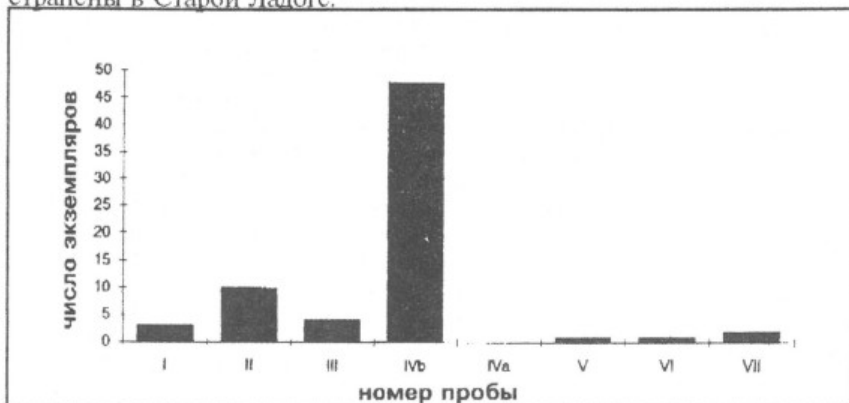

Диаграмма 5.

Просо (*Panicum miliaceum*).

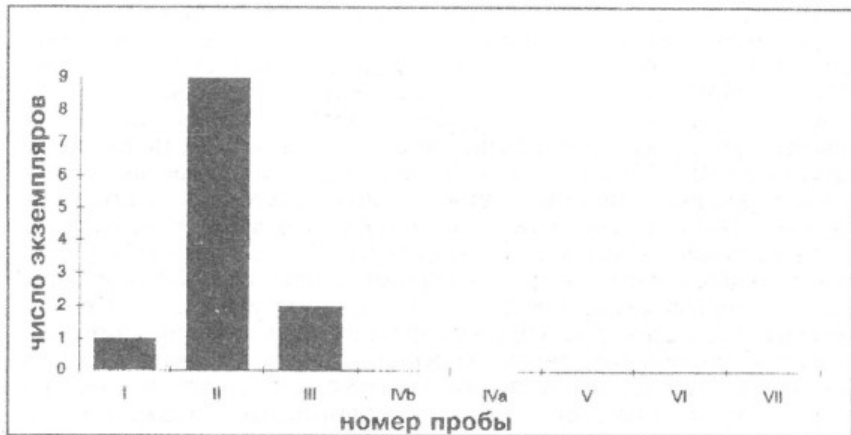

Диаграмма 6.
Конопля (*Cannabis sativa*).

Лекарственные растения и душистые приправы представлены семенами множества трав, которые могли использоваться в таком качестве в древности, а также широко распространены в наши дни. Это пустырник обыкновенный (*Leonurus cardiaca*), душица обыкновенная или дикий майоран (*Origanum vulgare*) и черная белена (*Hyoscyamus niger*), используемая как яд или наркотик.

Сорные растения возделываемых полей и лугов часто встречаются среди плодов и семян (паслен черный — *Solanum nigrum*, одуванчик — *Taraxacum spp.*), так же как и луговые травы — осоковые (*Cyperaceae*) и злаковые (*Poaceae*).

Растительность берегов рек, как естественная, так и появившаяся в результате деятельности человека, хорошо поддается реконструкции на основании анализа макроостатков. Необходимо отметить, что в нижней части культурного слоя нами не встречено ни одного вида водорослей, а виды "влаголюбивых" растений представлены частухой подорожниковой (*Alisma plantagoaquatica*) и лесным камышом (*Scirpus sylvaticus*). Хотя в исследуемой точке поселения нижний горизонт E был более глинистым и илистым, это место возможно лишь на некоторое время заливалось водой, оставаясь большую часть времени сухим. Так, например, много обгорелых зерен было найдено в верхней части горизонта E, соответствующей IX веку.

Выводы

Наиболее интересными с точки зрения археоботаники являются многочисленные находки плодов и семян хмеля (1200 экз.). Столь ранние (IX-X вв.) находки хмеля в археологических материалах свидетельствуют в пользу того, что употребление шишек хмеля для придания запаха и длительного хранения пива происходит из Восточной Европы или из Арабских стран. В Западной Европе в пиво добавляли, кроме всего прочего, сережки и побеги мирта болотного (*Myrica gale*), распространенного в Западной Европе и на Атлантическом побережье. На континентальном Востоке болотный мирт в

пивоваренном деле вполне мог заменяться хмелем. Тогда же, когда и в Ладогe, множество находок плодов хмеля зафиксировано в слоях эпохи викингов в Хедебю [Behre 1983] и некоторое количество — в Бирке [Hansson 1994], хотя их использование как ароматизирующей добавки к пиву в этих центрах подвергалось сомнению. Считается, что в этом качестве хмель впервые стал использоваться в монастырях Центральной Европы в XIII-XIV вв. Не могло ли употребление хмеля как ароматизирующей добавки к пиву быть заимствовано на Востоке викингами-торговцами? Плоды и семена хмеля, в большом количестве обнаруженные во дворе замка средневекового Турку начала XVI в. [Aalta 1994a], рассматриваются как отходы процесса приготовления пива, зафиксированного в исторических документах — замковых хрониках. Семена хмеля, которые так важны для археоботанических исследований, считаются лишь побочным продуктом пивоварения, который сохраняется в отходах, но не является необходимым для придания аромата и хранения пива. Во времена позднего средневековья выращивали только женские растения двудомного хмеля, поэтому семена вообще не вызревали.

Просо и другие зерновые культуры, рассмотренные выше, были и прежде отмечены в слоях раннесредневековой Ладоги [Кирьянов 1959, Петров 1945]. Хорошо известно, что для выпечки "простого хлеба" в Ладогe использовали просо, ячмень, пшеницу-двужернянку, сорта мягкой пшеницы, рожь и овес. Зафиксированы также лен и конопля, обнаруженные и ранее и упоминаемые в публикациях.

В наших материалах на 100 л почвенных проб приходится 7200 определенных семян. Это весьма низкая частота. Нарастание культурного слоя шло быстро: 1,5 м за два столетия. Интенсивное накопление характерно и для других центров эпохи викингов — "черная земля" в Бирке [Clarke & Ambrosiani 1993] или в Хедебю [Behre 1983]. Сгнившее и негнившее дерево, горелые слои, кости, черепки — все это отражает характер жизни на поселении. Во влажной и болотистой почве, погребенной под бастионами эпохи Ивана Грозного, степень сохранности органических материалов вполне удовлетворяет требованиям археоботанического исследования. До сих пор лишь небольшая часть городской территории древней Ладоги стратиграфически исследована. Каждое нарушение культурных слоев или случайное скопление плодов и семян растений должны быть приняты во внимание при интерпретации результатов. Было бы интересно и важно продолжить исследование археоботанических материалов, происходящих из разных участков территории города эпохи викингов.

- КИРПИЧНИКОВ, А.Н., Е.А. РЯБИНИН, В.П. ПЕТРЕНКО. 1985. Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги //Новое в археологии северо-запада СССР. Л.
- КИРЬЯНОВ, А.В. 1959. История земледелия Новгородской земли X-XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. 65: 306-362. М.
- ПЕТРОВ, В.А. 1945. Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладоги (IX-X век). // КСИИМК XI: 42-51.
- РАВДОНИКАС, В.И. 1950. Старая Ладога. Ч. 2 // СА XII:7-40.
- РЯБИНИН, Е.А. 1980. Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // Скандинавский сборник XXV:161-177. Таллин.

- AALTO, M. 1982. Archaeobotanical studies at Katajamäki, Isokylä, Salo, South-West Finland // PACT 7:137-147.
- 1994a. Esilinnan kasvillisuus (with an English resume: Flora and vegetation of the Medieval Turku Castle bailey) // Turun linnantutkimuksia (Turun maakuntamuseo. Raportteja 16):21-38.
- 1994b. The cultivated plants of Finnish Iron Ages (inprint). Presented in Viborg 14. — 17. 5. 1994 in Finnish-Russian archeological symposium.
- AALTO, M., H. HEINÄJOKI. 1994. Staraja Ladoga Project // Abstract of Seminar on Scientific Methods Applied to Environmental History of the Viking Town Birka and its Hinterland. 14. — 17. 10. 1994.
- ALSLEBEN, A., I. JANSSON, T. HAMMAR, L. KÖNIGSSON, H. KROLL, M. MÜLLER-WILLE, E. NOSOV. 1993. Palaeobotanical studies on the Novgorod land c. 400-1200 AD // Archäologisches Korrespondenzblatt 23 (4): 527-535.
- BEHRE, K-E. 1983. Ernährung und Umweltboder wikingerzeitlichen Siedlung Haithabu. Die Ergebnisse der Untersuchungen der Pflanzenreste. Neumünster.
- CLARKE, H., B. AMBROSIANI. 1993. Vikingastäder. Wiken, Högnäs.
- EDGREN, T., U. SALO, P.-L. LEHTOSALO-HILANDER. 1984. Suomen historia. I. Weilin & Göös. Espoo.
- HÄMET-AHTI, L., J. SUOMINEN, T. ULVINEN, P. UOTILA, S. VUOKKO (EDS.). 1986. Retkeilykasvio // Suomen Luonnonsuojelun Tuki Oy. Forssa.
- HANSSON, A.-M. 1994. Plant macrofossils in the Black Earth of Birka, Eastern Sweden. Palaeonutritional aspects // Abstract of Seminar on Scientific Methods Applied to Environmental History of the Viking Town Birka and its Hinterland, 14 — 17. 10. 1994.
- HEINÄJOKI, H., M. AALTO. 1994. Staraja Ladoga-Projekt. Zur Geschichte der Vegetation Beim Burgwall der Ladogaburg (in print) // Presented in Viborg 14. — 17. 5. 1994 in Finnish-Russian archeological symposium.
- KIRPICHNIKOV, A.N. 1989. Staraja Ladoga/Alt-Ladoga und seine überregionalen Beziehungen im 8.-10. Jahrhundert. // Müller-Wille (ed.): 397-337.
- KIRPICHNIKOV, A.N., V.A. NAZARENKO. 1993. Vikingernes Rusland. Fortidens Staraja Ladoga. Roskilde Museums Forlag: 1-26.
- KIRPICHNIKOV, A.N., E.A. RJABININ, V.P. PETRENKO. 1987. Das frühmittelalterliche Ladoga im Licht der neuesten Forschungen. // Das Altertum 33, Heft 1.
- KIVIKOSKI, E. 1973. Die Eisenzeit Finlands. Bildwerk und Text. Neuauflage. Helsinki.
- LEMPIÄINEN, T. 1985. Plant remains from the ancient lake Mätäjärvi in Turku, SW Finland // ISKOS 5: 258-271.
- MÜLLER-WILLE, M. (ED.) 1989. Oldenburg — Wolin — Staraja Ladoga — Novgorod — Kiev. Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69. Mainz am Rhein.
- NOONAN, T.S. 1987. Why the Vikings First Came to Russia // Stokl G. (ed.), Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 34: 321-348. Stuttgart.
- NOSOV, E.N. 1987. New data on the Rurik Gorodishche near Novgorod // Fennoscandia Archaeologica 4: 73-85.
- NUNEZ, M.G., I. VUORELA. 1976. A field method for the retrieval of plant remains from archaeological sites // Memoranda Soc. Fauna Et Flora Fennica 52: 19-22.
- PIJL VAN DER, L. 1982. Principles of Dispersal in Higher Plants. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg, New York.
- SEPPÄ-HEIKKA, M. 1983. Grain impression in ceramics from Ristimäki, Vammala, Finland // Luoto J., Pärssinen M. & Seppä-Heikka. Finsk Museum 1981: 5-33.
- UINO, P. 1988. On the history of Staraja Ladoga // Acta Archaeologica 59: 205-222.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И СУДОВОЕ ДЕЛО СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

Северо-Западная Русь, тяготеющая вследствие своего географического положения к Балтийскому региону, оказывается на протяжении всего средневекового периода включенной в политико-экономические и культурные процессы, проходившие в нем. При этом в силу ряда причин, таких как: заболоченность прибрежных территорий и малопригодность их для проживания, постоянная опасность военного нападения, ориентация хозяйства славян, заселивших этот регион в VIII-X вв., на сухопутные промыслы, зоны их расселения находились на некотором удалении от моря. Все эти факторы способствовали повышению значения внутренних водных путей, связанных с Балтикой — наиболее значимым из которых на протяжении всего средневековья был путь по Волхову, Ладоге и Неве (рис. 1,2). Эта магистраль из Финского залива к Приильменью, имевшая выходы к Волжскому и Днепровскому путям, по условиям судоходства разделялась на три части — две речные и одну озерную, каждая из которых имела определенные препятствия для судоходства.

Мнения исследователей разделились по вопросам о способах прохождения этого пути и о средствах сообщения использовавшихся на нем в раннесредневековый период. В.А. Брим и Е.А. Рыдзевская считали, что в это время для плавания из Балтики по Неве, Ладоге и Волхову использовались два различных типа судов, смена которых происходила в Старой Ладоге [Брим 1931:229, Рыдзевская 1945:63].

По мнению Э. Нюлена большие суда викингов типа Гокстадского и Усебергского использовались для Атлантического плавания, на Балтике же и соединенных с ней внутренних водных бассейнах применялись суда типа "море-река", которые должны были легко и быстро передвигаться, как на веслах так и под парусом, без особых затруднений переволакиваться через водоразделы и при этом иметь достаточные размеры и грузоподъемность для морского плавания. К таким судам исследователь отнес судно, обнаруженное на Готланде, с размерами: 8 м. в длину и 2 м. в ширину [Nylen 1985:88]. О. Крумлин-Педерсен полагает, что суда, проходившие из Швеции через русские реки в Византию, были легкие и узкие, длиной до 12-16 м., что обеспечивало их маневренность при преодолении порожистых рек. Он исключает возможность использования для таких предприятий судов, аналогичных найденным в Скульделе и Гокстаде [Crumlin-Pedersen 1988:543-545].

А.М. Микляев, основываясь на данных археологии и палеогеографии, а так же на отдельных сообщениях скандинавских саг, высказал мнение, согласно которому морские суда останавливались в Ладоге, сообщение между Новгородом и Ладогой, в этот период, осуществлялось

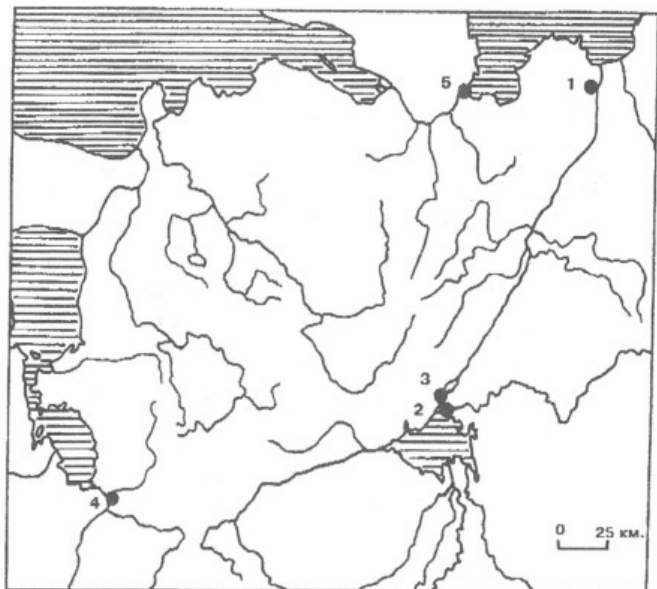

Рис. 1.

Водные системы, связывавшие Северо-Западную Русь с Балтикой и основные раннесредневековые центры на них: 1 — Старая Ладога, 2 — Рюриково городище, 3 — Новгород, 4 — Псков, 5 — Орешек.

только по суше, так как плавание по Волхову было невозможно из-за низкого уровня воды в этой реке [Микляев 1992:133-137].

Проблема изменения условий плавания является одной из ключевых проблем изучения раннесредневекового судоходства. И ставилась она со второй половины XIX в., когда в геологической науке сложилась теория, согласно которой уже в историческое время уровень воды в Ладоге и Неве был выше современного. Ладога была больше по размерам, Нева же представляла собой пролив шириной 8-20 верст, соединявшийся с Финским заливом [Иностранцев 1882:239]. Теория эта была подхвачена и конкретизирована историками. Так Г.А. Немиров полагал, что острова Невской дельты образуются только в середине X в. [Немиров 1888:31]. На этом же основании В.Б. Вилинбахов связывает возникновение Ладожского поселения, располагавшегося, по его мнению, непосредственно на берегу озера с вариантом Волжско-Балтийского пути проходившего не по Волхову, а через Сясь [Вилинбахов 1963:130]. Н.К. Стеценко предположила, что еще во второй половине I — начале II тысячелетия Ладожское озеро, вблизи побережья которого располагалось Ладожское поселение, было больше по площади и оставалось частью Финского залива, и что появление застав и крепости Орешек на Неве в XIII-XIV вв. было обусловлено не только социально-экономическими интересами Новгорода, но и расширением к этому времени, в результате поднятия суши, естественной среды обитания [Стеценко 1988:11-12].

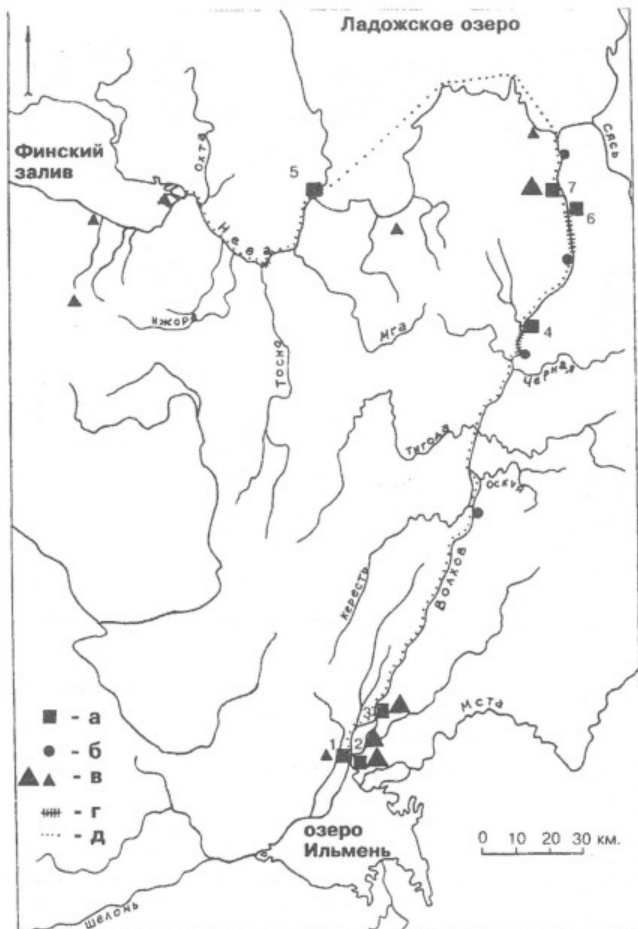

Рис. 2.

Водный путь по Волхову, Ладого и Неве в Балтику.

Условные обозначения: а — города и укрепленные пункты (1 — Новгород, 2 — Рюриково городище, 3 — Холопий городок, 4 — Городище, 5 — Орешек, 6 — Новые Дубовики, 7 — Ладога), б — пункты остановок судов на водном пути, в — монетные и вещевые клады и их скопления (3 и более), г — порожистые участки рек, д — маршрут водного пути.

Исследование условий раннесредневекового судоходства должно носить, по нашему мнению, комплексный характер, предполагающий прежде всего рассмотрение археологических и письменных источников этого периода, а также описаний нового времени, зафиксировавших ситуацию до проведения здесь работ по улучшению навигационных условий.

Наибольшую сложность для плавания по Волхову в средневековые представляли Гостинопольские и Пчевские пороги. Первые из них начинались в 9 км. от Старой Ладоги и тянулись около 11 км.,

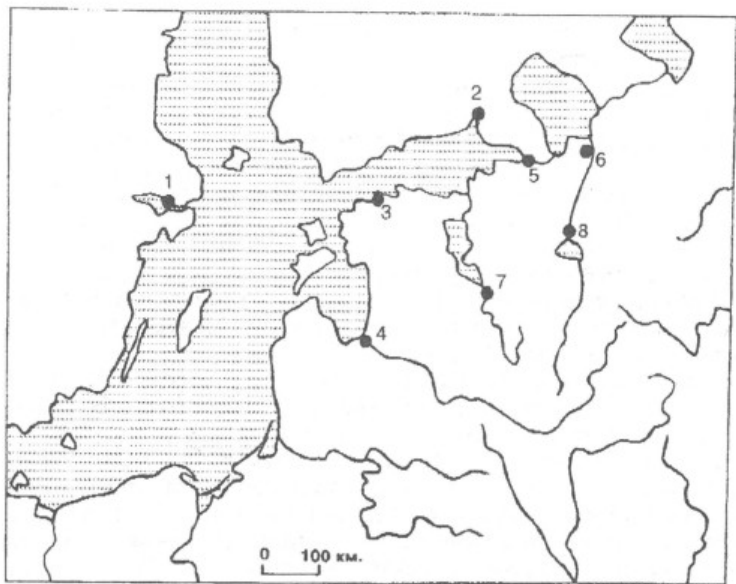

Рис. 3.

Карта Балтийского региона с пунктами средневековой навигации. 1 — Бирка, 2 — Выборг, 3 — Таллин, 4 — Рига, 5 — Петербург, 6 — Старая Ладога, 7 — Псков, 8 — Новгород (Рюриково городище).

прерываясь трехкилометровым плесом. Выше по течению — в 76 км. от устья реки начинались другие Пчевские пороги протяженностью 6 км. Первое подробное описание прохождения судов через пороги на Волхове было сделано в 1634 г. Адамом Олеарием, отмсчавшим: "...когда мы прибыли к первым порогам, то вышли из лодок и пошли берегом, дожидаясь пока наши лодки сотнею людей перетаскивались через пороги на канатах". Одна из лодок оторвалась и чуть не погибла, так же как это произошло с судном одного епископа, пытавшегося пройти здесь ранее [Олеарий 1986:299]. Эрик Пальмквист, описывавший эти пороги в 1674 г. свидетельствовал: "Здесь река полна подводных и видимых глазом из воды камней, почему, несмотря на то, что фарватер ее достигает здесь сажени глубины, весь караван судов, обыкновенно до 30 штук перед названным порогом вытаскивается на берег с большими трудами и при помощи порядочного числа рабочих людей" [Palmquist 1674:33]. Известно, что осадка барок, проходивших в середине XVIII в. только вниз по реке через Волховские пороги достигала 2,5 футов (76,5 см.). При их прохождении суда ударялись о камни, получали течи, однако вода сразу же вычерпывалась, а швы проконопачивались. При этом и в новое время значительное количество судов терпело здесь крушения — только в течение 16 лет с 1843 по 1859 г. на порогах Волхова погибло 101 плавсредство [Семенов 1863:534].

На следующем участке маршрута протяженностью около 92 км., проходившем через юго-западную Ладогу, значительную опасность для судоходства представляли: открытость ее для ветров всех направ-

лений, отсутствие естественных гаваней и многочисленные мели. "Какой великий убыток по всея годы чинится на Ладожском озере, что одним сим летом с тысячу судов пропало, а с начала строения сего (Петербурга — П.С.) более 10 тысяч" писал в 1718 г. Петр I. Именно это и послужило причиной сооружения обходного канала вдоль южного побережья Ладоги, связавшего устье Волхова и истоки Невы.

Наиболее сложным местом для судоходства на последнем 74 км. участке — на реке Неве являлся район Ивановских порогов, расположенный в 49-51 км. от устья. Наибольшую трудность его преодоления для судов поднимавшихся вверх представляли, согласно описанию Н. Озерецковского, составленному в 1785 г., сильное течение и невозможность переволакивания бечевой вдоль берега из-за расположенных здесь подводных камней [Озерецковский 1812:3-4].

Некоторая информация о судоходстве по Волховско-Ладожско-Невскому пути содержится и в средневековых документах. В скандинавских сагах, повествующих о событиях X-XI вв., говорится об остановках скандинавских судов в Старой Ладоге. Согласно договорам Новгорода с Готландом и немецкими городами, перегрузка с морских иностранных судов на речные новгородские лоды происходила в устье Волхова или в Неве. Подробнейшие сведения о торговых плаваниях, здесь, содержат проекты договора 1269/70 гг. В них определялся порядок взаимодействия немецких купцов с местными лодочниками и лоцманами, а так же назывались этапные пункты на водном пути по Волхову [Брим 1931: 224-226].

Интересную информацию по этой проблеме дало сопоставление данных из исторических документов и результатов научных экспериментов по моделированию условий плавания по Волховско-Ладожско-Невскому пути с использованием копий средневековых судов. Это не только позволило определить временные промежутки и оптимальные условия прохождения отдельных участков маршрута, но и прояснили некоторые вопросы проблемы взаимосвязи размещения археологических объектов с навигационными условиями водного пути. Согласно расчетам Д. Эльмерса, проведенным на основании сведений из сочинения Адама Бременского, в XI в. на плавание от Бирки до Острогарда, интерпретируемого как Новгород или Старая Ладога [Kirpicnikov 1988:337] требовалось всего 5 суток [Ellmers 1972:250] (рис. 3). Известно, однако, что посольство Адама Олеария, плывшее на малых килевых судах от Орешка до Новгорода, затратило только на этот маршрут примерно 7 суток, делая вынужденные остановки для отдыха гребцов, пополнения провианта и в ожидании попутного ветра. Из них двое суток плавание проходило по Ладоге (около 50 км. в сутки) и пять суток по Волхову (около 42 км. в сутки), что свидетельствует об отсутствии особых затруднений при прохождении Волхова против течения, исключая, конечно, участки порогов.

Экспериментальное плавание шведского судна Айфур (реплика малого раннесредневекового килевого судна, оснащенного прямым парусом, длиной — 9 м. и шириной — 2,2 м.) по пути Сигтуна-Новгород, проведенное в 1994 г. дало следующие результаты: при движении только в светлое время суток, нахождение маршрута Сигтуна-Выборг было затрачено около двух недель [Edberg 1994]. Прохождение дальнейшего участка пути, по нашему наблюдению, происхо-

дило в три этапа: Выборг-Санкт-Петербург — 2,5 суток, Санкт-Петербург-Старая Ладога — около 8 суток, с суточным простоем в ожидании попутного ветра на Ладоге, Старая Ладога-Новгород, Рюриково городище — 7 суток. При этом необходимо отметить, что движение осуществлялось в среднем 6-11 часов в сутки. При ежедневном 12-часовом плавании путь от Выборга до Новгорода занял бы около 13 суток, а среднесуточная проходимость составила бы около 43 км. При этих условиях преодоление Невы заняло бы около трех дней, Ладоги — двух, и Волхова — шести. Более длительное суточное плавание было бы физически затруднительно, так как большая часть маршрута — в основном по рекам Неве и Волхову была пройдена на веслах в условиях почти полного отсутствия ветра, при этом в порожистые участки с быстрым течением, преодолевались путем переволакивания судна вдоль берега. В Финском заливе и на Ладоге, напротив, плавание происходило преимущественно под парусом, хотя и здесь из-за безветрия приходилось прибегать к гребле и даже простаивать в ожидании ветра. В 1992 и 1993 г. вверх по Волхову проходили две экспериментальные экспедиции, первая из которых — на норвежской этнографической лодке, вторая — на лодке "Нево", представляющей собой гипотетическую реконструкцию средневекового балтийского судна для прибрежного морского плавания. Обоим экспедициям, по моим сведениям, на прохождение участка пути от Старой Ладоги до Новгорода потребовалось около 7 суток, а на плавание по Ладоге, при попутном ветре, заняло у лодки Нево всего около половины суток. Таким образом весь маршрут от устья Невы до Новгорода занимал 9-13 суток. В 1991 г. норвежское судно "Хаверн" — уменьшенная копия корабля из Гокстада, преодолело путь от Бирки до устья Невы всего за 7 суток, потеряв один из этих дней, по причине неблагоприятного ветра, у острова Саарема. Участок от Таллина до Петербурга был пройден всего за двое суток — ежедневно преодолевалось около 180 км пути. Известно, что русские суда, плававшие в конце XVII в. в Швецию с торговыми целями, проходили от Ревеля до Стокгольма, при хорошем попутном ветре за два "нощеденствия", то есть за двое суток [Дмитриев 1960:343]. Отсюда можно заключить, что при благоприятных условиях плавания, на прохождение пути от Бирки до Старой Ладоги требовалось 8-12 суток, а до Новгорода — 13-18 суток.

Само собой разумеется, что плавание в обратном направлении из Новгорода до устья реки Невы занимало по продолжительности меньшее время, поскольку наибольший — речной участок этого маршрута, приходился в этом случае вниз по течению. Это подтверждается как источниками, так и экспериментами. В 1164 г. при нападение шведского флота на Ладогу, князь Святослав с новгородцами появился там на пятый день [ПСРЛ 1841:13]. Таким образом, на оповещение новгородцев о появлении неприятеля, на их сбор и движение вниз по Волхову потребовалось всего пять суток. В 1993 г. группа из Смоленска преодолела это расстояние на ялах за четверо суток. В 1990 г. датское судно "Скинфакс" — реплика малого кнорра Скульделев 3, XI в., за три дня прошло маршрут от Старой Ладоги до устья Невы, двигаясь по 15 часов ежедневно. Два дня заняло путешествие до Орешка и один по Неве. Таким образом из полученных в

результате экспериментов данных явствует, что прохождение пути Старая Ладога-Бирка, при круглосуточном плавании и оптимальных погодных условиях, занимало около недели, а от Новгорода до того же пункта — 10-12 суток [Сорокин 1994: 58-61].

Из вышеизложенных сведений можно заключить, что водные передвижения в средневековье находились в сильной зависимости от навигационных и погодных условий, поэтому протяженность суточных переходов была подвержена значительным вариациям. Постоянные остановки, судя по всему, делались лишь в крупных населенных пунктах и в ключевых точках маршрута: перед преодолением порожистых участков и после них, а так же при смене условий плавания — когда суда выходили из рек в озеро или море, и наоборот — при входе в русла рек.

По своему географическому положению археологические памятники и нумизматические находки раннего средневековья концентрируются в трех зонах пути: это два крупных поселенческих массива в Верхнем и Нижнем Поволховье, сформировавшиеся уже в VIII-X вв. [Носов 1981] и у устья Невы, на побережье Финского залива, где наблюдается скопление монетных кладов (Васильевский остров, Петродворец, Мартышкино) [Дубов 1989: 246-247; Потин 1967: 138], свидетельствующих о наличии здесь торговых стоянок [Сорокин 1994: 40-42]. Все эти зоны как раз приурочены к ключевым участкам водного пути, где происходило изменение условий плавания при переходе из рек в озера и море и при преодолении порогов. Изучение топографического размещения археологических объектов относительно уровня водной системы позволяет проследить динамику его изменения.

В шурфе, заложенном в июле 1995 г. (экспедиция ИИМК РАН под руководством А.Н. Кирпичникова) в пойме правого берега реки Ладожки, в 20 м. от уреза воды (у археологической базы), был прослежен культурный слой, насыщенный щепой и древесными остатками, мощность которого достигала около 1,5 м. В нем было обнаружено значительное количество фрагментов керамических сосудов X-XI вв. (определение А.Н. Кирпичникова), кости животных и одна судовая заклепка. Основание слоя, подстилаемого материковой глиной, было зафиксировано на глубине 2,3 м. от современной дневной поверхности то есть на 0,8 м. ниже современного уреза воды в Ладожке. Сходная ситуация была прослежена и на левом берегу Ладожки, в траншее 1 1952 г. и в шурфе 6 1984 г., заложенных в пойме. В первом случае слой был датирован X-XVII вв. [Гроздилов 1952:21-24], во втором XII-XIV вв. По мнению исследователей, широкое хозяйственное освоение поймы здесь относится ко времени не ранее XI в., а прекращается в связи с началом ее затопления в XIV в. [Кирпичников, Назаренко, Лебедев 1984:18,54]. В инженерно-геологической скважине (243), пробуренной между южной стеной крепости и Земляным городищем в 10 м. от берега Волхова отметка залегания культурного слоя почти совпадает с современным урезом воды в реке. До отметки 1,5 м. от современной поверхности здесь был прослежен культурный слой, а под ним песчаные, илистые и торфяные отложения [Т.О. 1989:243].

Затопление археологических объектов IX-X вв. отмечалось исследователями и в других случаях — это курганы и сопка в урочище Плакун, подтопляемые во время паводков [Назаренко 1985:157; Носов

1985:147] и относительно низкий уровень залегания слесов (4-6 м. от уреза воды) на Староладожском поселении [Петренко, Шитова 1985:189-190]. Примечательно, что примерно в этих же топографических условиях — невысоко над водой, были обнаружены и некоторые раннесредневековые монетные клады почти на всем протяжении водного пути: древнейший из найденных в Ладоге (дата по последней монете 786/87), обнаруженный при тяте барок лошадьми, другой, найденный на побережье Ладожского озера — недалеко от устья Волхова и третий из района Галерной гавани на Васильевском острове, где отметки земной поверхности не превышают и в настоящее время 2 м. над уровнем моря [Марков 1910:30-32]. Все эти факты позволяют констатировать, что в период существования Староладожского поселения гидрография здесь претерпела значительные изменения, и к настоящему времени уровень воды в в окрестностях Старой Ладоги значительно выше чем был в X-XIV вв. Если первоначально — в VIII-IX вв. для заселения была пригодна лишь береговая гряда вытянувшаяся вдоль Волхова [Стеценко 1988], то впоследствии в X-XI вв. в связи с трансгрессией Ладоги, происходит понижение уровня воды в Ладожке и освоение поймы этой реки, продолжавшееся вплоть до позднего средневековья (XIV в.), когда вновь начинается регрессия Ладоги. Подводноархеологическое обследование устья Ладожки показало, что осадочные отложения здесь, несмотря на медленное течение, имеют незначительную мощность 0,1-0,8 м., причем местами — в средней части русла дно свободно от них. Учитывая, что в настоящее время глубина здесь колеблется от 2 до 3 м. можно говорить о том, что в X-XI вв. она была меньше на 1-1,5 метра, то есть составляла 1-2 метра. Ширина реки достигающая в настоящее время 20-30 метров была соответственно 15-25 м. Следует ли из этого, что Волховские пороги были вовсе непроходимы в период водного минимума. Для ответа на этот вопрос недостаточно палеогеографических данных, так как это, во многом, зависело от использовавшихся здесь судов и системы судоходства.

Судовые материалы из археологических слесов Старой Ладоги, Рюрикова городища, Новгорода и Орешка дают нам общее представление о конструкции различных типов судов, применявшихся здесь на протяжении средневековья. Это дощатые, вероятно, килевые суда с клинкерной обшивкой, соединенной с помощью железных заклепок, большие паромообразные суда с плоским днищем, прямыми бортами и обшивкой встык, а также однодревки и суда, изготовленные на однодревной основе. К деталям дощатых клинкерных судов, с уверенностью, пока могут быть отнесены: железные заклепки и фрагменты досок обшивки с заклепками. Других частей этого типа плавсредств, известных нам по скандинавским археологическим находкам, — килей, дугообразных штевней и шпангоутов, соответствующих их плавным обводам, у нас пока не известно, вероятно, из-за сложности их вторичного употребления в строительных конструкциях — в качестве уличных мостков и деталей построек. Некоторую обобщенную информацию о размерах клинкерных судов дает нам статистико-аналитическое изучение коллекций заклепок из погребальных комплексов и поселенческих слесов. Учитывая, что функциональная длина заклепки включает в себе информацию о толщине

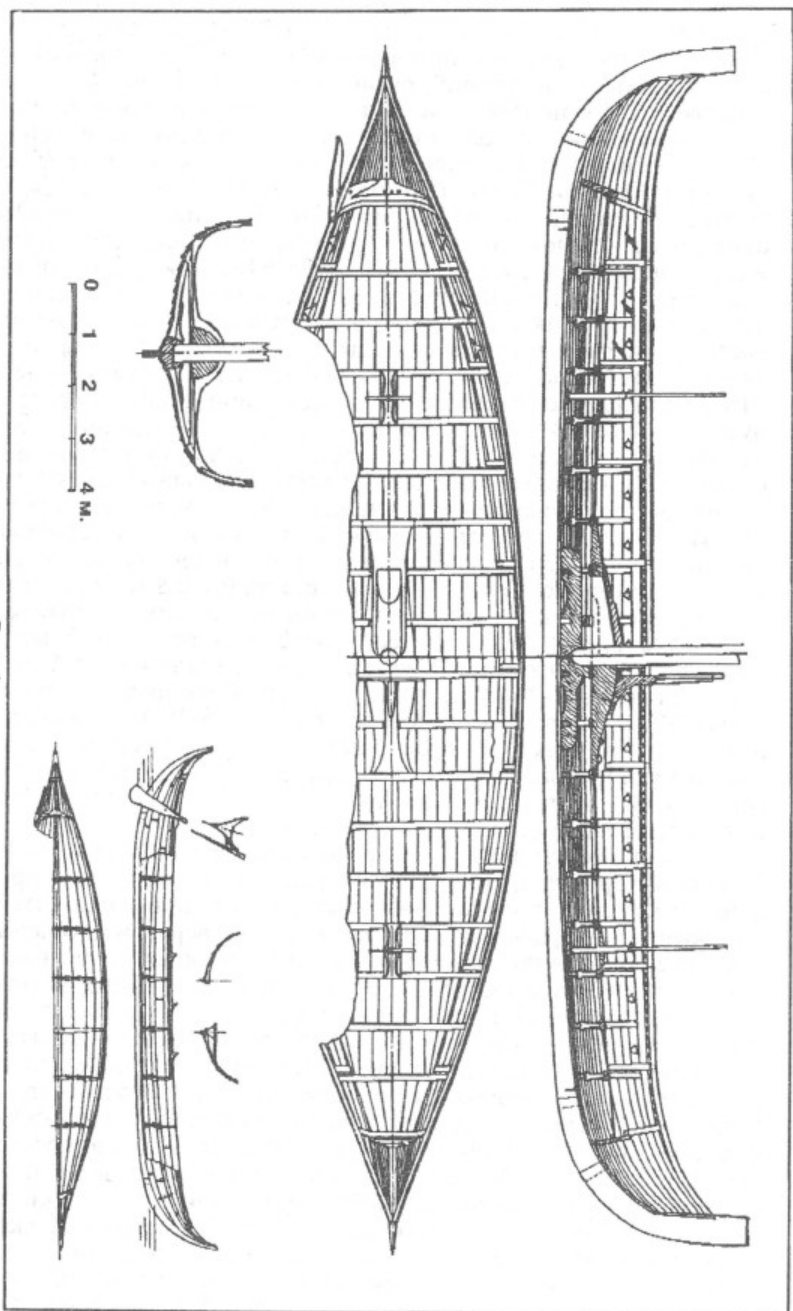

Рис. 4.
 Большое судно и вспомогательная лодка из Гокстада (по Фон Фирксу).

соединяемых деревянных конструкций, которые были типичны на раннесредневековых судах и количество вариантов таких соединений, обычно, ограничивалось тремя-четырьмя (доски обшивки в одном поясе и в разных поясах между собой, доски обшивки с килем и иногда со стрингерами и кницами), можно разделить заклепки, в первую очередь происходящие из одного комплекса на группы, характеризующие толщину деревянных деталей. А этот параметр в свою очередь был тесно связан с общими размерами судна — более крупные суда имели и более массивные деревянные детали, призванные обеспечить их прочность, как это можно проследить по цельным судовым находкам из Скандинавии. Так на Гокстадском корабле (дл. 23,3 м., шир. 5,2 м., выс. 2,1 м.), доски обшивки которого имели толщину около 25 мм., а основная масса заклепок, соединявших их в клинкер, достигала в длину около 6 см., а у лоды 1 (размерами 9,75x1,85x0,77 м.), найденной на борту этого корабля и использовавшейся в качестве вспомогательного плавсредства для плавания по мелководьям, толщина обшивки составляла от 0,8 до 1,5 см., и скреплялась заклепками длиной около 3-4 см. (рис. 4).

К настоящему времени мы располагаем информацией о параметрах 62-х заклепок из Старой Ладogi с размерами 26-85 мм. (50%, более 50 мм. Слои преимущественно до XII в.), 18-ти с Рюрикова городища (30-75 мм, 75 %, более 50 мм. Переотложенные слои) и 35-ти из Неревского раскопа Новгорода (20-50 мм. Слои до XII в.). Эти данные позволяют сделать предположение, что суда, посещавшие Ладogu и Рюрикова городище были примерно одних размеров, тогда как в Новгород ходили меньшие по величине суда. Вероятно, в VIII-IX вв. большие суда викингов еще поднимались вверх по Волхову, с X в. с понижением уровня воды в Волхове и с увеличением осадки судов Староладожское поселение окончательно становится морским портом древнерусского Северо-Запада, где останавливаются большие суда и в Верхнее Поволжье поднимаются только вспомогательные (малые) клинкерные суда — типа лоды 1-3 из Гокстада, которые без труда могли преодолевать мелководья и перевозакиваться на труднопроходимых порожи-стых участках, как по воде, так и по суше. Возможно, именно с этим изменением характера судоходства на Волхове, в определенной мере, и

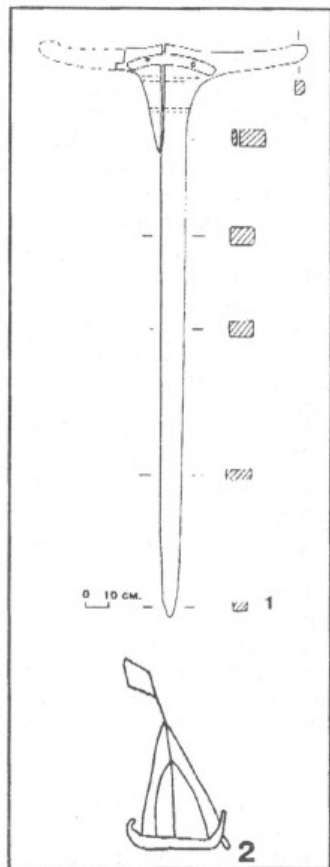

Рис. 5.

- 1 — Стойка корабельного штура.
2 — Граффити IX в. скандинавского судна из Старой Ладogi (раскопки В.П. Петренко)

было связано формирование системы контроля и обслуживания водного пути, выразившееся в функционировании ряда городищ IX-X вв. на наиболее важных и труднопроходимых его участках (Новые Дубовики и Городище у северных оконечностей Гостинопольских и Пчевских порогов и Холопий городок в верховьях реки при раздвоении ее на два рукава). Судя по всему, вышеперечисленные находки следует связывать именно со скандинавскими клинкерными судами, такими как кнорр и скейд, которые согласно руническим надписям XI в. из Упланда и Седерманланда, плавали по Восточному пути [Мельникова 1977:77,92-94,111,57]. Вероятно, с этим же типом следует отождествлять и упоминаемые в летописях шнеки и лойвы, приходившие в воды русского Северо-Запада из Скандинавии и Финляндии. Помимо заклепок и фрагментов досчатой обшивки с клинкерными скандинавскими судами, наверняка, соотносятся и некоторые детали корабельного оснащения: стойка судового шатра высотой 2,4 м. из Старой Ладogi, сопоставимая по размерам с найденной на Гокстадском корабле и кляпы, использовавшиеся в качестве дельных вещей на раннесредневековых скандинавских судах, один из которых был вплетен в лыковый канат длиной 1,5 м. (рис. 5:1). Вероятно, к скандинавским следует относить и ранние варианты уключин, крепившиеся к борту судна через большие отверстия в их основании (горизонтальные или вертикальные) посредством деревянных нагелей или привязывания из Старой Ладogi [Сорокин 1994:124,213]. Одно из больших скандинавских судов с высоко поднятыми изогнутыми штевнями изображено на граффити из Старой Ладogi, обнаруженном во время раскопок В.П. Петренко (рис. 5:2) [Петренко 1977:10-11]. Имеющиеся данные позволяют с уверенностью говорить о том, что воды русского Северо-Запада посещались в раннее средневековье большими кораблями викингов, а также указывают на присутствие здесь малых вспомогательных клинкерных килевых судов.

Сравнение данных макроанализа растительных остатков, проведенного в Старой Ладогe финскими специалистами [Aalto, Heinajoki 1994:6] с породами древесины судовых деталей из этого поселения (автор выражает свою глубокую благодарность М.И. Колосовой, выполнившей определение видов деревьев в химической лаборатории Гос. Эрмитажа, и О.И. Давидан, оказавшей в этом организационное содействие, а так же предоставившей материалы для публикации) показало, что основная масса деталей судов изготавливалась из наиболее распространенных здесь в средневековье видов деревьев — ели и сосны. Помимо них в горизонтах Е и Д Старой Ладogi были зафиксированы осина, дуб, ива, крушина и рябина [Aalto, Heinajoki 1994:6]. Примечательно, что значительная часть деталей происходящих из этих горизонтов была выполнена из дуба и ясеня, первый из которых был, судя по макроанализу растительных остатков, очень редок здесь, а второй вообще не был обнаружен. Из дуба были изготовлены две детали с заклепками, большое, вероятно корабельное, днище, уключины, доски и весла, из ясеня — шпангоут планка, уключины и детали стойки корабельного шатра, то есть большая часть фрагментов относимых к первому типу судов, связываемых для раннего средневековья, преимущественно со скандинавами. Известно, что обе эти породы древесины чрезвычайно широко применялись в скандинавской судостроительной традиции.

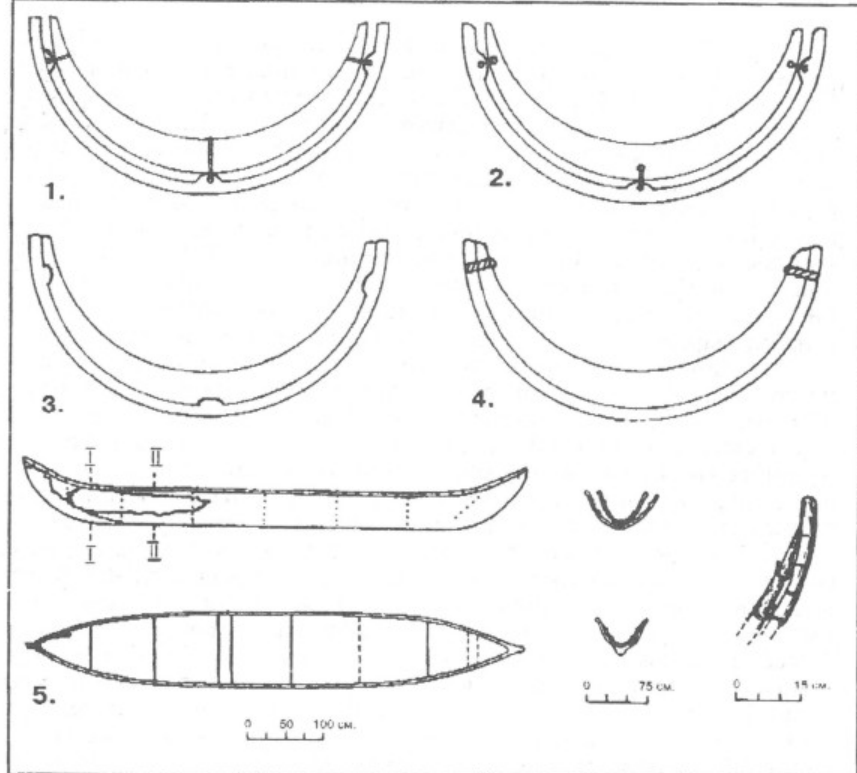

Рис. 6.

1-4 — Варианты соединения шпангоутов с корпусом, 5 — лодья-однодревка XI в из Новгорода (Реконструкция М.Х. Алешковского).

Большие паромообразные плоскодонные суда с прямыми бортами, примыкавшими к днищу под прямым или тупым углом имели заостренные или усеченные окончания. К деталям этого типа можно отнести почти все так называемые "корабельные доски", L-образные — переходные между днищем и бортами доски, шпангоуты-планки и кокоры, а также прямые форштевни. Из известных нам частей этих судов также можно вывести некоторые их параметры. Среди деталей, обнаруженных в ходе раскопок В.И. Равдоникаса и Е.А. Рябина в Старой Ладогe вблизи "большого дома", датированного концом IX в. [Рябинин, Черных 1988:93] имелись переходные, днищевые и бортовые доски, шпангоуты-планки и кокоры. Изучение этого материала показывает, что ширина разобранного здесь судна составляла 3,2 м., высота борта, примыкавшего к днищу под прямым углом, около 80 см.

Часть борта длиной 14,3 м., уходящая при этом одной из своих сторон за пределы раскопа, была прослежена в слое первой четверти X в. на левом берегу реки Ладогки. Он был интерпретирован как борт большого корабля, а имевшаяся в его составе переходная доска как планширь [Петренко 1989:44-46]. Высота бортов этого судна

достигала 70 см., длина, судя по всему, превышала 15 м. Находки прямых штевней, связанных по нашему мнению с этим типом судов, в Новгороде длиной 1,3 м. и 1,55 м., свидетельствуют, что некоторые паромообразные суда имели высоту бортов до 1-1,2 м. Интересна система обеспечения герметичности этих судов — в края L-образной доски в ее бортовой и днищевой частях, а также по нижнему и верхнему краям бортовых досок, были вбиты дубовые клинышки, вероятно фиксировавшие планку, прижимавшую конопатку к стыкам досок обшивки. Впоследствии, начиная с XII-XIII вв., по нашим наблюдениям, для этого начинают использоваться железные скобочки. Система же конопатки с клинышками прослеживается для XI в. и на однодревных судах с нашитым бортом из Новгорода.

Из типов судов, упоминаемых письменными источниками к паромообразным судам относятся паром, учан, павозок и падвозок, встречающиеся в модифицированном варианте до нового времени. Такие суда использовались преимущественно для локальных речных и прибрежных озерных грузоперевозок. Возможно, также, как впоследствии развившиеся на основе этого типа барки, паромообразные суда применялись для транспортировки грузов вниз по течению Волхова.

К наиболее характерным деталям однодревок с расширенными бортами и судов построенных на их основе принадлежат фрагменты долбленого корпуса, банки и дугообразные шпангоуты (рис. 6). В имеющихся археологических и этнографических материалах Северо-Запада различаются три варианта крепления шпангоутов к корпусу однодревки: привязывание вицей или берестой к клампам путем охвата шпангоута или через проделанные в нем отверстия, и посредством вырезанных в шпангоутах пазов одеваемых на клампы. Известные к настоящему времени находки остатков этих судов также позволяют лишь предположительно реконструировать их размеры. Лодья I из раскопок у Владимирской башни новгородского кремля имела длину 6,75 м., ширину — до 90 см., и высоту до 55 см. [Алешковский 1969:264-269]. Находки дугообразных шпангоутов из Новгорода (ширина — 115 см., высота — 57 см, дата XIV в.) [Колчин 1968:62-63] и из Орешка (ширина — 105 см., высота — 53,5 см., дата XV в.) [Кирпичников 1980:41], позволяют говорить о том, что суда этого типа имели и более крупные размеры. Обычные однодревки, выдалбливавшиеся из одного дерева с массивным корпусом и внутренними перегородками, без разведения бортов, в археологических материалах средневекowego Северо-Запада пока отсутствуют, однако, судя по этнографической традиции, они так же имели здесь распространение. Вероятно, именно эти конструктивные детали обоих типов однодревных судов включали, упоминаемые в источниках челны, различные варианты лодей из Русской правды, в конкретном понимании этого термина (лодья, набойная лодья, морская или заморская лодья). Не исключено, что такие типы как насад, струг и ушкой также имели однодревную основу. В зависимости от размеров и количества набойных бортов суда на однодревной основе применялись для рыболовства, грузоперевозок и транспортировки воинских контингентов на реках и озерах, а также, вероятно, могли использоваться и для прибрежного морского плавания.

Признавая возможность определенного влияния на развитие местного, в первую очередь, морского судостроения, первоначально со

стороны скандинавов, а затем ганзейцев, следует отметить и самобытные черты, восходящие, вероятно, к судостроительной технологии, принесенной словенями новгородскими с их прародины, и к традициям автохтонного финского населения. Иностранными терминами в древнерусских письменных источниках, почти всегда, называются иноземные суда, а все судовые типы, употреблявшиеся на Северо-Западе Руси, также как их части и детали, за редким исключением, носили местные, русские названия. Все это свидетельствует о том, что судостроительная традиция русского Северо-Запада развивалась на собственной основе, заимствуя у соседних народов определенные конструктивные элементы и технологии и адаптируя их к местным условиям. Так если килевые суда, судя по всему, первоначально, были связаны со скандинавской судостроительной традицией, а появление паромообразных плавсредств у славян восходит, вероятно, еще ко времени их пребывания в Подунавье, то происхождение традиции изготовления однодревок с расширенными в результате термической обработки бортами, распространенной в архаичном варианте у финского населения, а в модифицированном у скандинавов, есть все основания связывать с Северной Европой.

Бытование в археологических слоях железных судовых заклепок и вариантов уключин, соединявшихся с бортом посредством деревянных нагелей, использовавшихся на килевых судах и применявшихся, преимущественно в скандинавской судостроительной традиции, прекращается одновременно с окончанием интенсивного функционирования Волжско-Балтийского водного пути и переориентации торговли Северо-Западной Руси со Скандинавии на Германию. С XII в. в судостроении региона, вероятно, возобладали местные традиции, предполагавшие широкое использование техники сшивания и привязывания элементов судового набора и обшивки с помощью вицы и бересты. В это же время здесь начинает распространяться более совершенная традиция крепления конопатки судовой обшивки посредством железных скобочек, вытеснившая применявшиеся для этого деревянные клинышки и заимствованная, вероятно, из Германии, где на протяжении средневековья она использовалась как на больших морских коггах, так и на малых паромообразных судах.

Природные условия Северо-Западной Руси — мелководные и порожистые участки на реках, связывавших городские центры с морем, сложность взводного судоходства в этих условиях, богатство лесными ресурсами способствовали преимущественному распространению здесь судов построенных на однодревной основе и плоскодонных плавсредств, которые с одной стороны были способны без особого труда преодолевать препятствия на внутренних водных путях, а с другой, не требовали значительных временных затрат на их изготовление.

На протяжении средневекового периода система навигации на Волховско-Ладожско-Невском пути претерпевает значительные изменения, тесно связанные с экономическим и политическим развитием всего Балтийского региона. Если для раннесредневекового периода в сообщении по пути, ведущем из Балтики к Новгороду первостепенную роль играли парусно-гребные килевые суда скандинавского типа, то позднее для этого начинают использоваться крупные морские суда типа коггов, которые имели большую грузоподъемность и осадку и ходили

только под парусом, что затрудняло их движение в условиях мелко-водья и против течения рек, и делало практически невозможным прохождение порожистых участков на Волхове. В то же время, с другой стороны, прослеживается отчетливая тенденция поступательного освоения побережий внутренних водных путей, происходившего в тесном взаимодействии с формированием и эволюцией системы их навигационного обеспечения. В результате этого в сферу обслуживания местных лодочников постепенно включается участок пути по Ладоге, Неве и частично по Финскому заливу, а передовые центры базирования русских судов перемещаются в XIV - XVI вв. из глубинных районов региона ближе к его морскому побережью — в Орешек, а затем к устью Невы, оказываясь за пределами наиболее труднопроходимых участков внутренних водных путей, что с одной стороны, делало их достижимыми для больших иностранных морских судов, а с другой, создало прочные предпосылки для развития русского мореплавания на Балтике. Как это известно по документам XVII в. для морского плавания по Балтике, новгородские купцы использовали соймы и карбасы [Шаскольский 1971:148-157], включавшими в своей конструкции элементы как килевых так и плоскодонных судов и являвшихся, судя по имеющимся данным, килевыми досчатými судами со сшитой обшивкой, лубяным навесом, прямым или шпринтовым парусом и транцевым рулем. Судя по более поздним этнографическим аналогиям и письменным документам нового времени, средние размеры и уплощенные обводы их днища позволяли им преодолевать мелководья, а в разгруженном виде и пороги.

Таким образом можно констатировать, что природные условия Северо-Западной Руси, наряду с экономическими и политическими факторами, оказали значительное влияние на развитие судостроения и формирование системы навигации в этом регионе в средневековье. Именно в этот период здесь закладывались предпосылки для развития судового дела России нового времени.

- АЛЕШКОВСКИЙ, М.Х.* 1969. Лодья XI в. из Новгорода // СА 2: 264-269.
- БРИМ, В.А.* 1931. Путь из варяг в греки // Изв. АН СССР VII. Отделение общественных наук. 2.:201-217. Л.
- ВИЛИНБАХОВ, В.Б.* 1963. Балтийско-Волжский путь // СА 3: 126-135.
- ГРОЗДИЛОВ, Г.П.* 1952. Дневник работ Невской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1952 г. тетрадь 5. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. I. Дело 63.
- ДУБОВ, И.В.* 1989. Великий Волжский путь. Л.
- ИНОСТРАНЦЕВ, А.А.* 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н.* 1980. Древний Орешек. Л.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н., В.А. НАЗАРЕНКО, Г.С. ЛЕБЕДЕВ.* 1984. Дневник Староладожской экспедиции. Архив ИИМК РАН. Ф. 35, 1984. Дело 170.
- МАРКОВ, А.* 1910. Топография кладов восточных монет. СПб.
- МЕЛЬНИКОВА, Е.А.* 1977. Скандинавские рунические надписи. М
- МИКЛЯЕВ, А.М.* 1992. "Путь из варяг в греки" зимняя версия // Новгород и Новгородская земля: 133-137. Новгород.

- НАЗАРЕНКО, В.А. 1985. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога: 156-169. Л.
- НЕМИРОВ, Г.А. 1888. Петербург до его основания. СПб.
- НОСОВ, Е.Н. 1981. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н.э. // КСИА 164: 18-24.
1985. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога: 147-155. Л.
- ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ, Н. 1812. Путешествие академика Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб.
- ОЛЕАРИЙ, А. 1986. Описание путешествия в Московию. Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев: 287-470. Л.
- ПЕТРЕНКО, В.П. 1977. Отчет о раскопках в Старой Ладоге близ Варяжской улицы в 1977 г. — Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1977 г. Д. № 39.
1989. Путь по реке Нарове и раннесредневековое судостроение на Северо-Западе Руси // Тезисы докладов конференции Нарва, Ивангород, Принаровье: взаимодействие культур, история и археология: 44-46. Нарва.
- ПЕТРЕНКО, В.П., Т.Б. ШИТОВА. 1985. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья. Средневековая Ладога: 181-191. Л.
- ПСРЛ. 1841. III. СПб.
- РЫДЗЕВСКАЯ, Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК XI: 51-65.
- РЯБИНИН Е.А., Н.Б. ЧЕРНЫХ. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя старолadoжского земляного городища в свете новых исследований // СА I: 72-101.
- СЕМЕНОВ, П. 1863. Географическо-статистический словарь Российской империи I. СПб.
- СОРОКИН, П.Е. 1994. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. Дис... канд. истор. наук: 07.00.06. СПб.
- СТЕЦЕНКО, Н.К. 1988. Старая Ладога. Опорный историко-архитектурный план ансамбля Старолadoжской крепости и предкрепостной территории. Археологические исследования 3, 8. Л. Архив института Спецпроектреставрация.
- Т.О. 1989. Технический отчет о комплексных инженерных изысканиях, выполненных в п.Старая Ладога II. Инженерно-геологические изыскания. Л. Архив института Спецпроектреставрация.
- ШАСКОЛЬСКИЙ, И.П. 1971. Русское мореходство на Балтийском море // Проблемы истории феодальной России: 148-157. Л.
- AALTO, M, H. HEINÄJOKI. 1994. Staraja Ladoga - Projekt. Рукопись.
- CRUMLIN-PEDERSEN, O. 1988. Schiffe und Schiffahrtswege im Ostseeraum während des 9.-12. Jahrhunderts // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69: 530-564. Frankfurt-am-Main.
- EDBERG, R. 1994. Expedition Holmgård // Sigtuna Museers Skriftserie 5.
- ELLMERS, D. 1972. Frühmittelalterliche Handelschiffahrt in Mittel- und Nordeuropa. N.
- KIRPICNIKOV, A.N. 1988. Anmerkungen zur Verbreitung und Verwendung von Dirhems im eurasischen Handel // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69. Frankfurt-am-Main.
- NYLEN, E. 1985. Handel und Seefahrt zwischen Skandinavien und Ostbaltikum: 83-98. U.
- PALMQUIST, E. 1898. Norge widh sidste Kongl. Ambassaden Till Tzaren i Musrou quirde Oberwationer ofwer Rysslandh dess Wager Pass medh Fastningar och Yrantzen sammandragne off Erich Palmquist. 1674. Stockholm. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 25. Оп. 98/1. Д. 65.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРНОГО ПОВОЛХОВЬЯ (к археологической карте окрестностей Старой Ладоги)

В 1994 г. нами (при участии А.А. Панченко и А.А. Селина) по поручению музея-заповедника "Старая Ладога" был предпринят профилактический осмотр археологических памятников Северного Поволховья. В процессе проведения данного осмотра были получены публикуемые ниже сведения о ряде подобных объектов, не фиксировавшихся ранее (рис. 1). Практически все они требуют дополнительной проверки. Так, более или менее точное определение степени сохранности зафиксированных нами пяти могильников с погребениями-труположениями возможно лишь после проведения их разведочной шурфовки. Только она позволит отнести данные памятники к тому или иному конкретному типу погребальных древностей (жальник, грунтовый могильник, разрушенный курганный некрополь). Предварительно, лишь могильники в д. Межумошье (часовня на территории памятника стояла, по словам местной старожилки, "на камнях"), а также у бывшей д. Позем можно отнести к жальникам. Наконец, рекогносцировочные раскопки этих памятников дадут возможность датировать их. Сейчас же можно только предполагать, что большинство выявленных могильников относится к позднему средневековью.

Тем не менее, несмотря на высказанные выше соображения, необходимость предварительной публикации полученных сведений (с учетом безусловной значимости археологических материалов Северного Поволховья в целом) представляется очевидной.

1. Группа сопок у д. Поляща. По сведениям местных старожилков, на южной окраине деревни ранее располагалась группа из двух (трех?) сопков, "таких как в Старой Ладоге". Судя по указаниям наших информаторов, сопки были выгнаны цепочкой вдоль края второй речной террасы правого коренного берега р. Волхов. Памятник может быть локализован между южной границей д. Поляща и правым берегом безымянного ручья, впадающего в р. Волхов севернее д. Бабино (рис. 2).

Одна или две насыпи были уничтожены во время Великой Отечественной войны. Еще одна насыпь, ближе других располагавшаяся к постройкам деревни, весной 1994 г. была срыта при разработке площадки для строительства жилого дома. Эта сопка осматривалась мною в 1989 г. во время частной поездки в окрестности пос. Старая Ладога и представляла собой насыпь высотой до 3 м., диаметром — около 15 м. Каменная обкладка основания сопки не прослеживалась.

Сопки у д. Поляща являлись самой северной из известных групп погребальных сооружений подобного типа. Памятник не отмечен в

сводке сопок Северного Поволжья, составленной В.П. Петренко [1994: 119]; в настоящее время уничтожен полностью.

2. Могильник с погребениями-труположениями у д. Подол. По сведениям местных жителей, при рытье ям на западной окраине деревни были обнаружены человеческие черепа и кости ("то ли шведы раньше были, то ли война была"). В настоящее время на территории памятника располагается картофельное поле.

3. Могильник с погребениями-труположениями в д. Межумошье. От местной старожилки нами были получены сведения о находках человеческих костей в восточной части деревни ("говорят, кладбище было"). Ранее на этом месте находилась деревенская часовня, стоявшая "на камнях" ("шведы досюда дошли").

4. Наконечник копья — случайная находка в д. Трусово (рис. 3). Наконечник был обнаружен жителем деревни А.В. Шабашкиным при огородных работах на приусадебном участке (левый берег р. Ладожка). Находка соответствует типу III по А.Н. Кирпичникову ("копье с относительно широким пером удлинненно-треугольной формы"). Датировка наконечников копий, относящихся к данному типу, — IX-XIV вв. [Кирпичников 1966: 12-13; Кирпичников, Медведев 1985: 308-309, 337, табл. 125]. По О.И. Богуславскому [1991: 101, рис. 1-2] наконечник относится к типу 5 ("копья с ромбическим пером и втулкой, не превышающей по длине половины длины лезвия") и датируется в юго-восточном Приладожье 920-ми — 980-ми гг. (периоды С₂-С₁).

При осмотре огорода, на котором был обнаружен наконечник, ярко выраженный культурный слой прослежен не был. Подъемный материал был представлен лишь несколькими фрагментами позднесредневековой гончарной керамики. Таким образом, нет оснований рассматривать данную находку в качестве подъемного материала с

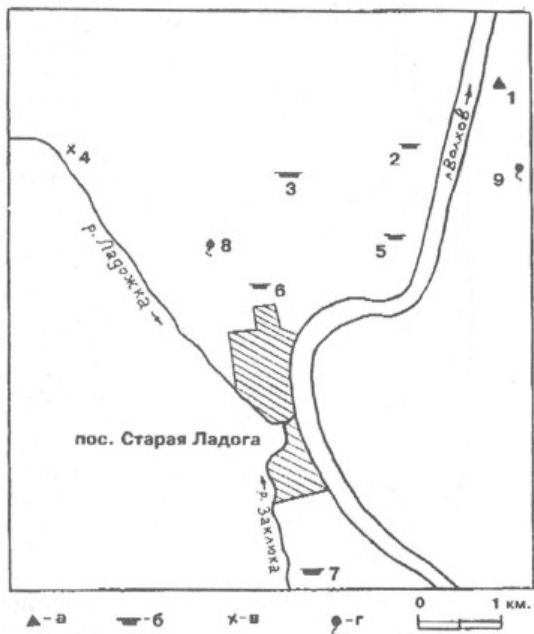

Рис. 1.

Археологические памятники Северного Поволжья, выявленные в 1994 г. Карта-схема.

Условные обозначения: а — группа сопок, б — могильник с погребениями-труположениями, в — случайная находка (наконечник копья), г — почитаемый родник. Цифровые обозначения на карте-схеме соответствуют номерам памятников в тексте статьи.

Рис. 2.

Группа сопок у д. Поляща. Схема расположения памятника.

Цифрами на схеме обозначены: 1 — сопка, уничтоженная в 1994 г.; 2 — предполагаемое место расположения сопок (сопки?), уничтоженный во время Великой Отечественной войны.

расположено моренное всхолмление округлой в плане формы. Высота холма — 2,5-3,5 м., диаметр — около 70 м. На относительно плоской поверхности холма прослежено довольно много камней различных размеров, в том числе — достаточно крупных. Какой-либо системы в расположении камней не зафиксировано. Поверхность всхолмления повреждена несколькими ямами.

Местные жители называют данный холм "сопкой". (При этом, очевидно, что он не является таковой в археологическом смысле этого слова). В связи с этим любопытно отметить, что на "Схеме курганных раскопок в южном Приладожье (1878-1884 г.)" Н.Е. Бранденбург [1895] указал одиночный "курган", расположенный поблизости от левого берега Волхова. В сводке сопки Северного Поволжья, составленной В.П. Петренко [1994:119], сведения об этом "кургане" отсутствуют. Судя по всему, Н.Е. Бранденбург отметил на карте-схеме охарактеризованный выше моренный холм. Во всяком случае, другого соответствия данному "кургану" не обнаруживается.

От жителей бывш. д. Позем и д. Межумошьё нами были получены не совсем ясные сведения о находках костей (человеческих?) при рытье ям на поверхности этой "сопки". Основные повреждения холма связаны со временем Великой Отечественной войны ("там в войну был госпиталь").

синхронного ей поселения. По-видимому этот наконечник происходит из разрушенного погребального памятника, или является утерянной вещью.

5. Могильник с погребениями-трупоположениями в д. Велеша. От местного жителя нами были получены сведения об обнаружении нескольких ("пять или шесть") человеческих черепов при проведении земляных работ в непосредственной близости от крайнего северо-восточного дома деревни (№2). Ранее на месте этого дома располагалась часовня. Следует отметить, что выявленный могильник локализуется, судя по всему, на территории (на периферии?) селюшка, культурный слой которого содержит керамику XII-XIII вв. [Лебедев, Седых 1985: 16, 18, №5].

6. Могильник с погребениями-трупоположениями близ бывшей д. Позем (ныне ул. Поземская в пос. Старая Ладога). В 0,3 км. к северо-западу от бывш. д. Позем, к северу от полевой дороги "б. д. Позем — уроч. Абрамов-

Надо полагать, что в данном случае мы имеем дело с полностью или частично разрушенным могильником с погребениями-труположениями.

Попутно стоит отметить, что случаи названия местным населением подобных памятников "сопками" известны в юго-восточном Приладожье [см. например: Кочуркина 1989:29, № XVII].

7. Могильник с погребениями-труположениями у д. Княщина. По сведениям местных старожилов, на поле, примыкающем к юго-восточной окраине деревни, ранее неоднократно находили человеческие кости и "крестики". ("Вроде говорили, что это от шведов осталось — тут раньше война была").

Кроме перечисленных выше археологических памятников нами были зафиксированы два почитаемых родника. Учет подобных объектов при составлении археологической карты того или иного региона представляется вполне оправданным [Панченко, Кузьмин 1988:98-101].

8. Почитаемый родник в урочище Абрамовщина. Родник находится в 1,3 км. к северо-западу от бывш. д. Позем, у подножия моренной гряды, поросшей смешанным лесом, в низине, около полевой дороги. Родник окружен небольшим дощатым срубом, рядом стоит деревянная скамейка. Ранее в урочище стояла часовня, родник посещался жителями окрестных деревень. Старожилки бывш. д. Позем называют воду из родника "самородной". В настоящее время родник не посещается. Подробная фиксация местной устной традиции, связанной с данным родником, предпринята А.А. Панченко. (Отчет А.А. Панченко за 1994 г. хранится в архиве музея-заповедника "Старая Ладога").

9. Почитаемый родник близ бывш. д. Гутово (ныне не существует). По сведениям старожилов д. Поляща, ранее близ бывш. д. Гутово (располагалась между деревнями Кустково и Бабино) находился родник, вода из которого считалась "святой". На роднике стояла часовня. Рядом с часовней, на сосне висела икона Богородицы. ("Если ее

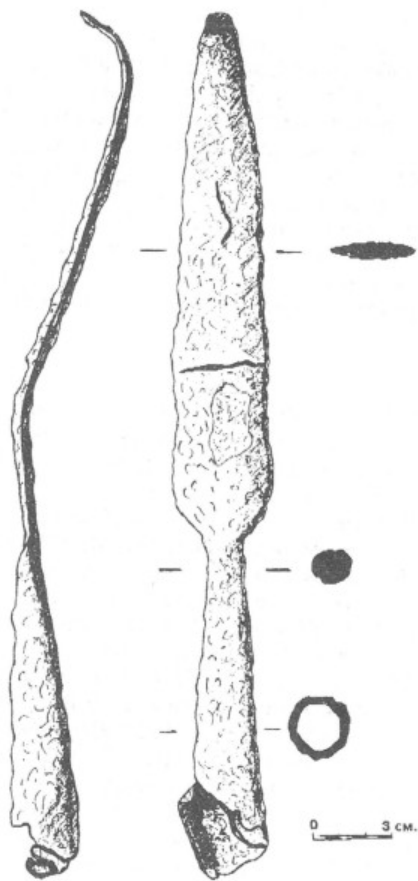

Рис. 3.

Наконечник копья из д. Трусово (случайная находка).

украдут, то она снова появлялась"). Родник посещался жителями окрестных деревень, в настоящее время заброшен.

Стоит отметить, что в 1994 г. нами были обследованы лишь левобережье Волхова на участке д. Подол — д. Извоз и д. Поляща на правом берегу Волхова. Однако, результаты этого обследования (рис. 1) свидетельствуют о необходимости "расширения" пространственных рамок археологической карты окрестностей Старой Ладogi. Включение в пределы подобной карты не только непосредственно побережья Волхова [Лебедев, Седых 1985:16, рис. 1], но и более отдаленных территорий (с проведением их разведочного археологического обследования) позволит существенно уточнить наши представления о динамике формирования и характере поселенческой структуры данного региона в эпоху средневековья.

БОГУСЛАВСКИЙ, О.И. 1991. К хронологии юго-восточного Приладожья IX-XI вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии: 99-114. Л.

БРАНДЕНБУРГ, Н.Е. 1895. Курганы южного Приладожья // Материалы по археологии России 18. СПб.

КИРПИЧНИКОВ, А.Н. 1966. Древнерусское оружие 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII вв. // САИ Е1-36. М.-Л.

КИРПИЧНИКОВ, А.Н., А.Ф. МЕДВЕДЕВ. 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село: 298-363. М.

КОЧКУРКИНА, С.И. 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионезья X-XIII вв. Петрозаводск.

ЛЕБЕДЕВ, Г.С., В.Н. СЕДЫХ. 1985. Археологическая карта Старой Ладogi и ее ближайших окрестностей // Вестник ЛГУ 2. № 9: 15-25.

ПАНЧЕНКО, А.А., С.Л. КУЗЬМИН. 1988. Некоторые вопросы изучения истории духовной культуры населения Северо-Запада Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Тезисы научно-практической конференции): 98-101. Новгород.

ПЕТРЕНКО, В.П. 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.

ДЕРЕВЯННЫЕ СООРУЖЕНИЯ СТАРОЙ ЛАДОГИ ПО РАСКОПКАМ 1984-1991 Г.

В 1991 г. Староладожской экспедицией ИИМК РАН завершены археологические исследования на раскопе 1, заложенном на северо-западном бастионе ладожского "Земляного городища" (рис.1). Их основной целью было выяснение особенностей формирования и характера культурных напластований на окраинах первоначального ядра ладожского раннесредневекового поселения. Раскоп размером 12x14 м был заложен в соответствии с квадратной сеткой, существовавшей со времен исследований В.И.Равдоникаса. Первоначальная его площадь была равна 168 кв. м., а после выхода на непотревоженные слои постоянно поддерживалась близкой к 160 кв.м. Мощност культурных напластований на изученном участке колеблется от 3 м в юго-восточном до 6 м в северо-западном углу раскопа, что объясняется их залеганием на склоне правого берега р. Ладожки.

В процессе раскопок выявлено девять, включая современный почвенный покров, слоев, представляющих важнейшие исторические этапы существования ладожского поселения и отличающихся друг от друга рядом особенностей, такими как наличие разграничительных прослоек, насыщенность культурными остатками, структурой и сохранностью, а также рядом других. Каждый слой, практически равнозначен строительному горизонту¹. Понятие "строительный горизонт" включает описание тех или иных примерно одновременно существовавших построек. При этом учитывались также поновления и перестройки отдельных частей этих построек. Раскрытые раскопками деревянные сооружения и составляют предмет описания настоящей работы (рис. 2).

Самый верхний после дерна и подстилающей его почвы, второй по счету слой, связан с реконструкцией ладожского "Земляного города" в начале XVIII в. Основными составляющими его элементами являются материковые глины, добытые при рытье окружавших бастионы рвов, в большей или меньшей степени перемешанные с темно-серым, местами чуть коричневатым от насыщенности истлевшим деревом культурным слоем, содержавшим предметы и обломки керамики главным образом X-XI вв. Мощност его в юго-восточной части раскопа достигала 1,5-2,0 м при том, что в северо-западном углу он составлял вообще всю толщу культурных напластований.

¹ В некоторых напластованиях не встречено строительных остатков. Так слой 4 содержал уплотненный темных гумус с угольками и прослойками песка. Каких-либо частей деревянных построек обнаружено не было. В нижних отложениях слоя 8 оказалось лишь несколько оснований деревянных столбов. Представить себе здесь сколько-нибудь определенную застройку и следовательно выделить отдельный строительный период не удалось.

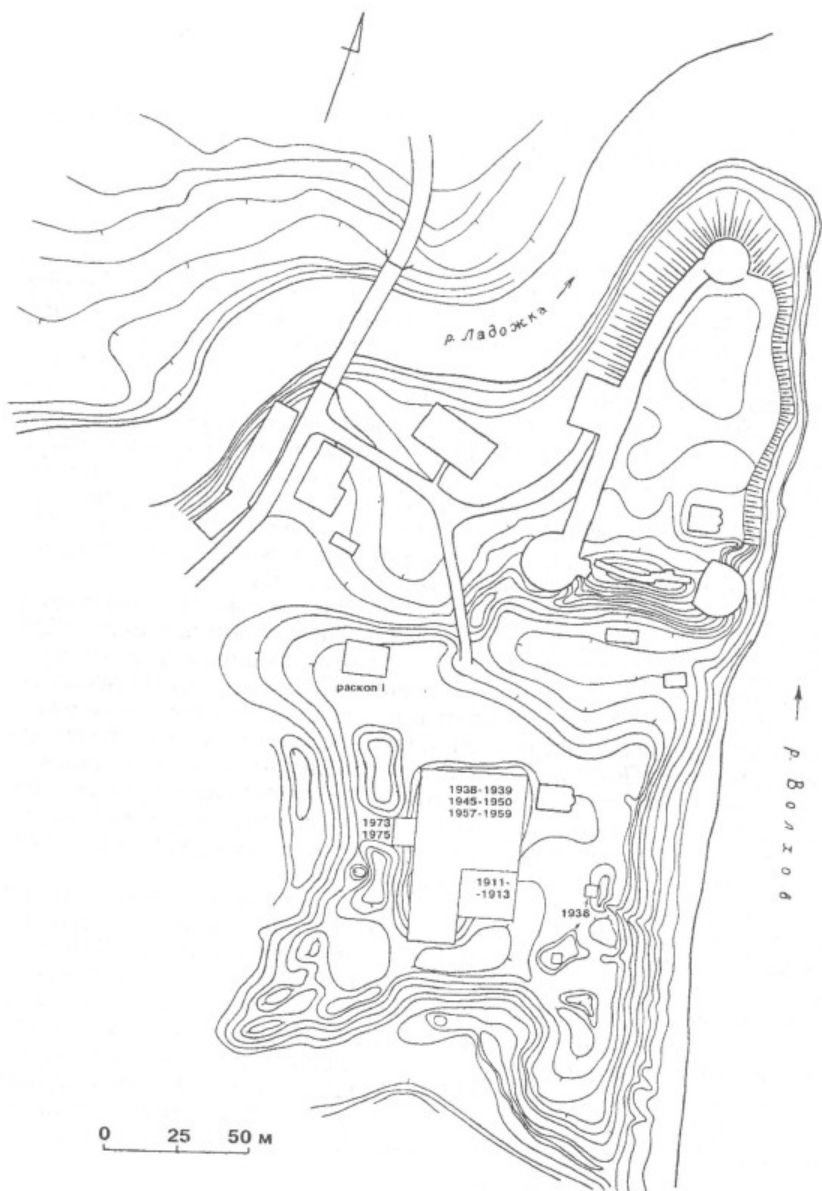

Рис. 1.

Земляное городище Старой Ладogi. План с обозначением исследованного в 1984-1991 гг. раскопа I и раскопов 1911-1975 гг.
Сечение горизонталей через 1 м.

**СООТНОШЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ НАПЛАСТОВАНИЙ
ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА ПО РАСКОПКАМ 1984-1991 ГГ
(1) И ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ЛЕТ (2)**

1		2	
Напластования	Дата	Напластования	Дата
1	XIX-XX вв.	А	XIX-XX вв.
2	Нач. XVIII в.	Б	XVII-XVIII вв.
3	1584-1585 годы	В	XV-XVI в.
4	Кон. X-нач. XI в.	Д верхний	—
5	Вт. пол. X - нач. XI вв.	Д верхний	950-990 годы
6	Примерно сер. X в.	Д средний	930-950 годы
7	Примерно 940 годы	Д средний	930-950 годы
8	900-930 годы	Д нижний	890-930 годы
9	Вт. пол. IX в.	Е ₁	855-890 годы

Следующий, третий слой представлял собой остатки хорошо сохранившихся в своей большей части земляных укреплений, сооруженных в Ладге в 1584-1585 гг. Валу укреплений насыпаны из культурного слоя древнерусского времени и лишь с внешней напольной стороны как бы облицованы довольно мощным слоем темно-серой гумусированной глины. Высота насыпной части вала изнутри около 1,7 м, но верх бруствера не сохранился, а с внешней стороны, от края рва, она приближалась к 4,5 м. Основание вала отчетливо фиксируется залегающей чуть наклонно прослойкой светло-серой глины. Эта верхняя часть вскрытых и описанных нами культурных напластований может быть соотнесена со слоями А, Б и В, предложенной В.И.Равдоникасом стратиграфии "Земляного городища" (табл. 1) [Равдоникас 1949:5-55]¹.

Ниже следуют непо потревоженные четвертый — девятый слой IX-X вв. общей мощностью около 1,5 м. Они представляют основной интерес ладожской археологии, так как запечатлели последовательное развитие поселения первых веков русской истории.

С четвертым — восьмым из выделенных слоев, суммарно относящихся к X — началу XI вв., связана большая часть всех изученных на раскопе 1 деревянных строительных остатков. Они соответствуют

¹ Хронологическая стратиграфия древней Ладogi, выдвинутая В.И.Равдоникасом, используется большинством исследователей. Ее наибольшее усовершенствование произведено О.И.Давидан, Е.А.Рябининым и Н.Б.Черных [Рябинин, Черных 1988:72-100]. Мы, однако, воздержались от механического перенесения индексов этой стратиграфии на выявленные нами слои, ограничившись лишь их соотнесением в специальной таблице (табл.1).

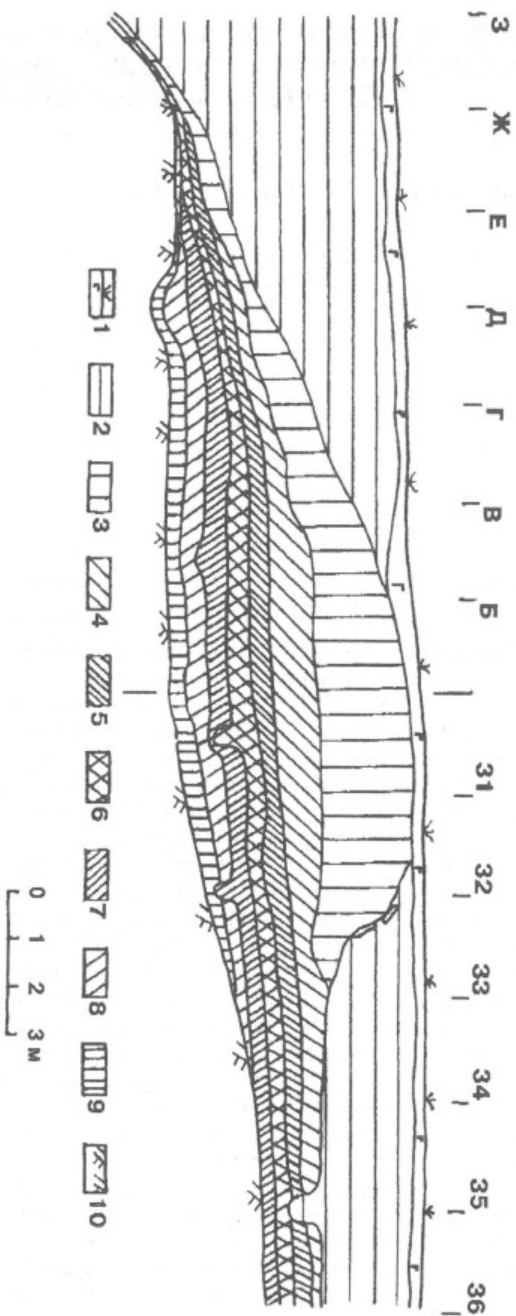

Рис. 2.

Стратиграфия культурных напластований (1-9) раскопа 1 по его восточной и северной стенкам.

Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — глина и переположенный культурный слой; 3 — насыпь вала XVI в. из переположенного культурного слоя IX-XI вв.; 4 — темный гумус с угольками; 5 — темно-серая земля с угольками, колотым камнем, обожженной глиной; 6 — черный гумус с угольками; 7 — коричневый гумус с остатками щепы и включениями навоза; 8 — черно-коричневая земля со щепой, корой, навозом; 9 — темно-серый глинистый гумус с мелкими угольками; 10 — материковая зеленая глина. Напластования 1-9 соответствуют номерам выделенных стратиграфических горизонтов.

слою Д по стратиграфии В.И.Равдоникаса. Непотревоженный четвертый по счету слой открылся на глубине 2,5-2,7 м., он залегал непосредственно под основанием упомянутого выше вала и состоял из уплотненного темного гумуса с угольками и местами с прослойками песка. Каких-либо строительных остатков в нем не сохранилось. Пятый слой обнаружен на глубине 2,7-3,4 м¹, как и все напластования в раскопе 1, залегал чуть наклонно. Он состоял из темно-серого гумуса с включениями небольших локально расположенных слоев и прослоек песка, колотого камня, обожженной глины и угля. Найденные здесь остатки деревянных сооружений составляют строительный горизонт 5. Шестой слой характеризует черный мажущийся гумус с примесью мелких угольков. С ним также связаны строительные остатки, отделенные от нижележащего слоя семь тонким слоем темного, но коричневатого от ислевшего дерева гумуса. В этом последнем гораздо больше щепы и появляются включения навоза, что придает ему темно-коричневый оттенок.

Восьмой слой, выявленный только в северной половине раскопа 1, имеет уже определенно выраженный темно-коричневый цвет, хотя в нем местами и наблюдаются отдельные черные гумусные и углистые прослойки различной мощности. Нижние же части этого слоя еще светлее и состоят почти исключительно из спрессованной щепы, коры и навоза, характеризующихся к тому же мелкой слоистостью и элементами торфообразования. Открытый на отметках 3,8-4,25 м восьмой слой в средней части раскопа имеет весьма незначительную мощность (0,2 м), которая заметно увеличивается к северной стенке и достигает 0,8 м. Связанные с ним строительные остатки представляют собой довольно многочисленные, различные по толщине столбы и весьма разнообразные, как опирающиеся на некоторые из последних, так и просто положенные на грунт, настилы из бревен, плах и досок. Вполне возможно, что часть открытых наиболее мощных столбов-свай могла поддерживать разного рода хозяйственные и складские сооружения. Во всяком случае, некоторые из стоявших и валявшихся после того как их еще в древности выдернули со своих мест столбы имели шипы, пазы и врубки. К сожалению, системы в расположении столбов, позволившей бы определить размеры и форму связанных с ними построек, установить не удалось.

Девятый слой, так же как и предыдущий, зафиксирован только в северной половине раскопа на глубинах от 3,2 до 4,5 м. Он представлял собой темно-серый, местами почти черный глинистый гумус со значительной примесью мелких углей. Мощность его не превышала 0,15-0,2 м. С этим слоем связан еще один последний из выявленных на раскопе 1 строительных горизонтов, соответствующий слою Е₁ — по стратиграфии В.И.Равдоникаса.

Перейдем к описанию остатков деревянных сооружений, открытых в слоях 3-9 раскопа 1.

В слое 3, который был исследован в 1985 г., обнаружены досчатые основания двух пищальных бойниц раструбного типа, направленных в сторону р.Ладожка. Ширина бойниц в узкой части 0,7-0,8

¹ Отметки глубин взяты от репера, установленного экспедицией В.И.Равдоникаса. У юго-восточного угла раскопа современная дневная поверхность находилась ниже нолевой репера на 24 см., а остальные углы были ниже этой же отметки на 63-125 см.

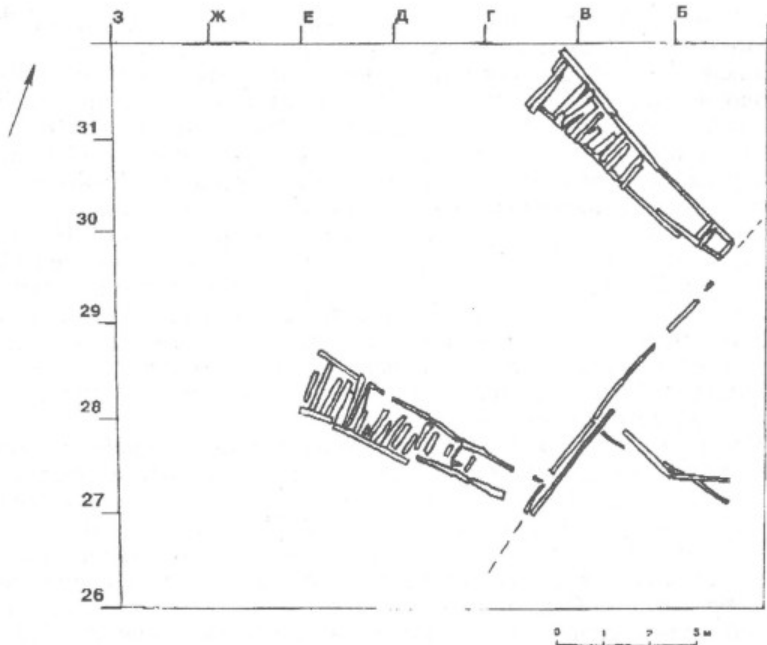

Рис.3.

Части бойниц "Земляного города" 80-х годов XVI в. План. Слой 3.

м, а в широкой 1,3-1,4 м (рис. 3). Сверху бойницы были по-видимому целиком открыты, прорезая бруствер, высота которого, примерно, достигала 1,7 м. Толщина бруствера в основании близка длине бойниц и равнялась 6 м. Описанные бойницы "Земляного города" XVI в. археологически устанавливаются впервые. В начале XVIII в. бруствер с бойницами был засыпан. Новый вал возвели еще выше. Высоту и устройство последнего установить не удалось, так как поверхность насыпи была снивелирована, по-видимому, в позднейшее время.

Остатки деревянных построек, составляющих **строительный горизонт 5**, открыты в 1986 г. в центральной и южной частях раскопа на глубине 2,7-3,1 м. Выявлены части четырех строений (рис.4).

Постройка 1 представляет собой остатки сруба размером примерно 4,5x4,4 м., от которого сохранились бревна южной и восточной стены, а также развал прямоугольной в плане печи-каменки размером 1,1x1,6 м в его юго-восточном углу. Под северную оконечность бревна восточной стены сруба были подложены каменные плиты. Внутри постройки выявлены остатки трех уложенных параллельно восточной стене плах, являющихся лагами пола с шагом 0,6-0,7 м, и следы нескольких плохо сохранившихся досок или жердей его настила. В заполнении постройки на уровне пола найдены части трех точильных брусков, обломок тигля, обломок бронзовой иглы, части стенки стеклянного сосуда, кусок янтаря, кусок рога

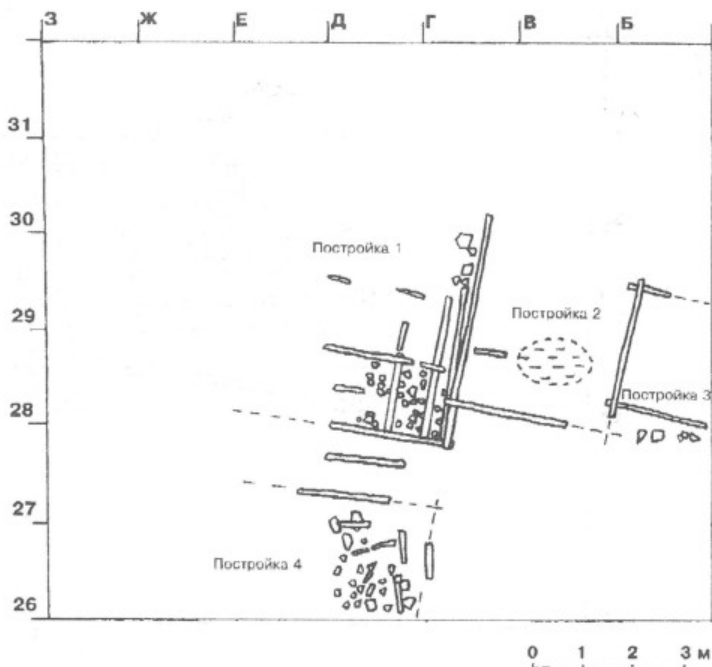

Рис.4.
Постройки 1-4. План. Слой 5.

со следами отпиливания, наконец, пять бусин и два амулета, один из которых был медвежьим клыком с отверстием для подвешивания. Здесь же собрано 343 обломка кружальной керамики, включая 73 венчика, и 4 фрагмента лепных сосудов. К числу наиболее распространенных следует отнести венчики I, III и IX типов (о типологии керамики см. ниже).

Постройка 2 непосредственно примыкала к постройке 1 с востока и скорее всего представляла собой прируб размером 3x3 м, северная стена которого не сохранилась. В средней части его обнаружено пятно необожженной глины вытянутого по оси З-В очертаний размером 1x1,5 м. В заполнении постройки на уровне ее нижних бревен найдены: стеклянная синяя пронизка, кусок необработанного янтаря, миниатюрный глиняный сосудик, несколько железных гвоздей, пластин и неопределенных предметов. Кроме того собрано 178 фрагментов кружальной керамики, из которых 46 венчик в основном I, III и IV типов.

Постройка 3 представляла собой небольшой сруб размером чуть меньше чем 3x3 м, примыкавший с востока к постройке 2 и уходящий частично в восточную же стенку раскопа. В заполнении постройки собраны: обломки стекловидных шлаков, кусок необработанного янтаря, шиферное пряслице, обломок оселка, фрагмент костяной проковки, железная заклепка и два гвоздя, а также около 100 обломков кружальных сосудов и в том числе 14 венчиков, большая часть которых относилась к IX типу.

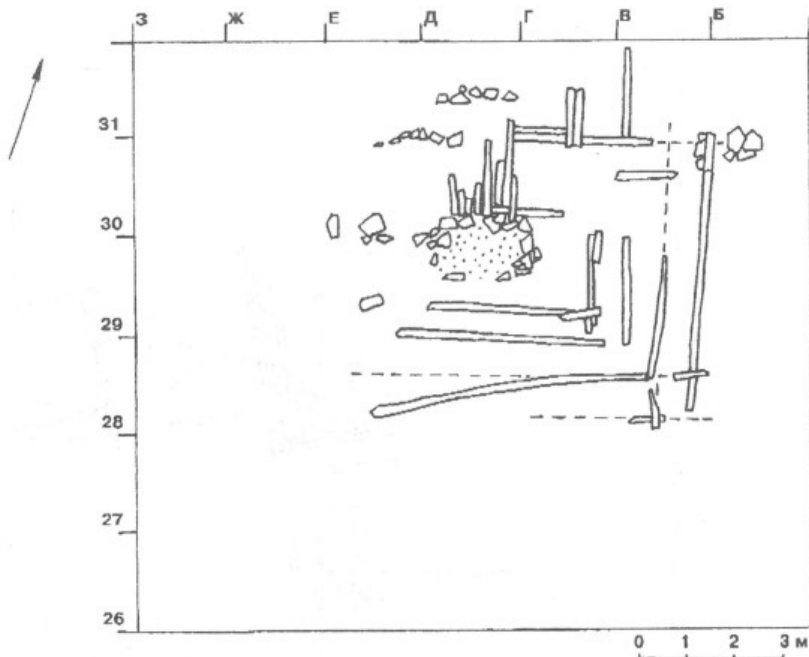

Рис.5.
Постройка 5. План. Слой 6.

Постройка 4 находилась в полутора метрах к югу от постройки 1 и сохранила лишь незначительные остатки бревен северо-восточного угла, в котором был выявлен развал печи-каменки, сходной размером и устройством с отопительным сооружением постройки 1. При зачистке развала печи найдено несколько бусин, костяная стержневидная застежка, кусок стекловидного шлака и два гвоздя, а также собралось до четырех десятков обломков кружальных сосудов, в том числе и десяток венчиков III и IV типов. У северной стены постройки, но вне ее обнаружен обломок железной фибулы с гранчатой головкой, обтянутой желтым металлом. Описанные постройки, вероятно, относятся ко второй половине X — началу XI вв.

Слой 6. Остатки постройки 5 открыты в 1987 г. в центральной части северной половины раскопа на глубине 3,05-3,5 м. Постройка представляла собой довольно большое прямоугольное в плане срубное сооружение. К сожалению выяснить его точные размеры не удалось, так как северо-западная часть постройки не уцелела, а часть сохранившихся окладных бревен были сдвинуты со своих первоначальных мест еще в древности, возможно, при нивелировочных работах. Достаточно уверенно может быть прослежена лишь часть северного бревна длиной 3 м, восточного длиной не менее 5,5 м и южного длиной более 7 м (рис. 5). Прослеженная юго-восточная часть сооружения позволяет считать, что оно принадлежало к ладож-

ским домам, состоящим как бы из двух поставленных один внутри другого срубов. Это подтверждается тем, что в местах предполагаемого расположения углов и стен наружного и внутреннего срубов имеются явно специально уложенные скопления и ряды плит-подкладок. Реконструируемая по этим данным постройка имела наружный сруб размером примерно 6 x 7 м, а внутренний 4 x 5 м. В центральной ее части, ближе к западной стене находился сложенный из плоских плит очаг, размер которого, судя по светлomu с признаками прокаленности пятну песка в его основании, был равен 1,45 x 2,4 м. К отопительному сооружению с севера примыкал сохранившийся частично настил из досок. К востоку от постройки обнаружено несколько бревен, жердей и плах. Некоторые из бревен имели пазы для наборки стен. В ряде мест на дереве прослеживались следы пожара. Одно из бревен со следами обгорелости было в постройке во вторичном использовании, в качестве обкладного, закрепленного кольями. В культурном слое, содержащем остатки описанной постройки найдены: части костяного наборного гребня, застежка со спирально закрученными концами, костяные и шиферные пряслица, бронзовые пуговицы, игральная фишка, игла от фибулы, шиферный диск с прочерченными знаками, а также много бус. Их сопровождали обломки кружальной (60 фрагментов) и лепной (6 фрагментов) керамики. Преобладали венчики сосудов I, II и VII типов.

При зачистке описанного жилища под ним выявлен угол нижележащего срубного сооружения. Его план и размеры в полной мере установить не удалось, поэтому ему и не присвоен особый номер. Здесь обнаружено около 1300 обломков кружальной и 20 лепной посуды. Обращают на себя внимание фрагменты горшков типа X с крупным рельефным жгутовым, зигзагообразным и борозчатым орнаментом по тулову, напоминающим отделку сосудов западнославянского происхождения. Немецкие археологи относят подобные сосуды к группе Вайсдин и датируют их 975-1025 гг. [Kempke 1984: taf.53]. Староладожские образцы (8 экземпляров), отличающиеся некоторым своеобразием, могут несколько удревить принятую в литературе дату. Отметим также сделанные здесь находки железного молоточка, обломка кузнечных клещей, плавильного тигля, кусков янтаря, капель расплавленной бронзы и золота, заготовок бус. Суммарная дата остатков, связанных с горизонтом 6 — середина X века.

Слой 7. Остатки построек слоя исследовались в 1987-1988 гг. в центральной части северной половины раскопа на глубинах от 3,4 до 4,05 м.

Постройка 6 имела прямоугольные несколько вытянутые по оси С-Ю очертания (рис.6). Размеры ее по бревнам внешней обноски, определенно зафиксированной с южной и восточной и северной стороны составляли 4 x 5,5 м. Допустимо также существование более вместительного внешнего сруба, который, возможно, окружал внутренних — с восточной, западной и южной сторон. В центре камеры на подсыпке светлого речного песка толщиной до 10 см. было устроено отопительное сооружение. Оно представляло собой как бы каменный ящик из уложенных прямо на песок и нескольких поставленных вокруг них на ребро крупных известняковых плит (рис.7: А, Б). Отопительное устройство — очаг имело чуть вытянутую по оси З-В форму и размеры 1,2 x 0,7 м. Внутри постройки параллельно очагу и

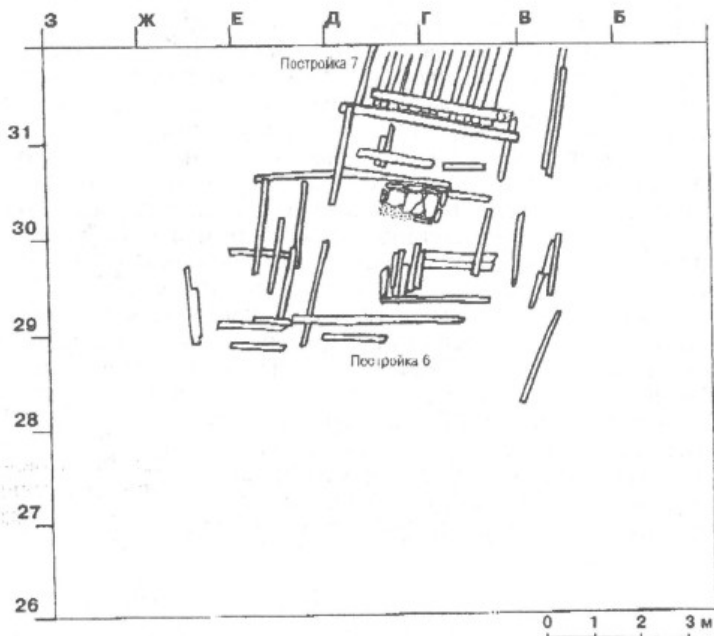

Рис.6.
Постройки 6 и 7. План. Слой 7.

соответственно северной и южной стенам сруба, прослежены остатки двух лаг для настила пола. Отдельные плахи или доски пола обнаружены и в южной части постройки. Восточнее и северо-восточнее постройки зафиксировано много забитых, а также и выдернутых из грунта больших и малых кольев. У западной стены описываемого сооружения был открыт небольшой прируб из бревен и плах, вытянутый по оси С-Ю размером 2 x 1,5 м. При зачистке остатков постройки и, в частности, на ее полу сделано довольно много находок. Среди них один целый и два обломка костяных гребней, втулка костяной наборной рукояти, оселок с отверстием для подвешивания, дисковидное известняковое пряслице, а также множество бусин, среди которых есть сердоликовые, янтарные и глазчатые. Наряду с находками бытового инвентаря в жилище обнаружено несколько обломков рога со следами обработки, костяной конек-лощило, капля оплавленного стекла, кусок бронзовой проволоки со следамиковки и несколько кусочков янтаря. Довольно много обломков янтаря, а также стекловидных шлаков найдено вокруг постройки 6.

Постройка 7 представляла собой небольшое деревянное сооружение, по всей вероятности, квадратной формы размером 3 x 3 м., непосредственно примыкавшее к северной стене постройки 6 (рис. 6). Северная часть сооружения уходила в северную стенку раскопа. Пол постройки был вымощен деревянными плахами, на которых в слое слежавшейся щепы была найдена деревянная "курица" крыши.

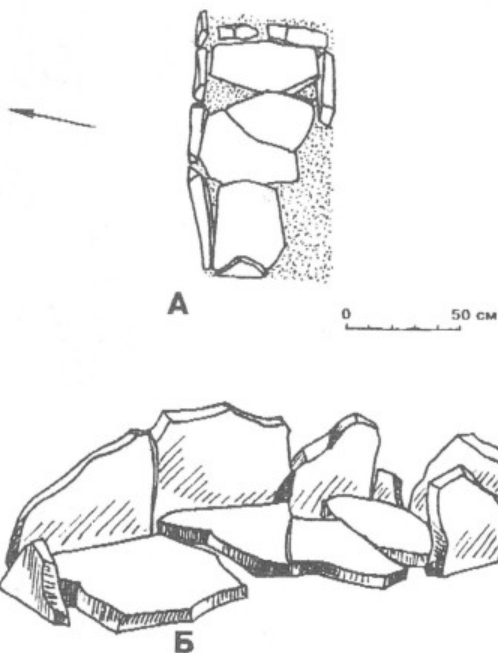

Рис. 7.

Очаг из каменных плит постройки 6. Слой 7. А — план, Б — общий вид.

Здесь же в юго-восточном углу постройки выявлено небольшое скопление колотых, слегка обожженных камней. Для сооружения постройки, во всяком случае ее нижних частей, были использованы в основном уже бывшие в употреблении довольно мощные бревна, которые не связывались друг с другом при помощи врубки, а закреплялись вертикально вбитыми кольями. При зачистке настила был найден кусочек янтаря, две бусины и один обломок днища лепного сосуда.

К западу от описанных построек, на территории прилегающего двора обнаружен развал каменного очага или печи, по-видимому, производственного назначения. Здесь при зачистке найдены: стекловидные шлаки, обломки тигля и льячки, а также более двух десятков кусочков янтаря, костяной гребень и две заготовки-вставки для одностороннего костяного же гребня.

В процессе раскопок участка с постройками 6 и 7 найдено 116 обломков кружальной посуды (преобладали венчики сосудов типов I, VI и VIII) и 236 лепной. Иными словами, лепная керамика составляла 68% всего керамического материала.

На основании дендрохронологического анализа пяти спилов, осуществленном в Лаборатории дендрохронологии ИА РАН Н.Б. Черных слой 6 суммарно датируется 930-950 гг., более уверенно 940 годами (дата образцов между 930 (?) и 950 годами).

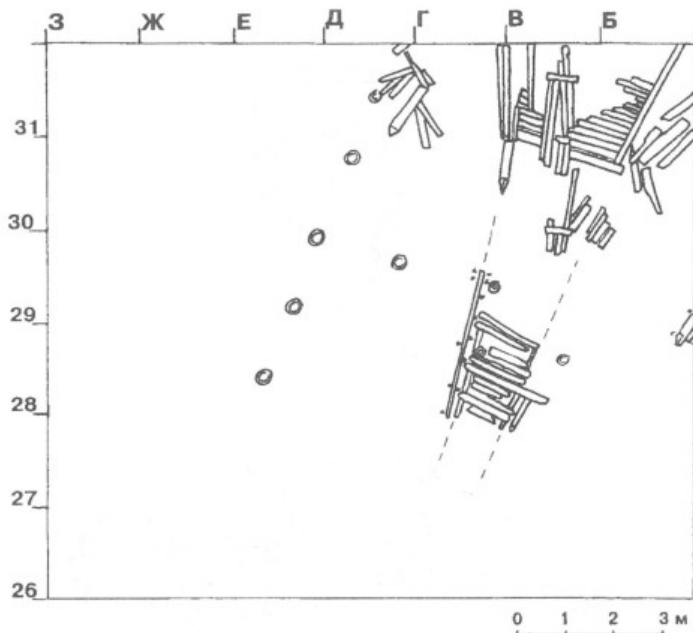

Рис.8.
Остатки настилов. План. Слой 8.

В 1989 г. на раскопе I изучался **восьмой слой**, в котором были обнаружены отдельные столбы, а в восточной его части на глубине 3,3-4,25 м расчищены остатки нескольких (не менее трех) настилов из бревен, досок и плах, уложенных на продольные лаги (рис. 8). Эти сооружения залегали по береговому склону по направлению к р.Ладожке, они сохранились не сплошными, но составляли как бы один продолжение другого. Ширина настилов колеблется от 0,7 до 3,2 м. Бревна одного из настилов несут на себе следы пожара. При зачистке настилов найдены заготовки янтарных бусин, кусочки янтаря, фрагмент тигля, часть сопла плавильного горна и каменная формочка для отливки трапециевидных подвесок. Помимо перечисленных находок в процессе раскопок собрано лепной керамики почти в два раза больше (61 фрагмент), чем кружалной, то есть в этом слое посуда изготовленная от руки определенно преобладала.

По спилам взятым от 8 бревен настилов установлена дата их рубки между 933 (?) и 948 годами¹. Начальное время сооружения настилов, очевидно, 930 годы. Иными словами, они не намного древнее примерной даты отложения предшествующего слоя 7.

Со слоем 8 связаны выявленные в 1989-1990 гг. на глубине 4,1-4,6 м. основания нескольких столбов с подрубками и пазами.

¹ Датировка спилов еще 8 бревен из раскопок 1989 г. — 962-965 годы. Эти спилы, однако, не современны исследуемому слою, а взяты от столбов, оказавшихся вкопанными в него в более позднее время.

Они, возможно, служили для устройства каких-то строений поднятых над землей. К сожалению, о их форме и размерах судить трудно. Мы воздерживаемся определить "пласт со столбами" в качестве самостоятельного строительного горизонта. Точности ради отметим, что при его зачистке найдены обломок тигля, льячки, кусочки янтаря, много целых и несколько бусин-пронизок без внутренних каналов, фрагменты роговых пластин со следами обработки, деревянный стержень с увенчанием в виде человеческой маски и др. Из 54 обломков керамики 36 были изготовлены лепным образом, а 18 кружальным. Среди последних было несколько образцов несших на себе следы подправки на гончарном круге. Судя по 8 спилам, взятым от отдельных бревен и столбов, время их рубки 903-944 гг. Большинство определений укладывается в рамки первых трех десятилетий X в., что в целом определяет время обнаруженных в восьмом слое остатков разнообразных деревянных сооружений.

Остатки построек, связанных с предматериковым **слоем 9**, частично были открыты в 1987-1988 гг. и окончательно доследованы в 1991 г. на всей площади раскопа на глубинах от 3,2 м до 4,5 м (рис. 9) [Кирпичников, Назаренко 1992: 141-145].

Постройка 8 представляла собой врезанную в материковый склон коренного берега р. Ладожки овальной формы яму, размер которой составлял 2,5х3,5 м. (рис. 10). Глубина ямы приближалась к 1 м. Дно ямы было вымощено мелким камнем, поверх которых лежало несколько более крупных камней и куски горелого дерева, прикрытые насыщенным углем черным гумусным слоем мощностью 0,05-0,07 м — скорее всего, остатками рухнувших наземных частей постройки и ее перекрытий. Выше яма была заполнена рыхлым коричневатым слоем, почти исключительно состоявшим из щелы, обломков истлевшего дерева и в целом очень похожего на четвертый из выделенных в стратиграфии раскопа 1 слоев. У западного края ямы на поверхности материка было обнаружено круглое в плане скопление сильно обожженных бульжников и плит средних размеров на площади около 1 м с плавильной камерой диаметром 0,35-0,4 м и соплом или каналом воздухоподачи, направленным внутрь ямы — несомненный горн. При доследовании сооружения 8 в 1991 г. у северного края ямы с железоделательным горном, в более пологой части склона коренного берега р. Ладожки обнаружено еще одно углубление с размерами по оси С-Ю 1,8 м, а по оси З-В 2 м при глубине 0,5 м, с остатками двух столбов для поддержания кровли. В лежащем на дне обеих ям черном гумусном слое найдены обломки двух криц, куски стекловидных шлаков и до десятка обломков лепной керамики. Кроме того, в верхних частях заполнения ямы с железоделательным горном обнаружено три фрагмента тиглей и железное долотце. В целом, сооружение 8, состоящее из горна, предгорновой ямы для мехов и углубления с навесом можно характеризовать как домницу для плавки сыродутного кричного железа.

Постройка 9 обнаружена лежащей непосредственно на материке в восточной части раскопа на глубине 4,0-4,5 м. Она представляла собой остатки сгоревшего срубного двухкамерного жилища с расплосленным в центральной части отапливаемого помещения прямоугольным в плане очагом размером 1,5х1 м., выгнутым по оси С-Ю. Очаг был окружен

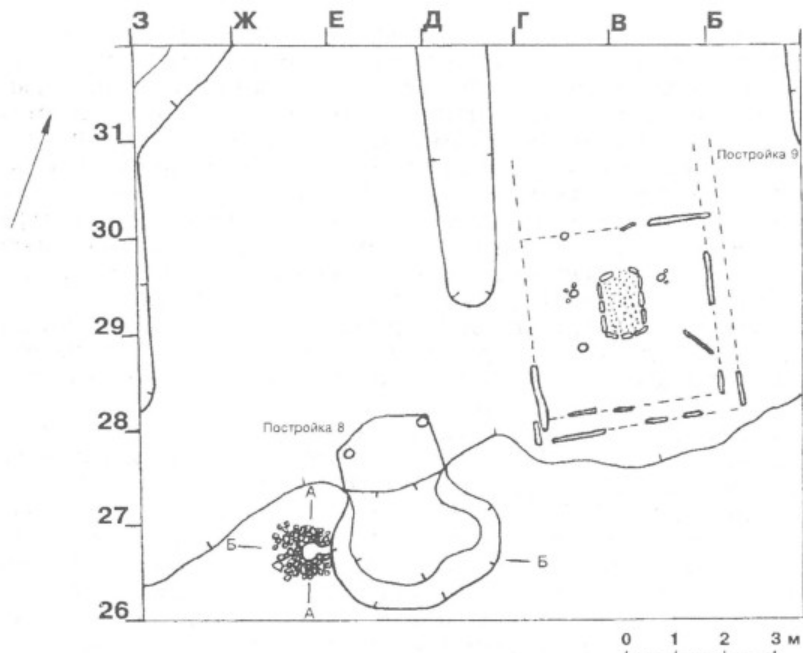

Рис.9.
Постройки 8 и 9. План. Слой 9.

вертикально поставленными каменными плитами. Отапливаемое помещение размером 4,3х4,2 м по крайней мере с двух или трех сторон имело обноску из бревен. Постройку маркировал хорошо утоптаный земляной пол, на котором выявлены следы ямок от нескольких столбов для поддержания кровли, а также кольев. С севера, судя по утоптанности пола за остатками горелого дерева, вероятно, относящегося к северной стене отапливаемого помещения, к нему примыкали холодные сени, размер которых остался неизвестным, так как частей бревен здесь обнаружить не удалось. При зачистке пола постройки найдено лишь несколько фрагментов лепной керамики, да куски треугольной в сечении глиняной обмазки ее бревенчатых стен.

Отметим, что железоделательный комплекс и жилище были разделены канавой шириной до 1,5 м. Еще две такие же канавы обнаружены у восточной и западной стенок раскопа 1. Они тянулись по направлению к реке Ладожке и членили территорию поселения на равные участки — парцеллы шириной около 6 м. В этой части Ладоги парцельное деление городской территории было изначальным, так как ниже залегала материковая глина. По-видимому, первопоселенцам здесь были отведены определенным образом намеренные наделы.

Сооружения 9 слоя носят следы пожара. В одной из разделительных канав найдены обгоревшие черепа погибших ребенка 4-5 лет и женщины 35-40 лет (определение С.Л.Санкиной). Возможно, что какая-то катастрофа постигла этот участок города. Характерно, что

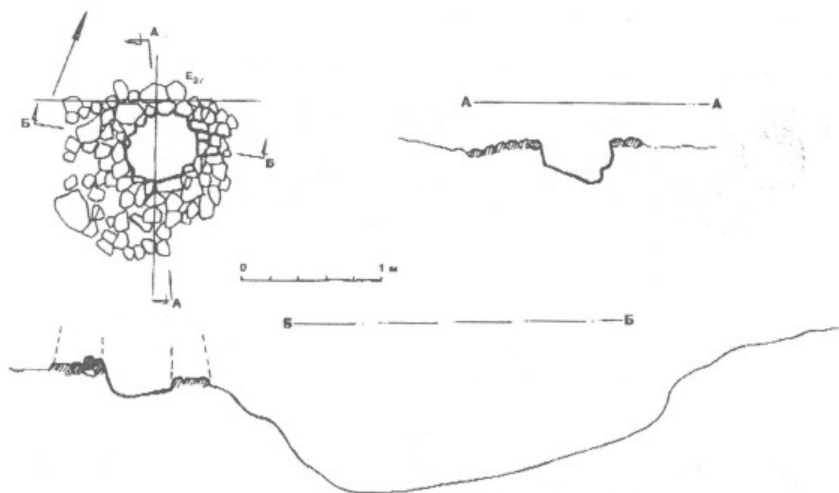

Рис.10.

Горн и предгорновая яма, постройка 8. План и разрезы. Слой 9.

позднее (слой 8) это место было застроено по иному плану, парцельное членение территории, похоже, более не возобновлялось.

Перейдем здесь к находкам глиняных сосудов. Всего в раскопе 1 обнаружено свыше 26000 фрагментов лепной и кружалной керамики¹. Сортировка этой коллекции позволила на основании профиля венчика и оформления их края выполнить типологию (рис.11 и табл. 2).

К типу I отнесены венчики сложной остро профилированной формы с мысообразным в профиле очертанием их края. Большинство украшено, преимущественно, линейным, реже волнистым орнаментом. Тип II составили венчики с наружным утолщением и наклонным срезом обода. Многие орнаментированы многорядными линиями. Тип III включает в себя образцы с косым наружным срезом края, их орнамент аналогичен типам I и II. К типу IV отнесены горловины плавных полудунных в профиле очертаний с закругленными краями. Часть из них имеет узор в виде линии и волны. Тип V выделяется венчиками с грибовидным увенчанием края. Некоторые имеют линейный орнамент. Тип VI составляют плавно изогнутые в сечении образцы с внутренним валиком. Встречен волнистый орнамент. Тип VII отличается наружным утолщением венчика и горизонтальным срезом его верхнего края. На некоторых волнистый орнамент. Тип VIII составили образцы с внутренним наклонным срезом их края. На тулове некоторых косые насечки и полукруги. В IX тип объединены горшки с вытянутым слегка отогнутым горлом и горизонтальным срезом верхнего обода, встречен волнистый и линейный узор. Тип X отличают сосуды с вертикальной горловиной. Узор

¹ За все годы раскопок удалось собрать лишь несколько целых сосудов.

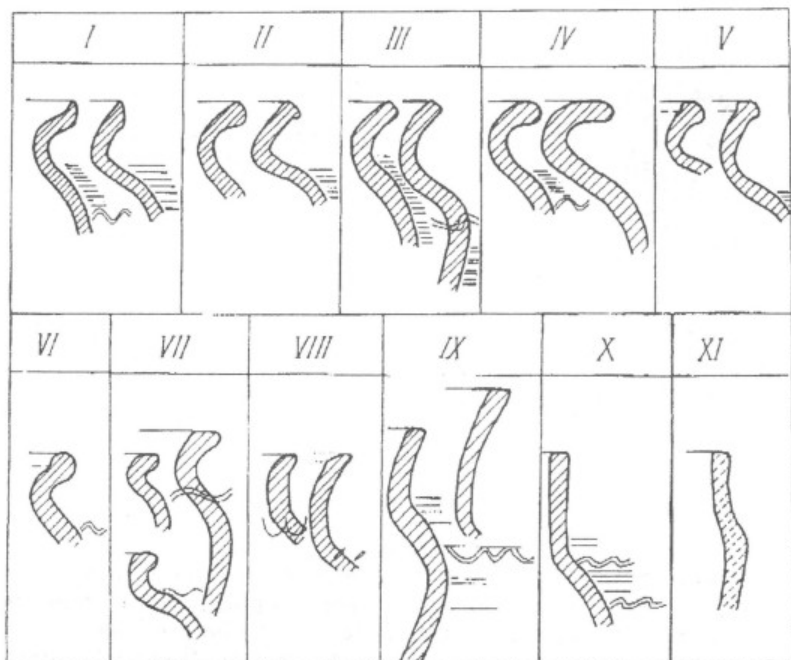

Рис. 11.

Профили венчиков кружальных (I-X) и лепных (XI) сосудов из раскопа 1.
Типологическая схема.

аналогичен типу IX. Типы I-X исчерпывают круговую посуду. Примерно, две трети учтенных образцов имеют украшения наружной поверхности. К XI типу отнесены лепные сосуды с более или менее вертикальным горлом и небольшим, нередко сглаженным ребром в верхней части тулова. Узоры, как правило, отсутствуют; в редких случаях встречены косые штрихи, нанесенные в верхней половине тулова. Добавки в тесто лепной посуды — толченый гранит и кварцевый песок — те же, что и у кружальных горшков. Это подтверждает местную эволюцию техники раннесредневекового гончарства.

Керамические материалы раскопа 1 (табл. 2) демонстрируют важное преобразование производства глиняной посуды: переход от ручной лепки сосудов к ее изготовлению на гончарном круге. Посуда IX в. оказалась сплошь лепной. В напластованиях 7 и 8 лепных форм примерно, в два раза больше, чем кружальных. Некоторые из найденных образцов (типов VI, VIII, X) носят следы подправки на гончарном круге. Соседство гончарных изделий разной выделки, включая и те, что подправлялись на круге показалось характерным для периода первой половины X в. В середине X в. количество лепных изделий резко снижается, а во второй половине упомянутого столетия они практически исчезают, уступая место новым "гончарным" серийным образцам. Добавим при этом, что большая часть форм

ВЕНЧИКИ КРУЖАЛЬНЫХ (ТИПЫ I-X) И ЛЕПНЫХ (XI) СОСУДОВ

Типологическая схема

Тип венчиков сосудов	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	Всего
Слои или строительные горизонты												
4	30	9	14	15	5	4	12	1	5	6	-	101
5	66	13	74	76	28	15	26	15	49	14	18	394
6	72	28	61	84	33	11	58	13	28	16	25	429
7	12	2	2	2	-	4	2	9	3	1	69	104
8	9	3	6	4	2	3	3	3	3	1	61	98
9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	46	46
Итого	189	55	157	181	68	137	99	41	88	38	219	1172

изученной посуды имела общерусское распространение. Обращает внимание как бы внезапное появление всего разнообразия кружальных сосудов в 8 слое в рамках первой трети X в. В дальнейшем все эти изделия продолжали изготавливаться, непрерывно все умножаясь в своем числе. Начиная с середины X в. серийное керамическое производство набирает полную силу, при этом выделяются несколько особо популярных форм (типы I, III, IV, V, VII, IX). Образцы некоторых типов продолжают свое бытование и в XI-XII вв. (например, тип VI).

Подведем итоги всему сказанному.

Хронология всех изученных в раскопе I напластований сопоставима с хронологией культурных слоев Ладоги, изученных в 1938-1958 гг. экспедицией под руководством В.И. Равдоникаса и в 1973-1975 и 1981-1985 гг. исследованных отрядом Староладожской археологической экспедицией под руководством Е.А.Рябина (табл. 1)¹.

Таким образом, в раскопе I отчетливо прослежены не менее девяти самостоятельных периодов строительной деятельности ладожан в период второй половины IX — начала XI вв. В стратиграфическом отношении культурные напластования последовательно сменяют друг друга. Каких-либо длительных перерывов жизни в данном месте Земляного городища не замечается. Следы пожаров обнаружены практически во всех слоях, после этих бедствий территория полностью или частично вновь застраивалась. Наибольшие измене-

¹ При подсчетах учтены обломки венчиков сосудов, найденных не в комплексах построек, а в тех или иных напластованиях в целом.

ния преемственности застройки имели место в период смены строительных горизонтов 5 и 6 и в период существования слоя 8 (по сравнению со слоями 7 и 9). Здесь можно допустить определенное нарушение постепенности развития и перепланировку данного участка с изменением архитектурных приемов застройки или функции участка.

Всего в напластованиях раскопа 1 выявлено не менее девяти построек. Почти все они, а именно 8, относились к наземным срубным постройкам, при сооружении отдельных частей которых, таких как галереи, могла быть использована другая, в частности, наборная техника. Судя по остаткам связанных со слоем 8 столбов со следами пазов и подрубок среди построек, вероятно, хозяйственного назначения, были поднятые на столбах или сваях. Их устройство, к сожалению, определить не удалось.

По своей конструкции открытые наземные жилища распределяются на два основных типа: избы с печью-каменкой в углу (постройки 1 и 4) и срубные дома с обкладками подсыпанного основания или с галереями и центральным прямоугольным очагом (постройки 5, 6, 9).

Избы составляли по площади около 20 кв. м. Печь, помещавшаяся в одном из углов, в плане имела прямоугольные очертания и, по-видимому, была обрамлена опечком. Избы возводились в Ладоге с самого начала ее существования [Носов 1977:10-17]. По данным проведенных нами раскопок избы становятся характерными для Ладоги со второй половины X в., что возможно связано с их преобладанием в домостроительстве именно с этого времени. Подобная срубная конструкция применялась и для устройства нежилых помещений (постройки 2 и 7). Элементом характеризующим устройство открытых в раскопе 1 срубных построек, явилась находка в постройке 7 "курицы". указывающей на перекрытие сооружения, скорее всего, двускатной крыши "на самцах". Что касается вопроса о происхождении ладожских изб, то небесполезно отметить, что у славян лесной полосы Восточной Европы они отчетливо фиксируются с VI в. и достались им как наследие более ранних эпох.

Обычным для ладожских слоев IX — первой половины X вв. оказался дом с обносной галереей и прямоугольным очагом в отопляемом помещении. Площадь таких жилищ достигала по данным исследованного раскопа 20 кв. м, а с галереей 30 и более квадратных метров. Некоторые из таких построек имели боковой прируб и вплотную примыкали к смежным помещениям (постройка 6). Галерейная обноска основного внутреннего сруба могла состоять из бревен или быть наборной. Окладные бревна наружного сруба не всегда были основанием галереи, а могли укреплять и утеплять низ дома. В таких случаях постройка возводилась на специальной подсыпке, что, впрочем, среди однокамерных жилищ, обнаруженных в раскопе 1, не встречено. Подсыпку имела только постройка 9. Характерным для построек данного типа оказался очаг прямоугольной формы в центре покоя. Дно очага подсыпалось песком, на который иногда укладывались плиты. Такие же плиты, поставленные вертикально, обрамляли очаг. Длина подобных отопительных устройств достигала 2,4 м, ширина 1,45 м. (постройка 5).

Разновидностью описанных жилищ были двухкамерные, состоящие из отопляемого помещения и холодного отсека для входа.

Такой оказалась большей частью исследованная постройка 9, имевшая столбы для подпорки кровли. Эта постройка, как упоминалось, имела бревна внешней обкладки, служившей, скорее всего для укрепления склонов гидроизоляционной или осушительной подсыпки. Всего в Ладоге в слоях VIII-X вв. (включая и описанные раскопки) открыто 10 построек этого типа. [Кирпичников 1985: 6-217]. Они являлись предшественниками изб-пятистенков русского средневековья и нового времени. Происхождение срубного двухкамерного дома с прямоугольным очагом не выяснено. В Скандинавии такие постройки, отмечаются, начиная с XII в. Недавние раскопки в Тронхейме в Норвегии удревели появление домов этого типа на севере Европы еще не менее чем на столетие. Отметим также, что использование прямоугольных очагов указывает также на северную Европу. Однако, появился ли галерейный двухкамерный дом в Ладоге обязательно из Скандинавии утверждать пока не беремся. Господствующим типом жилища у скандинавов долгое время был "длинный дом", заметно отличавшийся от описанных нами построек.

При том, что домостроительные традиции достаточно устойчивы и этнически нейтральны, следует отметить на ладожских примерах необычные сочетания разнородных элементов и деталей. Так срубная техника здесь сочеталась с наборной, а бесстолпное внутреннее пространство домов осложнялось иногда наличием столбов-колонн для поддержки кровли. Угловые печи-каменки уживались с расположенными в центре прямоугольными очагами. Все это признаки сложного смешения различных по происхождению особенностей домостроительства, одни из которых возможно были местными, другие привнесенными извне, международная по составу культура ранней Ладоги по-своему проявилась и в этой сфере деятельности ее жителей.

Судя по хронологической последовательности открытых в раскопе I деревянных сооружений избы с угловой печью в середине X в. сменяют дома с центральными очагами. Конечно, этот процесс был не одноактным и сложным. При всем этом одна особенность, присутствующая разновременным строениям, оставалась постоянной. Почти во всех постройках и их ближайшем окружении оказались изделия, указывающие на производственные занятия обитателей этих сооружений. Показателен в этом отношении упоминавшийся выше комплекс построек на парцеллах, обнаруженных в слое 9. Здесь на одном участке находился двухкамерный дом, а на соседнем — домница, где выплавлялось кричное железо. Возможно, что оба эти сооружения принадлежали одному владельцу, занимавшемуся не только ремеслом, но и владевшему лодками (для их хранения служили каналы), очевидно, для вывоза готовой продукции водным путем.

В самих жилых постройках с обязательным постоянством встречались тигли, льячки, иногда ремесленные инструменты, а также куски янтаря, заготовки из кости, обломки бронзы, полуобработанные бусы, капли стекла и броизы, литейная формочка и т.д. Совершенно очевидно, что владельцы этих построек занимались ювелирным и отделочным ремеслом. Можно думать, что эти дома служили жильем и одновременно мастерскими, в которых ремесленники-профессионалы изготавливали разнообразные украшения. По-видимому, комплексная многоассортиментная ювелирная индустрия составляла одну из основных (если не

главную) сфер деятельности ладожан, как в IX, так и в X в. Судя по всему, в Ладоге существовал устойчивый процветающий рынок, связанный с бронзолитейным, стеклодельным, костерезным делом. Изготовленные в Ладоге изделия такие как бусы, застёжки, браслеты, подвески, гребни, возможно, распространялись не только в самом городе, но и продавались и обменивались в чудские и более далекие районы, а также находили сбыт в заморской дальней торговле.

В культурно-историческом отношении ладожские обитатели, судя по их домостроительству и материальной культуре, представленных строительными остатками и вещами, найденными в раскопе I, выступают достаточно единым, социально уравненным, хотя, допустимо, этнически разнородным коллективом. Эта особенность объясняется активными международными торговыми, ремесленными и политическими связями Ладоги с евразийским миром.

КИРПИЧНИКОВ, А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 3-26. Л.

КИРПИЧНИКОВ, А.Н., В.А. НАЗАРЕНКО. 1992. Археологические открытия в Старой Ладоге. Черты сходства средневековых городов региона Балтики // Археологические вести I: 141-151. СПб.

НОСОВ, Е.Н. 1977. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // КСИА 150: 10-17.

РАВДОНИКАС, В.И. 1949. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938-19477 гг.) // Советская археология XI: 5-54.

РЯБИННИН, Е.А., Н.Б. ЧЕРНЫХ. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология I: 72-100.

КЕМРКЕ, Т. 1984. Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien II. Die Keramik des 8.-12. Jahrhundert. Neumünster.

ЮЖНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ РЕГИОНЫ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Обширная низменность, расположенная на южных и юго-восточных берегах Ладожского озера, издавна привлекала внимание археологов. Исследователи неоднократно отмечали как яркость материальной культуры этого региона, так и соответствие его географических границ территории распространения своеобразных археологических памятников. Северо-западной границей региона является берег Ладоги. С юга, юго-востока и востока низменность ограничивают Вепсовская возвышенность и Тихвинская гряда, являющиеся водоразделом между бассейнами Балтийского и Каспийского морей. С запада и юго-запада естественной границей можно считать заболоченную низину, простирающуюся от побережья Ладожского озера до южных отрогов Тихвинской гряды. Наименее выражена северная граница, которая, по всей вероятности, связана с различиями в природных ландшафтах Юго-Восточного Приладожья и Ладожско-Онежского межозерья.

В этом обширном регионе исследователи традиционно выделяли две части [Спицин, 1895:153]. На западе расположены археологические памятники Нижнего Поволжья, среди которых уникальное Староладожское поселение и его "поселения-спутники", а также грандиозные погребальные сооружения — сопки. Восточную часть региона, получившую в литературе название "Юго-Восточное Приладожье" и отделенную от Нижнего Поволжья болотистым междуречьем Сяси и Волхова, составляют бассейны рек, впадающих с востока и юго-востока в Ладожское озеро. Археологические памятники здесь, в отличие от ладожской округи, в подавляющем большинстве представлены погребальными древностями.

Особенностью размещения памятников в Юго-Восточном Приладожье является их концентрация на западных окраинах региона. Как правило, памятники тяготеют к берегам основных водных артерий Приладожской низменности. Во многом это объясняется своеобразием природы района, когда пригодные для жизни человека места достаточно немногочисленны и существуют, в основном, вблизи крупных рек. Принципы построения могильников различны, и ни один не преобладает. Самыми распространенными являются могильники, состоящие из 1-6 погребальных сооружений. Внутреннее устройство почти половины курганов характеризуется наличием очагов и ритуальных огневищ. В подавляющем большинстве случаев очаги находились рядом с погребением. Погребения очень разнообразны, но чаще встречается помещение захоронения в разных нецентральных частях насыпи. Мужские и женские погребения нередко совершены совместно, иногда сопровождаются захоронениями черепов [Назаренко, 1983:112-113].

Выделение в Южном Приладожье двух самостоятельных частей привело к сложению и двух различных подходов в понимании места и роли Юго-Восточного Приладожья в культурной истории южного Приладожья и Северо-Запада Руси. С одной стороны, эта огромная территория представляется исследователям как единый политический организм — "Ладожская земля" с центром в Старой Ладогe [Кирпичников, 1988:76-79]. В свою очередь, Ладога сыграла роль посредника в торговых операциях между приладожским населением и западноевропейским миром [Назаренко, 1979:106-114; 1982:142-146; Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986:196-197; Лебедев, 1985:216]. С другой стороны, Юго-Восточное Приладожье расценивается учеными как достаточно изолированный район, а его связи с Нижним Поволжьем вряд ли выходили за рамки межрегиональных связей. Включение его в общерусские и общеевропейские культурно-исторические процессы, в этом случае, следует отнести к достаточно позднему времени и признать ведущими процессы славянской оккультурации края [Голубева, 1987:63-64; Кочуркина, 1973:56-80; 1989:291-293].

И в первом, и во втором случаях Юго-Восточное Приладожье рассматривается исследователями как некое монолитное в этническом, экономическом, историческом и культурном плане образование. Вместе с тем, вопросы о культурной неоднородности древнего общества Приладожья поставлены довольно давно. Взгляд на общество Юго-Восточного Приладожья, как имеющее весьма сложную структуру, был продемонстрирован в серии работ В.А.Назаренко [Назаренко, 1972:39-40; 1979:106-115; 1979a:152-156; 1980:261-276; 1983:142-147]. В качестве основных признаков Приладожских курганов В.А.Назаренко предложил считать присутствие в насыпи очагов и ритуальных огневищ; расположение погребения в центре сооружения или разделение кургана на мужскую и женскую половины; расположение предметов в захоронениях в соответствии с определенными принципами, независимо от положения остатков умерших и состава инвентаря, а также выделение по их положению предметов без следов пребывания на погребальном костре [Назаренко, 1983:113-117].

При выяснении этнической принадлежности памятников, В.А. Назаренко, в первую очередь, основывался на изучении погребальной обрядности, ее развития и ретроспекции основных тенденций этого развития в докурганный период. На основании созданной типологии он делает вывод о наличии здесь двух регионов — Южного и Восточного, которым соответствуют две, различные в этно-культурном отношении, финских группировки [Назаренко, 1979a:154]. В.А.Назаренко относит памятники Восточного Приладожья к древнему финскому населению, на основе которого в XII-XIV вв. сложилась карельская народность и, в частности, одна из ее диалектных групп, и ныне живущая здесь — карелы-ливвики. Различия в погребальной обрядности, с точки зрения В.А.Назаренко, не позволяют считать жителей Южного Приладожья идентичными в этно-культурном отношении жителям Восточного Приладожья. Но принадлежность жителей Южного Приладожья к прибалтийско-финской языковой группе, доказанная лингвистами, не вызывает сомнений. Отсутствие в письменных источниках прямых указаний на имя обитателей Южного Приладожья не дает возможности определенно ре-

шить вопрос об этническом названии этого населения. В.А.Назаренко предлагает условно называть жителей этого района: "Приладожская Чудь" [Назаренко, 1983:155-156].

При анализе характеристик погребальных памятников в различных частях региона В.А.Назаренко применяет весьма традиционный прием для исследователей Юго-Восточного Приладожья. Для определения масштабов сходства и различия погребальных памятников он анализирует их характеристики, разделив всю территорию на ряд районов, границы которых совпадают с бассейнами крупнейших рек Юго-Восточного Приладожья — Паши, Ояти и Сяси.

По его мнению, в нижнем течении р. Паши, то есть в одном из мест, где плотность размещения памятников наиболее велика, курганы, как правило, составляют небольшие могильники из нескольких отдельно стоящих или вытянутых цепью круглых курганов, чаще всего средних размеров. Внутреннее устройство больших погребальных сооружений характеризуется наличием очага как на подсыпке гравия, так и без нее, расположенных обычно в центре кургана близ основания. На очаге нередко находятся железный очажный инвентарь, а также глиняная и деревянная посуда. Находки ритуальных огневищ рядом с захоронением или над ними единичны. В памятниках рассматриваемого региона определенно преобладает помещение останков умерших мужчин в восточной, а женщин в западной половинах кургана. Вместе с тем, известны также случаи расположения погребений в различных частях насыпи и ее основания, но рядом на одном уровне. Одиночные захоронения в центре немногочисленны. Подкурганые ямы почти полностью отсутствуют. На Паше, как повсюду в Приладожье, представлены оба способа погребения, но насыпи с сожжением встречаются значительно чаще, чем в других районах. В положении останков умерших, а также в составе и размещении инвентаря существенные особенности не наблюдаются. Впрочем, следует отметить, что только в памятниках Паши обнаружены все, в том числе и редкие в Приладожье, виды ориентации погребенных, а также то, что с населением западных окраин ареала Юго-Восточного Приладожья, а именно к ним относится погребальные сооружения этого района, преимущественно связаны находки захоронений, в которых положение предметов вооружения, покроя и аксессуаров женской одежды имеют безусловное скандинавское происхождение [Назаренко, 1983:116-117].

Второй выделяемый В.А.Назаренко регион, а именно бассейн реки Ояти, по его мнению, характеризуется могильниками среднего, реже большого размера. Погребальные насыпи в них вытянуты в цепочку или скучены на небольшом участке. Курганы с сожжением представляют собой, как правило, низкие, расплывчатые, а в ряде случаев едва заметные насыпи с четырехугольным основанием. Свообразные формы оятских памятников, проявляясь то в большей, то в меньшей степени, сохраняются на протяжении всего периода существования Приладожской курганной культуры. Внутреннее устройство погребального сооружения в низовьях Ояти характеризуется, наряду с очагами, расположенными в центре близ основания, иногда на подсыпке гравия, появлением огневищ, причем рядом с останками не только ингумации, но и кремации умерших. Обычное для насыпей Приладожья деление на мужскую — восточную и женскую —

западную половины уже в курганах с сожжением, а еще заметнее в насыпях с труположением, теряет устойчивость. В то же время в последних значительно увеличивается количество захоронений, помещенных в центральной части погребального сооружения, а также в подкурганные могильные ямы. Далее к востоку, в среднем течении Ояты, а равным образом севернее, на территории, прилегающей к восточному берегу Ладожского озера, памятники при неуклонном уменьшении плотности их размещения все в большей степени утрачивают сходство с курганами западных ареалов Приладожской курганной культуры. Наряду с круглыми и четырехугольными появляются насыпи вытянутой формы и просто неправильных очертаний. Их характеризует присутствие всевозможных каменных конструкций, а также деревянных срубов. Значительно реже встречаются очаги. Подсыпки гравия под ними исчезают полностью. Широкое распространение получает обычай устраивать ритуальные огневища рядом или над погребением. Разделение кургана на мужскую и женскую половины прослежено в единичных случаях. Подавляющее большинство захоронений расположено без видимой системы, в разных, в том числе центральных частях погребального сооружения, нередко в могильных ямах. Находки останков умерших, лежащих рядом, два мужских, либо два женских, либо парных захоронений мужчин и женщин, помещаются обычно в сруб или могильную яму. Несколько чаще встречаются погребения мужчин и женщин, расположенные одно над другим, причем женские захоронения, как правило, оказываются верхними. Из числа редко встреченных в Приладожье ориентировок погребенных в памятниках рассматриваемого региона присутствуют только восточная. Наконец, если наборы предметов, указывающие на скандинавский характер костюма женщин, в курганах нижнего течения Ояты обнаружены немногим реже, чем на Паше, то элементы норманской погребальной обрядности, в частности особенности положения оружия, неизвестны здесь вовсе. Восточнее присутствие в инвентаре даже единичных вещей северного происхождения становится исключительным явлением [Назаренко, 1983:118-119].

На юге, в среднем и верхнем течении Паши, а также на Сяси и Тихвинке В.А.Назаренко выделяет третий регион. Курганы в этом районе, по его мнению, при сравнении их с погребальными сооружениями нижнего течения Паши обнаруживают значительное, но все же меньшее своеобразие, чем памятники Ояты и восточного побережья Ладожского озера. Расположенные здесь могильники обычно состоят либо из нескольких отдельно стоящих, либо из 2-3 десятков скученных курганов, чаще всего среднего и большого размера, возведенных на основаниях правильной круглой формы. На южных окраинах ареала приладожской курганной культуры встречены насыпи огромной величины. Особенностью их конструкции, свойственной в равной мере известным здесь же самым маленьким курганам, является наличие в основании кольцевых каменных кладок. В большинстве погребальных сооружений присутствуют обычно огневища или очаги. В ряде случаев, впрочем, сравнительно редких, последние имеют подсыпку гравия. Для очагов характерны находки железного очажного инвентаря, а также глиняной и деревянной посуды. Погребения по обряду кремации характеризуются помещением сожженных

костей мужчин и женщин на одном уровне как рядом в разных, в том числе и центральной, так и в противоположных, обычно восточной и западной частях курганов. С заменой кремации ингумацией обычно разделения погребальных сооружений на мужскую и женскую половины либо постепенно забывается, либо, если и сохраняется, то в несколько измененном виде. В последнем случае в кургане, как правило, обнаружены останки мужчины и двух женщин. Одна лежит рядом с мужчиной в восточной, другая отдельно от них в западной половине насыпи. Значительно чаще среди курганов с труположением встречаются курганы с парными захоронениями мужчин и женщин рядом в разных, в том числе и центральных, частях насыпи, а также с аналогичным расположением одиночных погребений, среди которых могут быть помещенные в могильные ямы. Из редких в Приладожье ориентировок умерших с памятниками южных районов связывается исключительно северная. В инвентаре женских захоронений довольно часто имеются наборы вещей, свидетельствующие о скандинавском происхождении костюма погребенной. Наконец, в числе особенностей погребального обряда имеются определенные черты, указывающие на присутствие выходцев из Скандинавии [Назаренко, 1983:119-121].

Подобное, безусловно оправданное, выделение регионов, проводит-ся В.А. Назаренко суммарно, на основании признаков всех комплексов, вне зависимости от датировки каждого отдельного погребения. Этот подход, хоть и позволяет раскрыть весьма сложный характер приладожского общества и указать на его многокомпонентность, не дает возможности проследить динамику протекавших процессов. Очевидно, что такое исследование могло быть проведено исключительно на основании весьма точной хронологии древностей, которой В.А. Назаренко не располагал. Тем не менее, даже суммарное описание погребальных комплексов указывает на определенную неоднородность выделяемых регионов, как например внутренние различия памятников бассейна реки Оять. С другой стороны, указание на определенное, часто весьма значительное, сходство памятников разных частей Приладожья, как например памятников бассейна Сяси и памятников средней Паши, может предполагать и изменение границ какого-либо из регионов с течением времени. Таким образом, насущной проблемой становится более детальный анализ территориальных различий Приладожских курганов и изучение взаимодействия групп памятников в каждый период времени.

Выделение регионов не может предполагать только определение географических границ групп концентрации памятников в каждый отдельный период времени. Недостаточность подобного подхода в отношении погребальных комплексов Юго-Восточного Приладожья становится очевидной, если учитывать такую характерную природную особенность региона, как весьма ограниченное количество земель, пригодных для жизни человека. Как уже упоминалось, курганы в Юго-Восточном Приладожье концентрируются вдоль рек, что сильно ограничивало возможность расширения территории, занимаемой различными группами памятников, и способствовало образованию районов с разнохарактерными комплексами. Работа по выделению контактных зон и необходимость отличать их от вновь образующихся групп комплексов требует подробного рассмотрения обрядовых характеристик погребальных сооружений.

Типология погребального обряда Приладожских курганов была разработана в диссертации В.А. Назаренко [Назаренко, 1983:119-121]. В своей работе В.А. Назаренко предпринял исследование по реконструкции древних погребальных ритуалов. Варьирование этого гипотетического набора действий при погребении умершего в каждом отдельном случае автором исследования подробно не рассматривалось [Назаренко, 1983:рис. 38-39]. Вместе с тем, в течение длительного времени происходило тесное взаимодействие и взаимовлияние различных ритуалов [Назаренко, 1983:159-161]. Это отразилось в появлении значительного количества комплексов, сочетающих различные элементы. Таким образом, отнесение конкретных погребений к группам обряда, предложенным В.А. Назаренко, сводится к определению весомости каждого элемента в типологической схеме. Поэтому предлагаемое нами разделение является только одним из возможных, и используемые в настоящей работе типы погребального обряда, хотя и имеют ту же структуру и те же обозначения, что и в работе В.А. Назаренко, по существу, являются новым взглядом на типологию. Однако, выделение типов комплексов производилось исключительно на основе признаков, используемых В.А. Назаренко. Основное отличие предлагаемой нами схемы заключается в том, что типология В.А. Назаренко раскрывает наиболее общие и стабильные различия в традициях совершения захоронений и на основе этого показывает этническую неоднородность древнего общества Юго-Восточного Приладожья, а предлагаемая нами ставит своей целью изучение взаимодействия во времени носителей этих традиций. Для этой работы нами использовано только 417 погребений, что объясняется как невозможностью датировать некоторые погребения, так и существованием погребений, информация о которых недостаточна для отнесения их к определенному типу погребального обряда.

Появление в Юго-Востоке Приладожье погребальных памятников, характеризующихся размещением останков кремированных в стороне от места захоронения покойников под относительно невысокими курганными насыпями в сопровождении значительного количества вещей относится к 860-м гг. [Богуславский, 1991]. По мнению В.А. Назаренко, большая часть археологически улавливаемых элементов обрядов, присутствующих уже в наиболее ранних могильных насыпях, не появляется внезапно и не является привнесенной извне, а восходит к докурганам памятникам местного населения [Назаренко, 1982:144]. С момента появления первых приладожских курганов их погребальную обрядность, по мнению В.А. Назаренко, составляют два типа обряда [Назаренко, 1982:151]. Один из них представлен курганами, разделенными на мужскую и женскую половины. Этот тип обряда восходит к памятникам докурганного периода — "домикам мертвых" — наземным, квадратным в плане, дерево-земляным сооружениям с очагом в центре и мужскими и женскими захоронениями по разные стороны от него. Курганы, характеризующиеся обрядом второго типа, не разделяются на мужскую и женскую части, а останки мужчин и женщин располагаются рядом. По мнению В.А. Назаренко, это является результатом влияния населения, соорудившего сопки и грунтовые погребения [Назаренко, 1982:144-147]. Вместе с

тем, внутри этих ведущих групп автор типологии считает возможным выделить шесть более мелких:

Группа обрядов I-1 по В.А.Назаренко, в первую очередь, характеризуется расположением очагов и огневищ ниже захоронений и разделением погребального сооружения на мужскую и женскую половины. Погребения, имеющие эти признаки, видимо, составляют генетическую часть обрядов собственно первого типа и его, отчасти самостоятельного в своем развитии, варианта [Назаренко, 1983:142-143].

Группа обрядов I-2 по В.А.Назаренко характеризуется разделением погребального сооружения на мужскую и женскую половины, устройством очага на гравии в центральной части сооружения [Назаренко, 1983:140-142].

Группа обрядов I-3 по В.А.Назаренко характеризуется разделением погребального сооружения на мужскую и женскую половины и расположением очага или огневища на одном уровне с захоронениями. Эта группа несомненно генетически связана с группой обряда I-2 [Назаренко, 1983:142-143].

Группа обрядов II-4 по В.А.Назаренко характеризуется помещением останков умерших в срубы. Традиции расположения этого срубного сооружения достаточно разнообразны и связаны с помещением его или на основании кургана, или в могильной яме. Важной характеристикой этой группы погребальных ритуалов является то, что именно с ней связаны признаки изначально чуждой приладожским обитателям христианской традиции — погребение умерших в могильных ямах и ориентировка погребенных головой на запад [Назаренко, 1983:145-148].

Группа обрядов II-5 по В.А.Назаренко характеризуется помещением останков умерших рядом, в одном месте погребального сооружения и на одном уровне. Огневище в этом случае расположено на одном уровне, реже ниже уровня погребения.

Группа обрядов II-6 по В.А.Назаренко характеризуется неразделенностью сооружения на мужскую и женскую половины и устройством огневищ близ захоронений, как правило, в насыпи выше них [Назаренко, 1983:144-146].

Мы попытались проанализировать распространение погребальных памятников различных групп обряда на территории Юго-Восточного Приладожья в различные периоды времени. В качестве датировки нами взяты семь хронологических периодов [Богуславский, 1991]. Основой для выделения региона мы считали компактное существование синхронных и однотипных с точки зрения обряда памятников (рис. 1). Безусловно, в этом случае остается некоторое количество одиночных комплексов, оказавшихся на значительном расстоянии от основного места расположения аналогичных памятников. Однако, на наш взгляд, подобного рода исключения характеризуют скорее не границы отдельных регионов, а характер и масштабы взаимодействия носителей различных погребальных традиций. Также вполне намеренно мы оставляем за рамками настоящей работы погребения типа II-4, которые ни в один период времени не составляют сколько-нибудь компактной группы (рис. 1). Кроме того, как уже упоминалось, именно они наиболее близки "древнерусским" курганам. Сам по себе факт их появления одновременно в разных частях Юго-Восточного

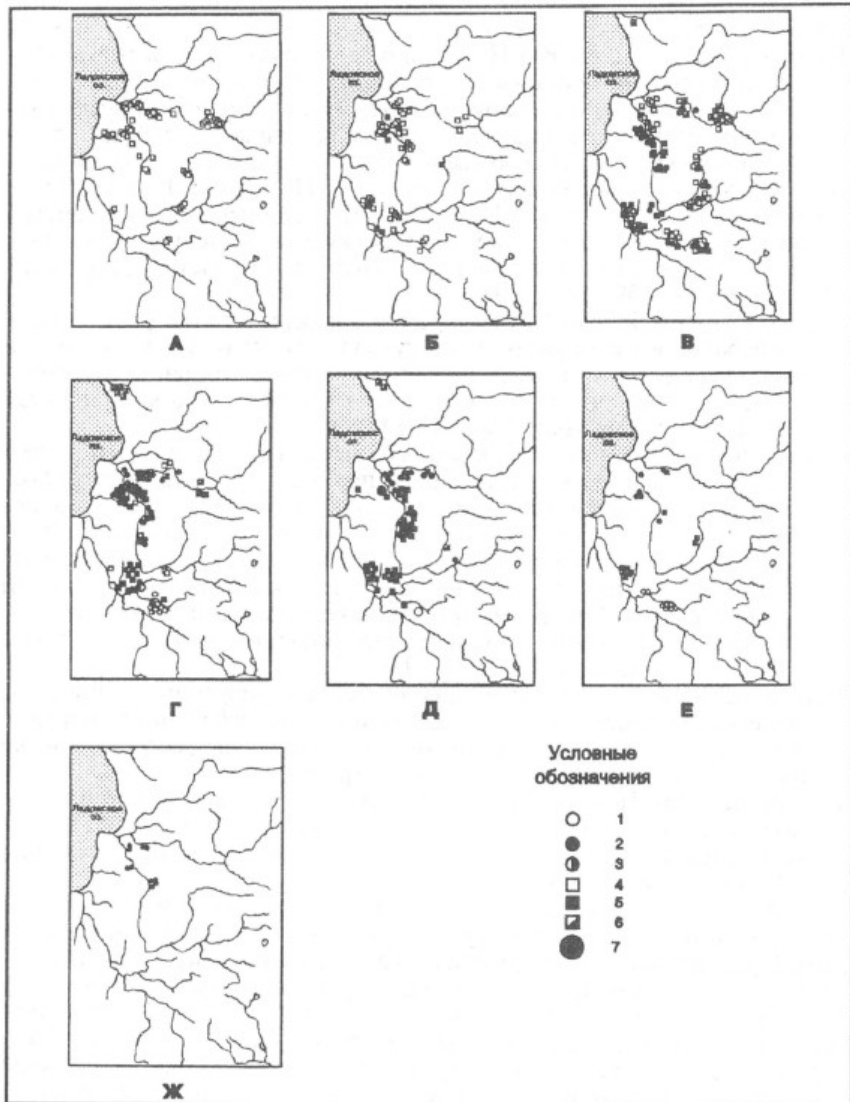

Рис. 1.

Расположение погребальных памятников Юго-Восточного Приладожья в различные периоды.

А — период А₁ (после 1070-х гг.); Б — период А₂ (1020-е — 1070-е гг.); В — период В (980-е — 1020-е гг.); Г — период С₁ (950-е — 980-е гг.); Д — период С₂ (920-е — 950-е гг.); Е — период D₁ (890-е — 920-е гг.); Ж — период D₂ (860-е — 890-е гг.).

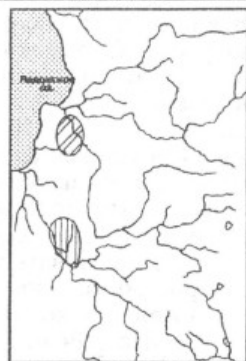
Условные обозначения: 1 — памятники типа I-1 (по В.А. Назаренко); 2 — памятники типа I-2 (по В.А. Назаренко); 3 — памятники типа I-3 (по В.А. Назаренко); 4 — памятники типа II-4 (по В.А. Назаренко); 5 — памятники типа II-5 (по В.А. Назаренко); 6 — памятники типа II-6 (по В.А. Назаренко); 7 — более 10 памятников.

Приладожья весьма важен и несомненно свидетельствует о характере и путях проникновения элементов христианской погребальной традиции, однако этот вопрос гораздо более масштабен, сложен и несомненно выходит за рамки внутрирегиональных проблем Юго-Восточного Приладожья [Богуславский, Яблоник, 1989:43-45].

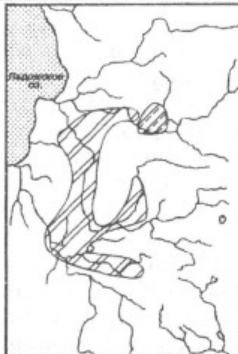
Для начального периода существования Приладожских курганов, а именно периода 860-х — 890-х гг., известно небольшое количество памятников (рис. 1ж). Они расположены достаточно компактно в нижнем течении рек Паши и Ояти и представлены сходными погребальными комплексами, что позволяет охарактеризовать их как Нижнепашский регион (рис. 2е). Однако, вопрос об обрядовых характеристиках этих комплексов достаточно сложен, поскольку они сочетают целый ряд весьма разнообразных элементов. Возникновение обряда первого типа возможно, по мнению В.А.Назаренко, и в результате самостоятельного развития погребальной традиции предшествующего периода, и вследствие заимствования новых элементов обряда памятниками второго типа. Более того, именно памятники района распространения комплексов периода 860-х — 890-х гг. рассматриваются им как переходные от второго типа обряда к первому и как характеризующие их взаимовлияние. Отражение этого процесса он видит в том, что при сохранении размещения захоронений на поверхности специально возведенной первичной насыпи существуют особенности, отличающие обряды первого типа, то есть устройство очага на гравии в центральной части сооружения и деление погребальной площадки на мужскую и женскую половины [Назаренко, 1983:154-155]. Естественно, эта характеристика не является всеобъемлющей, поскольку существуют памятники, где погребения совершены на основании: например, курган № 17 могильника Карлуха. По нашему мнению, период 860—890-х гг. можно рассматривать как этап "кристаллизации" сложной погребальной обрядности Приладожских курганов. В это время характеристики погребений еще очень размыты, встречаемость элементов, характеризующих различные группы обряда, является правилом. В погребениях этого времени больше всего встречено признаков, типичных для типа I-2.

Отсутствие монетных находок (рис. 3) свидетельствует о том, что население этого региона непосредственно не участвовало в весьма оживленной в Поволховье "Восточной торговле". Но в свете этого неожиданным оказывается тот факт, что половина изделий, найденных в погребениях 860—890-х гг. и для которых мы можем установить принадлежность к определенному кругу древностей, оказываются связанными с деятельностью выходцев из Скандинавии (рис. 4). Это свидетельствует о достаточно тесных контактах Нижнепашского региона уже в начале своего развития со Староладожским поселением — местом традиционно связанным с международной торговлей и деятельностью скандинавов. Этому предположению есть целый ряд других подтверждений [Богуславский, 1992:132-157]. Вторым компонентом в материальной культуре памятников Нижнепашского региона в этот период, равным по удельному весу "скандинавскому", являются вещи финского круга древностей.

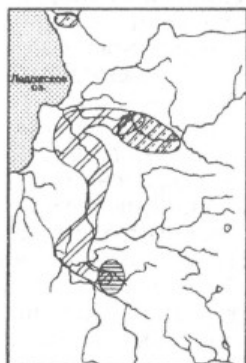
В 890-е — 920-е гг. обрядовые характеристики памятников становятся более разнообразными, а территория распространения при-

А

Б

В

Г

Д

Е

**Условные
обозначения**

Рис. 2.

Региональные группы погребальных памятников Юго-Востоного Приладожья в различные периоды времени.

А — период A_2 (1020-е — 1070-е гг.); **Б** — период **В** (980-е — 1020-е гг.); **В** — период C_1 (950-е — 980-е гг.); **Г** — период C_2 (920-е — 950-е гг.); **Д** — период D_1 (890-е — 920-е гг.); **Е** — период D_2 (860-е — 890-е гг.).

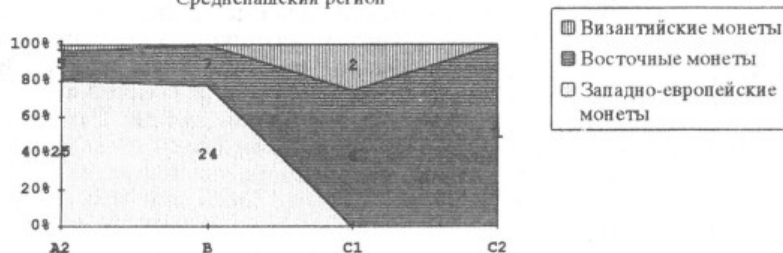
Условные обозначения: 1 — Нижнепашский регион; 2 — Среднепашский регион; 3 — Северный регион; 4 — Среднесясьский регион; 5 — Тихвинский регион.

ладожских курганов значительно расширяется (рис. 1е). Кроме Нижнепашского региона, несколько изменившего свои границы и занимающего теперь исключительно нижнее течение Паши, можно выделить еще два (рис. 2д). Это группа памятников, характеризуемых обрядом типа II-6, в среднем течении р. Сясь, которые образуют Среднесясьский регион, и погребальные комплексы в бассейне р. Тихвинка, относящиеся к типу обряда I-1 и составляющие Тихвинский регион. Если Тихвинский регион достаточно компактен, то комплекс, характеризующийся типом обряда II-6, известны не только в бассейне Тихвинки, но и на Капше, Ояти и Паше. Здесь они представлены одиночными погребениями, что не позволяет включить их в границы региона. Однако, вряд ли случаен тот факт, что одиночные памятники этого типа расположены на окраинах Нижнепашского региона.

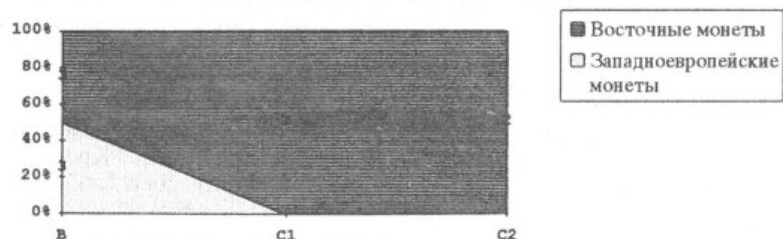
В материалах памятников 890-х — 920-х гг. известна наиболее ранняя находка арабского дирхема, который обнаружен в Нижнепашском регионе и является здесь единственной монетной находкой. Однако, характер связей Старой Ладogi и Приладожья указывает на то, что международные торговые операции приладожского населения на рубеже IX-X вв. носили опосредованный характер и заключались в торговле со Староладожским поселением [Богуславский, 1992:139-143]. О том, что внешние связи стали более оживленными, свидетельствует и состав привозных находок (рис. 4). В комплексах Нижнепашского региона значительно увеличивается (до 62%) удельный вес древностей, поступивших при посредстве скандинавов. Кроме того, появляется новый круг находок, связанный с территорией Подонья, что говорит о расширении географии торговых контактов населения. Это также позволяет предположить частичное вовлечение жителей непосредственно в транзитную торговлю [Богуславский, 1992:139-143]. Увеличение разнообразия привозных изделий происходит за счет сокращения, как количественного, так и процентного, числа вещей, связанных с финским кругом древностей. Сходная, однако еще более контрастная картина наблюдается в памятниках Среднесясьского региона (рис. 4). Здесь количество находок, связанных с деятельностью скандинавов, превышает 70%, а вещей донского круга древностей — 20%. Таким образом, находки вещей финского круга, который казалось бы должен быть наиболее характерен для подобных памятников оказываются наименее представительным.

Причиной подобного кажущегося несоответствия может стать, на наш взгляд, начавшееся формирование транзитного пути из Северной Европы в страны Арабского Востока через земли Юго-Восточного Приладожья [Богуславский, 1992:50-54]. Вопрос о географии этого пути достаточно сложен. Н.П. Загоскин, рассмотрев четыре варианта пути, который мог бы соединять Ладожское озеро с Каспийским водным бассейном, отдал предпочтение трассе, шедшей, по его мнению, по р. Сясь до устья р. Тихвинки, далее по р. Тихвинке до устья р. Редань и по р. Редань до погоста Лучаны, от погоста Лучаны через волок длиной 21-27 км. к верховьям р. Чагода в районе погоста Волок [Загоскин, 1910:144-146]. Е.Н. Носов считает более удобным в гидротехническом отношении путь, проходящий через систему оз. Селигер, поскольку здесь отмечена минимальная волоковая часть — около 5 км. [Носов, 1976:97-98]. Оба автора оставили без

Среднепашский регион

Северный регион

Среднесельский регион

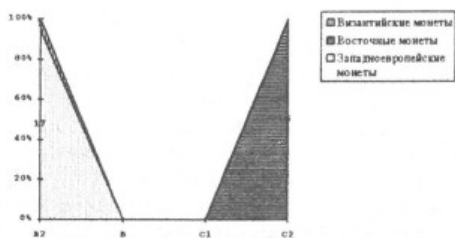

Рис. 3.

Соотношение числа находок монет в различных регионах Юго-Восточного Приладожья.

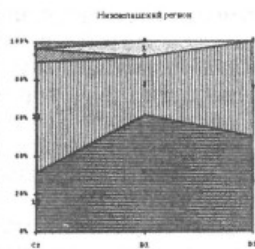
внимания еще один вариант трассы, упоминаемый в археологической литературе [Леонтьев, 1986:7]. Его можно реконструировать как путь, проходивший по р. Сясь до устья р. Воложба, по р. Воложба и мелким рекам ее верховья — к верховьям р. Чагода. В этом случае бассейн р. Воложбы и р. Чагоду разделяют 5-8 км. болотистой равнины, имеющей и в настоящее время название Волк Славин-

ский. В пользу большой вероятности этого варианта трассы говорит характерная топонимика: р. Воложба, дер. Жилотуг, Волоч Славинский. Естественно, время сложения этого топонимического пласта не ясно, но отсутствие здесь пути, зафиксированного письменными источниками в позднем средневековье и в XVII-XX вв., позволяет предположить его раннюю дату. Высокую вероятность этого варианта пути косвенно подтверждает существование здесь целой серии археологических памятников. Среди них, в первую очередь, следует отметить два городища, пока уникальных для этого региона — городище у д. Городище на р. Сясь и городище у д. Городок на р. Чагоде [Крупейченко, 1964:15]. Видимо, на начальном этапе своего использования этот путь был ориентирован не на Волжский, а на более традиционный — Донской вариант трассы [Ляпушкин, 1963:153].

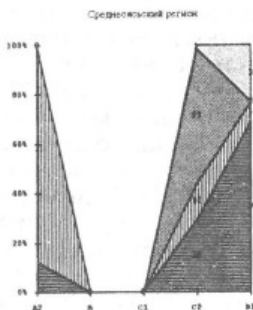
Реконструкция дальнейшей трассы пути выходит за рамки тематики предлагаемой статьи. Мы можем только высказать предположение, что дальнейшее движение могло осуществляться от устья Чагодоши вниз по течению Мологи, с выходом через Волгу в район Ростова и Ярославля и далее через Клязьму в Оку и бассейн Дона. Существует также принципиальная возможность движения от устья Чагодоши вверх по течению Мологи, с выходом в район Вышнего Волочка. Для того, чтобы отдать предпочтение тому или иному варианту, требуются дополнительные исследования. В настоящий момент нам кажется более вероятным первый вариант.

Сходная, но несколько отличающаяся картина наблюдается в Тихвинском регионе (рис. 4). Здесь известны те же группы находок, что и в других регионах этого периода, однако удельный вес каждой из них несколько отличается. Количество вещей, поступивших при посредстве скандинавов, и находок финского круга древностей равны и составляют 40%. Удельный вес вещей донского круга здесь — 20%. Таким образом, здесь среди привозных изделий предметы, связанные с деятельностью вышедшей из Скандинавии, оказываются менее представительными по сравнению с другими регионами Юго-Восточного Приладожья. С другой стороны, удельный вес предметов, поступивших по транзитному торговому пути, весьма незначительно колеблется в различных регионах. Следует обратить внимание на количественное увеличение этих находок в южных районах Юго-Восточного Приладожья, что косвенно подтверждает возникновение торговых контактов по описанной выше трассе. Вместе с тем, близость состава и характера привозных находок во всех существующих регионах может свидетельствовать о том, что ни один регион не выступал в этот период как ведущий в международной торговле. Некоторым своеобразием отличается Среднесясьский регион, где известно относительно небольшое количество предметов финского круга древностей, что, видимо, является следствием существования здесь крайне важного для истории Южного Приладожья поселения — городища у д. Городище [Богуславский, Мачинская, 1993:117-121].

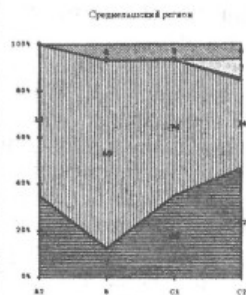
Тенденции, наметившиеся в Приладожье на рубеже IX-X вв., продолжают развиваться и в последующее время (рис. 1д). Количество памятников в 920-е — 950-е гг. значительно увеличивается, появляются комплексы, характеризующиеся ритуалами группы II-б по В.А. Назаренко. Число их невелико и они размещаются на периферии территории, освоенной в предыдущие периоды. Однако, только

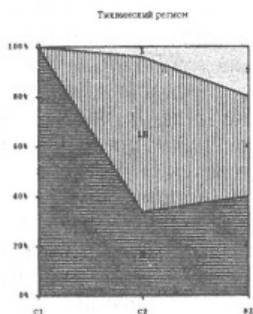
- Вещи поволжского круга древностей
- Вещи донского круга древностей
- Вещи дунайского круга древностей
- Вещи финского круга древностей
- Вещи, поступившие при посредстве скандинавов

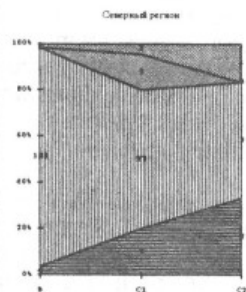
- Вещи донского круга древностей
- Вещи дунайского круга древностей
- Вещи финского круга древностей
- Вещи, поступившие при посредстве скандинавов

- Вещи поволжского круга древностей
- Вещи донского круга древностей
- Вещи дунайского круга древностей
- Вещи финского круга древностей
- Вещи, поступившие при посредстве скандинавов

- Вещи донского круга древностей
- Вещи финского круга древностей
- Вещи, поступившие при посредстве скандинавов

- Вещи поволжского круга древностей
- Вещи дунайского круга древностей
- Вещи, финского круга древностей
- Вещи, поступившие при посредстве скандинавов

Рис. 4.
Соотношение числа привозных вещей в различных регионах Юго-Востока Приладожья.

на восточном побережье Ладожского озера погребения группы II-6 составляют компактный район, который в дальнейшем мы будем называть Северным регионом (рис. 2г). Весьма незначительные изменения произошли в бассейне Тихвинки. Число памятников и занимаемая ими территория здесь остаются прежними. Сильно отличается от предшествующего времени география и характер памятников тех частей Юго-Восточного Приладожья, которые были освоены первыми, а именно бассейнов рек Паши и Сяси. Среднесяский регион в 920-е — 950-е гг. занимает весьма значительные пространства, охватывающие не только среднее течение Сяси, но и междуречье Сяси и Паши, а также нижнее течение Тихвинки (рис. 2г). Погребальные комплексы, относящиеся к ритуалу I-2 и составляющие Нижнепашскую группу, появляются в среднем и нижнем течении Ояти. Новым регионом, который мы считаем возможным выделить, является Среднепашский. Характер памятников, входящих в него, несколько отличается от остальных (рис. 1д). Здесь невозможно выделить зоны компактного распространения погребений, относящихся к одному типу. Этот регион включает захоронения, относящиеся к группам обряда I-2, I-3 и II-6, таким образом, здесь оказываются представлены практически все типы обряда, известные в это время в Юго-Восточном Приладожье.

В материалах рассматриваемого времени известно небольшое количество монет, и все они происходят из стран Арабского Востока. Этот факт, на наш взгляд, отражает не столько интенсивность торговых связей приладожского населения, сколько характер денежного обращения того времени, поскольку даты чеканки большинства арабских монет, найденных в Приладожье, относятся к анализируемому периоду [Богуславский, 1993:140-141]. Известные монеты указывают на весьма интересную особенность: подавляющее их большинство найдено в пределах Среднесяского региона (рис. 3). Состав вещевых находок, обнаруженных в различных частях Юго-Восточного Приладожья, меняется весьма значительно (рис. 4). Несмотря на рост числа монетных находок, что свидетельствует об интенсификации торговых операций населения, наблюдается практически повсеместное увеличение удельного веса изделий финского круга древностей. Исключением является только Среднесяский регион, где он увеличивается весьма незначительно. Однако, здесь, как и в других местах, снижается удельный вес вещей, поступивших при посредстве скандинавов. Сильно сокращается процент изделий, связанных с территорией Подонья, но вместе с тем, появляется иной круг древностей, который занимает в регионе в это время практически лидирующие позиции. Это группа находок, связанная с территорией Подунавья и Византии. Хотя все вещи этого круга без сомнения являются привозными, вряд ли их можно связать с транзитной торговлей, поскольку они представлены в основном предметами поясного набора, в то время как такие предметы международной торговли Византии, как серебро, в это время в Приладожье отсутствуют. Обстоятельства появления в Приладожье вещей Венгерско-Дунайского круга остаются не вполне ясными. Вполне вероятно, что они связаны с реконструируемым Г.С. Лебедевым "круговым маршрутом" варяжских воинских контингентов, который наметился на

рубеже IX—X вв. Этот маршрут заключался в движении варягов-наемников через земли Руси на Византию, где они участвовали в боевых действиях против нее или на ее стороне против пограничных племен, отсюда на города мусульманского Закаспия с целью получения новой добычи, и только после этого они возвращались на север по Волжскому пути [Лебедев, 1985:252-255].

В Тихвинский регион (рис. 4) по процентным показателям достаточно близок Среднесяському, однако здесь неизвестны вещи дунайского круга древностей. За счет этого значительно более представительным оказываются финские изделия. Это может рассматриваться как косвенное подтверждение приведенному выше предположению о причинах появления вещей дунайского круга и неиспользованию сквозного прохода к рекам Волжского бассейна через речку Тихвинку. Видимо, следует предположить относительную изоляцию этого региона в период 920-х — 950-х гг. от международных контактов Приладожья.

Практически противоположная картина наблюдается в материалах, происходящих из Среднепашского региона. Объединяя различные погребальные памятники, он оказывается и имеющим наиболее богатые связи (рис. 4). Процент вещей, поступивших при посредстве скандинавов, здесь наиболее высок, в то время как находки финского круга древностей менее представительны. Кроме того, в этом районе известны и находки, происходящие с территорий, традиционно связанных с трансевразийской торговлей — Подоньем и Поволжьем. По сравнению с другими частями Юго-Восточного Приладожья, круг вещей, происходящих с территории Подонья на средней Паше наиболее заметен. В то время как он значительно сокращается и в Тихвинском, и в Среднесяском регионе, здесь его удельный вес близок 10%. Впервые появившиеся вещи, находящие прямые аналогии на территории Поволжья, видимо, свидетельствуют об изменении трассы торгового пути. Подобное изменение может быть объяснено тем, что складывание пути по традиционному донскому варианту с выходом на северные реки Балтийского бассейна, вероятно стало в начале X в. крайне трудным. Это объясняется проницанием в самом конце IX в. или в первом десятилетии X в. в степи Подонья и Приазовья печенежских племен, которые в 915 г. появились уже на границах Русского государства [Плетнева, 1967:65]. Именно эти события, скорее всего, и были причиной увеличения роли Волжского пути. Это подтверждается постройкой на Волге между 920 и 930 гг. города Булгара и возникновением в 920-е гг. трех "групп Руси", которые локализуются Д.А. Мачинским также на Волжском пути [Мачинский, 1985:8]. С этими событиями, видимо, связан и поход князя Олега на север в 922 г. [Мачинский, 1985:4-5]. Однако весьма интересно, что в Приладожье продолжают поступать салтовские древности. Это говорит, скорее всего, о продолжающихся контактах через территорию сильно сократившейся Хазарии, до взятия Святославом крепости Саркел в 965 г. [Плетнева, 1981:65]. Эти контакты были, видимо, очень нестабильны, поскольку могли осуществляться только во время мира, который сопредельные с печенегами государства, по данным Константина Багрянородного, тщательно старались поддерживать [Литаврин, 1982:270]. Таким образом, можно сделать заключение, что вновь образовавшийся Среднепашский регион оказывается весьма активно вовлечен-

ным в международные торговые операции, однако, он вряд ли был расположен на участке транзитного трансевропейского пути, о чем свидетельствует состав привозных изделий другого региона, связанного с бассейном р. Паши — Нижнепашского.

В памятниках Нижнепашского региона удельный вес изделий, поступивших при посредстве скандинавов сокращается почти вдвое по сравнению с предыдущим периодом (рис. 4). Одновременно с этим значительно увеличивается процент финских изделий. Иные находки, связанные с международной торговлей жителей Юго-Восточного Приладожья, здесь несколько менее представительны. Вещи, имеющие аналогии на территории Подонья не встречены здесь вовсе, а изделия Волжской Булгарии занимают всего 3%. Кроме того, невелико количество вещей дунайского круга. По всей вероятности, причины их попадания в комплексы этого региона те же, что и на Средней Паше. Таким образом, этот район еще менее связан в 920-е — 950-е гг. непосредственно с международными торговыми операциями, чем Среднепашский. Однако, обращают на себя внимание находки здесь вещей из Поволжья. Причины их присутствия в этом регионе могут быть весьма различны, однако одним из ведущих, по нашему мнению, может быть изменение характера торговли на "Восточном пути" и связанное с этим увеличение спроса на пушнину, основным поставщиком которой оставались финские племена [Богуславский, 1993: 146-147]. Это может объяснить как увеличение удельного веса финских вещей, так и присутствие импортов с территории Поволжья в тех частях Юго-Восточного Приладожья, которые не были расположены непосредственно на берегах рек, по которым в 920-е — 950-е гг. проходила трасса "Восточного пути".

Привозные вещи Северного региона крайне малочисленны (рис. 4), но, вместе с тем, подмеченные тенденции проявляются и здесь. Наиболее представительны вещи финского происхождения, в то время как предметы, поступившие при посредстве скандинавов, составляют всего треть изделий. В этом районе известны Поволжские древности, которые выглядят весьма внушительно на фоне остальных вещевых находок, однако, следует отметить, что его представительность является отражением вообще малочисленности привозных изделий в рассматриваемый период, поскольку здесь известна всего одна находка, имеющая аналогии в Поволжье.

В 950-е — 980-е гг. в Юго-Востоке Приладожье известны все виды погребального обряда, выделенные В.А. Назаренко (рис. 1г). Новым, по сравнению с предшествующим временем, являются памятники, для которых характерны ритуалы группы П-4, которые нигде в Приладожье не образуют компактную зону. Более того, характеристики обряда этой группы погребений свидетельствуют о сильном влиянии, по мнению В.А. Назаренко, христианской погребальной традиции. Таким образом, появление подобных памятников связано с иными факторами исторического развития, нежели те, что влияли на развитие и взаимодействие различных частей Юго-Восточного Приладожья. Изучение же причин появления качественно новых погребальных комплексов, а также путей их развития и трансформации в "древнерусские погребения" выходит за рамки предлагаемой работы, поскольку требует иного охвата материала и иной его обработки.

География и характер погребальных памятников в рассматриваемый период очень сильно изменяются (рис. 2в). Во-первых, сокращается количество регионов — их известно всего три: Среднепашский, Тихвинский и Северный; во-вторых, сильно изменяется занимаемая ими территория. Стабильной остается только Тихвинская группа погребений. Среднепашский регион сильно расширяет свои границы за счет поглощения территорий Среднесяского и Нижнепашского. Здесь появляются погребальные памятники различных типов, что делает эти районы идентичными средней Паше. Разнохарактерные могильники в 950-е — 980-е гг занимают не только все течение Паши, но и нижнее, а также часть среднего течения Ояти, среднее течение Сяси и низовья Тихвинки. Весьма своеобразна структура Северной группы. Памятники, характеризующиеся группой обряда II-6, образуют две компактные зоны: на восточном побережье Ладожского озера и в среднем течении реки Оять. Могильников, позволивших бы связать эти две зоны воедино, неизвестно, видимо, по причине недостатка земель, пригодных для хозяйственной деятельности человека.

Состав привозных изделий также значительно изменяется. Почти все монетные находки сосредоточены в Среднепашском регионе и представлены арабскими и византийскими монетами (рис. 3). На восточном побережье Ладожского озера известно всего две монеты, а на Тихвинке они неизвестны вовсе. Импортные изделия, происхождение которых можно связать с территориями за пределами Южного Приладожья, также почти все сосредоточены на средней Паше (рис. 4). В их составе наблюдаются значительные изменения: сильно сокращается процент предметов, поступивших при посредстве скандинавов, в то время как удельный вес изделий, связанных с финским миром, возрастает. Небезынтересно то, что относительное количество древностей, происходящих с территории Поволжья, практически не изменяется. Близкие тенденции в составе импортов наблюдаются в материалах Северного региона. Количество этих предметов значительно увеличивается по сравнению с 920-ми — 950-ми гг., и наиболее часто встречаемыми в материалах погребений становятся древности финского круга. Относительное количество находок, поступивших при посредстве скандинавов, сокращается, как, впрочем и процент изделий, связанных с территорией Поволжья. Весьма интересным, на наш взгляд, является присутствие достаточно заметной прослойки вещей с территории Подунавья и Византии. Обстоятельства появления этих вещей, видимо, тесно связаны с появлением в Приладожье милиарисиев Василия II и Константина VIII. Они достаточно сложны и заслуживают отдельного рассмотрения [Богуславский, 1990:59-61]. Упомянем только то предположение, что эти вещи в 980-е гг. связаны с процессом принятия христианства некоторой частью населения Приладожья. В этой связи представляется интересным то, что византийские монеты, которые собственно и использовались в эти годы как христианские подвески, поскольку центральным изображением на них был крест, оседают в Среднепашском регионе, в котором и появляются первые погребения, относящиеся к группе обрядов II-4 по В.А. Назаренко, в то время как остальные вещи этого происхождения, в первую очередь части венгерского поясного набора, встречены в ином регионе — Северном. Картина,

наблюдаемая в бассейне Тихвинки, в корне отличается от представленной на остальной территории Юго-Восточного Приладожья. Из привозных изделий здесь известна всего одна вещь, которую можно связать с деятельностью скандинавов. Причинами такого коренного изменения ситуации в Юго-Востоке Приладожье могли стать многие явления. Нам представляются ведущими последствия изменения характера международной и связанной с ней меховой торговли на Северо-Западе [Богуславский, 1993:147-151]. Не рассматривая подробно вопрос о причинах и характере этих изменений, отметим, что результатом, видимо, стали переориентация древнего населения Юго-Восточного Приладожья на меновую торговлю с другим, тоже финским, населением и исключение его из числа непосредственных участников транзитной торговли. В этом свете может быть объяснено появление вещей с территории Поволжья — предметов "Восточной торговли" — именно в глубинных районах Приладожья и увеличение здесь процента вещей финского круга. Вместе с тем, концентрация подавляющего большинства привозных изделий в одном регионе — Среднепашском — позволяет предположить, что именно это население выступало в большинстве случаев в качестве посредника в торговых операциях с купцами, которые занимались непосредственно дальней торговлей.

В 980-е — 1020-е гг., при том, что число погребальных комплексов остается весьма значительным, состав их меняется (рис. 1в). Более представительной становится группа памятников, связанная с обрядом типа II-4. Подобные погребения известны в Приладожье почти повсеместно. В это же время практически исчезают комплексы, характеризующиеся I-1 и I-3 типами обряда, которые представлены единичными погребениями. Структура регионов также меняется (рис. 2б). В первую очередь, обращает на себя внимание, что их число сокращается до двух. Значительно расширяются границы Среднепашскоой группы за счет увеличения района, где представлены погребения различных типов обряда. Она занимает теперь и среднее течение Тихвинки, а также бассейн Капши, где до этого времени были встречены только отдельные погребения. Памятники, составляющие Северный регион, образуют скопление только в среднем течении реки Оять.

Состав монетных находок этого времени характеризуется массовым появлением западноевропейских монет (рис. 3). Подавляющее их большинство, как впрочем вообще большинство монет, найдено на территории Среднепашского района. Вместе с тем, следует отметить, что общее число монет в погребениях этого периода увеличивается. Даже в сильно сократившемся Северном регионе их найдено больше, чем в период 950-х — 980-х гг. Состав остальных привозных изделий характеризуется резким увеличением удельного веса финских вещей (рис. 4). Так, на верхней Ояти их более 90%. Вместе с тем сохраняются вещи, поступившие при посредстве скандинавов, а также с территории Поволжья. Оба эти пласта оказываются более представительными в Среднепашской группе, которая и в это время, видимо, занимает лидирующие позиции в торговле Юго-Восточного Приладожья. Таким образом, процессы, приведшие к изменениям, отмеченным для памятников 950-х — 980-х гг., продолжались. Их углубление, выразившееся в резком увеличении числа финских изделий в материалах Приладожских курганов, могло быть, на наш взгляд, связано

с определенными внешнеполитическими событиями, приведшими к нестабильной обстановке в Южном Приладожье, и последующим увеличением роли Новгорода, как торгового центра Северо-Запада Руси, ориентированного во многом на торговлю со странами Западной Европы [Богуславский, 1992:60-61].

В памятниках 1020-х — 1070-х гг. количество погребений группы П-4 становится подавляющим (рис. 1б). Некоторое своеобразие погребальных традиций демонстрируют только памятники нижнего течения р. Паши и средней Сяси. Комплексы Среднесясьского региона, который вновь может быть выделен в это время на основе концентрации погребений, относящихся к группе обрядов П-5 по В.А. Назаренко, достаточно малочисленны, однако занимают тот же район, что и до 950-х гг. (рис. 2а). Компактная территория существования разнотипных памятников, что характерно для Среднепашского региона, зафиксирована в это время в низовьях реки Паши.

Монетные находки 1020-х — 1070-х гг. также представлены в основном западноевропейским серебром (рис. 3). Эта картина одинакова в обоих регионах. Сходная ситуация наблюдается в отношении византийских монет, количество которых на нижней Паше и средней Сяси примерно одинаково. По всей вероятности, причины попадания их во все погребальные комплексы, а также характер использования близки [Богуславский, 1990:59-61]. Погребения средней Паши отличает только присутствие некоторого количества более ранних арабских монет, которые выпадают в комплексы с запаздыванием, иногда значительным. Подобный факт может быть косвенным указанием на относительную нехватку денежных средств, а значит, и снижение интенсивности торговых операций. Привозные вещи немногочисленны и представлены только предметами, поступившими при посредстве скандинавов, и финским кругом древностей, причем и в том, и в другом случае, возникают достаточно оправданные сомнения в отношении того, что эти предметы были действительно привезены на территорию Юго-Восточного Приладожья, а не являются местными подражаниями (рис. 4). Тем не менее, удельный вес изделий, связанных с активностью скандинавов, увеличивается в Среднепашском регионе практически в два раза. Описанная ситуация, по всей вероятности, является отражением увеличения активности Новгорода, изменения характера международной торговли, а также создания своеобразного политического образования, получившего в письменных источниках название "Ладожское ярлство" [Богуславский, 1993:151-153].

В период после 1070-х гг. встречены только памятники, относящиеся к группе обрядов П-4 по В.А. Назаренко (рис. 1а). Безусловно, и в это время наблюдаются определенные отличия в обряде и инвентаре погребальных памятников, а также скопление комплексов в некоторых районах, например, в среднем течении Ояты. Однако, строгое выделение микрорегионов для памятников этого времени предполагает дополнительный анализ погребальных традиций, причем по несколько иным направлениям, чем это делалось для погребальных комплексов более раннего времени.

Подводя итог рассмотрению микрорегиональных особенностей памятников Юго-Восточного Приладожья, мы хотели бы отметить несколько моментов. На наш взгляд, проведенный анализ дополни-

тельно доказывает уже появившийся в археологической литературе тезис о неоднородности древнего общества Приладожья. Однако, проведенное исследование не дает нам однозначного ответа на вопрос о природе отмеченных различий. Мы склонны видеть причину микрорегиональных особенностей скорее в области культурно-исторических отличий населения, нежели чем в этнической. Безусловно, этнический элемент не может быть полностью исключен при рассмотрении этих вопросов, но то, что анализ проводился нами по пути выяснения места каждого региона в международной торговле Приладожья, поскольку именно она являлась одним из основных факторов развития этого древнего общества, не дает нам возможности делать выводы этнического характера. Уточнение границ регионов, их характера и путей взаимодействия может быть проведено только после новых научных разработок, опирающихся на несколько иные исследовательские процедуры и ставящих своей целью поиск более частных закономерностей в материалах погребений Юго-Восточного Приладожья.

- БОГУСЛАВСКИЙ, О.И.* 1990. О находках византийских монет в южном Приладожье // Новгород и Новгородская Земля 3: 59-61. Новгород.
1991. Южное Приладожье в конце I — начале II тыс. н.э. (опыт историко-культурной периодизации): Дисс... канд. истор. наук: 17.00.06. Л.
1992. Юго-Восточное Приладожье и трансевразийские связи IX-XI вв. // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре: 44-68. СПб.
1993. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX-XII вв. // Древности Северо-Запада России: 132-157. СПб.
- БОГУСЛАВСКИЙ, О.И., А.Д. МАЧИНСКАЯ.* 1993. Сясьское городище и поселения нижнего Поволжья (опыт сопоставления) // Петербургский археологический вестник 6: 117-122. СПб.
- БОГУСЛАВСКИЙ, О.И., Д.Л. ЯБЛОНИК.* 1989. Мужские труположения в юго-восточном Приладожье в X-XII вв. // Новгород и Новгородская земля 2: 43-45. Н.
- ГОЛУБЕВА, Л.А.* 1987. Весь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
- ЗАГОСКИН, Н.П.* 1910. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н.* 1988. Ладога и Ладужская земля VIII—XIII вв. // Славяно-русские древности I: 38-79. Л.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н., И.В. ДУБОВ, Г.С. ЛЕБЕДЕВ.* 1986. Русь и Варяги // Славяне и скандинавы: 189-297. М.
- КОЧКУРКИНА, С.И.* 1973. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.
1989. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.
- КРУПЕЙЧЕНКО, И.П.* 1964. Отчет о разведке в районе дд. Сомино и Озеро. Архив ИА АН СССР. Р—1. Д. № 2870.
- ЛЕБЕДЕВ, Г.С.* 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
- ЛЕОНТЬЕВ, А.Е.* 1986. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА 183: 3-9.
- ЛИТАВРИН, Г.Г.* 1982. Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.

- ЛЯПУШКИН, И.И.* 1963. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА 152.
- МАЧИНСКИЙ, Д.А.* 1985. Ростово-Суздальская Русь в X в. и "три группы Руси" восточных авторов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока: 3-23. Сыктывкар.
- НАЗАРЕНКО, В.А.* 1972. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагом // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР: 38-42. Л.
1979. Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь: 106-114. Киев.
- 1979а. Об этнической принадлежности Приладожских курганов // Финно-угры и славяне: 152-156. Л.
1980. Об уровне социально-экономического развития населения Приладожья IX-X вв. // Финно-угры и славяне (1978): 261-276. Хельсинки.
1982. Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: 142-147. Л.
1983. Погребальная обрядность Приладожской чуди: Дисс...канд.ист.наук: 07.00.06. Л.
- НОСОВ, Е.Н.* 1976. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII-X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины VIII: 95-110.
- ПЛЕТНЕВА, С.А.* 1967. От кочевий к городам. М.
1981. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья: 62-75. М.
- СПИЦИН, А.А.* 1895. Дополнительные замечания // Курганы Южного Приладожья. МАР 18: 143-154.

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА С КОНЯМИ НА ВЕРШИНЕ ПЛАКУНСКОЙ СОПКОВИДНОЙ НАСЫПИ В СВЕТЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

С момента раскопок погребения с двумя конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в 1971 г., его полной публикации Е.Н. Носовым в 1985 г. и до настоящего времени к проблеме интерпретации материалов этого захоронения неоднократно обращались петербургские археологи [Булкин, Назаренко, Носов 1972; Носов, Конечкий 1974; Лебедев 1977: 185; Носов 1985; Петренко 1985; Богуславский, Мачинская 1993: 20; Петров 1995]. Но несмотря на то, что в разные годы по этой проблематике уже было высказано несколько уточнений и наблюдений, сложный и неоднозначный памятник оставляет место для нового своего прочтения.

В первую очередь следует еще раз проанализировать весь фактический материал погребения и ряд конструктивных особенностей, которые были отмечены во время раскопок¹. Итак, до 1971 г. на правом берегу реки Волхов напротив Староладожского Земляного городища и в 300 м к югу от могильника Плакун на первой береговой террасе находилась высокая погребальная насыпь, которую традиционно относили к сопкам (рис. 1) [Чернягин 1941: 121, № 354; Седов 1970: 44, № 331; Петренко 1985: 142-143]. В 1971-1973 гг. раскопки этого погребального сооружения производились группой Староладожского археологического отряда под руководством Е.Н. Носова. Насыпь, которая в полевых отчетах обозначена как "сопка в пойме", имела форму огромного слегка вытянутого полушара со сглаженной вершиной и достигала высоты 6,2 м. В плане она представляла собой овал размерами 25x37 м., вытянутый вдоль Волхова. Ее западный склон был размыт весенними паводками и осыпался вместе с частью вершины, что заметно на фотографиях, сделанных сотрудниками ИИМК в первой половине XX в. [Равдоникас 1947].

На вершине насыпи, в осыпях и обресе склона в 1971 г., после грабительских раскопок чернавинских мальчишек, сотрудниками археологического отряда под руководством В.А. Назаренко, производившими раскопки на Плакуне, было обнаружено захоронение по обряду ингумации (рис. 2). В нем зафиксировали слой древесного тлена с остатками деревянных плашек, большинство из которых было ориентировано по направлению север-юг. Сохранились только северо-восточные, юго-восточные углы и восточная граница тлена. Там же, в

¹ Все сведения по погребению даны по статье Е.Н. Носова за 1985 г. и его отчетам 1971-1973 гг. (шифры дел в Архиве ИА РАН: Р-1 №4466-66а, Р-1 №4862-62а, Р-1 №5160-60а). Пользуясь случаем, автор благодарит Е.Н. Носова за возможность ознакомиться с материалами погребения, черновиками полевой документации и за помощь в работе.

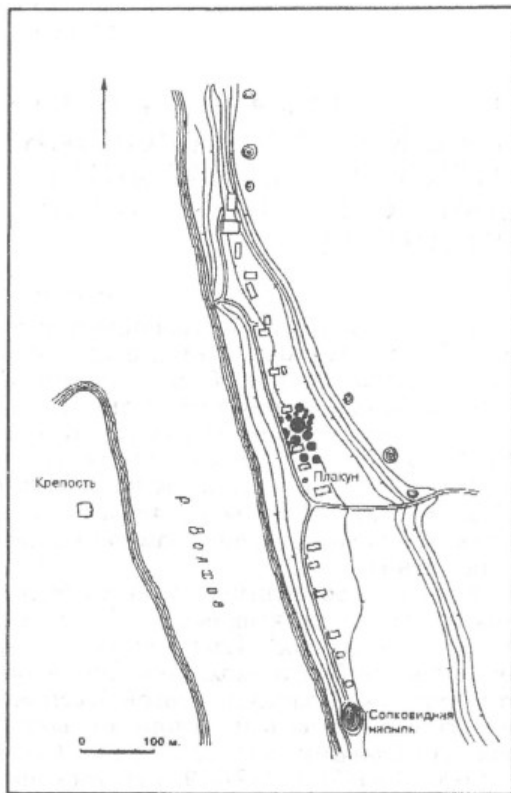

Рис. 1.

Ситуационный план местонахождения могильника Плакун и сопкавидной насыпи в Старой Ладоге.

находились в колчане или связке. При самом погребении найдены также две железные заклепки, семь узких железных пластин — фрагментов оковок деревянного ведра и двухчастная бусина желтого стекла. Большинство же находок происходит из переотложенных слоев или из грабительских раскопок: костяное острие с навершием в виде головы дракона или волка и плетеным орнаментом, щиток бронзовой пряжки трапециевидной формы с циркульным орнаментом, две серебряные бляшки с тремя лепестками и одна в форме стилизованной звериной морды, устройство, состоящее из железного кольца и закрепленного в нем подвижного штыря, нож, деревянная рукоятка которого была частично обмотана серебряной проволокой,

переотложенном состоянии, находились отдельные кости скелета погребенного. По лежавшим *in situ* остаткам черепа и бедренной кости определили, что тело лежало головой на север. К востоку от него, вне тлена, что следует особо отметить, находились скелеты двух коней, которые располагались по линии север-юг головами на юг. У коня, обнаруженного в юго-восточной части могилы, видимо, было перерезано горло или сломана шея, а передние ноги были перебиты [Петренко 1994: 84]¹.

Среди ребер одного коня и у ног другого были обнаружены железные ледоходные шипы. Вблизи ног погребенного, среди тлена, компактно, в непотревоженном виде, остриями на север лежали 14 наконечников стрел. Из них 13 с удлиненно-треугольной формой пера, а один — маленький трехгранный. Само расположение стрел в захоронении свидетельствует о том, что они на-

¹ В монографии В.П. Петренко "Погребальный обряд населения Северной Руси" (СПб, 1994. С.84) этот случай характеризуется как ритуальное захоронение. В этой связи нельзя не отметить, что подобное расположение коней фиксировалось в погребальных камерах с конем в Бирке и других могильниках, где их старались поместить в заведомо тесное пространство.

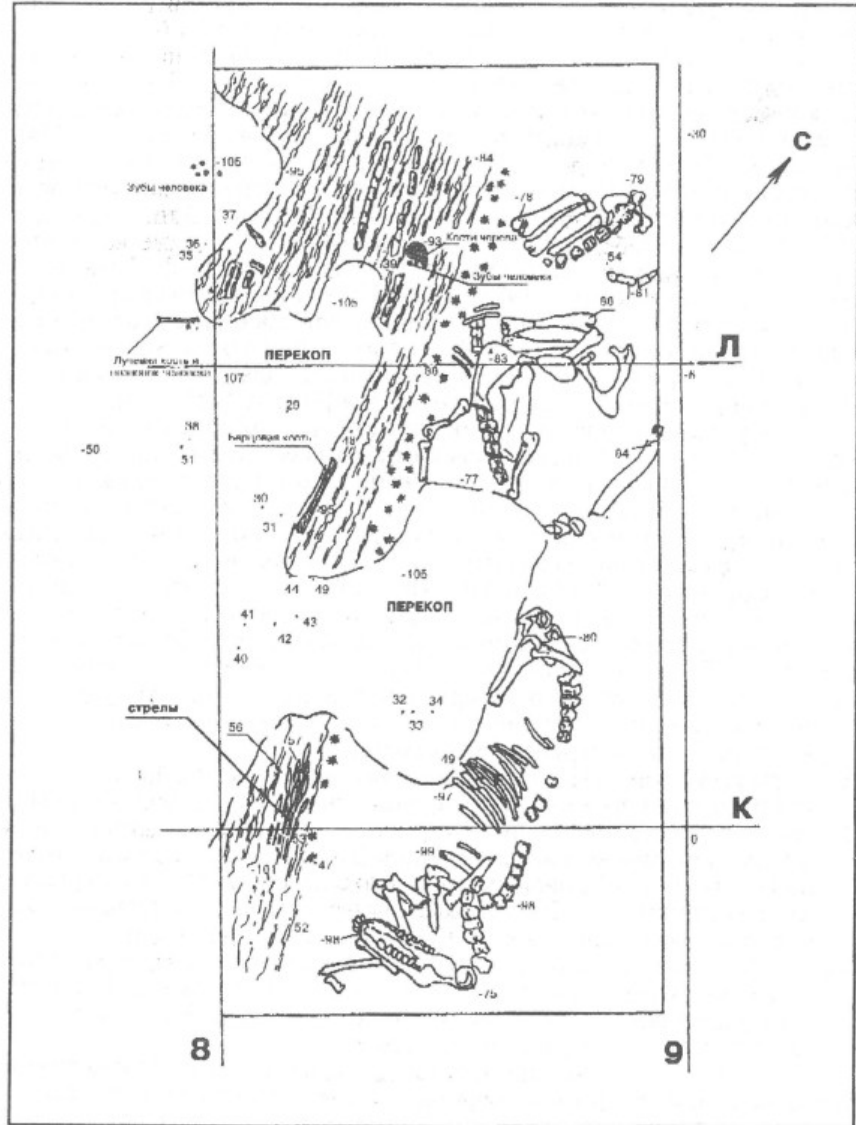

Рис. 2.

План погребения в камере на вершине сопковидной насыпи.

обломок ледоходного шипа, три ладейные заклепки, гвоздь, три пластины с бортиком (две из них с заклепками), шесть фрагментов узкой железной пластины-оковки ведра, обломок витого железного предмета с петлями на концах (скорее всего — фрагмент удила). Кроме этого, к инвентарю верхнего погребения можно отнести вещи, найденные на склоне насыпи, под дерном в 1972 г.: серебряную

позолоченную бляшку в форме стилизованной звериной морды, обломок ножа, пять ладейных заклепок, два гвоздя (рис. 3).

Первые публикации погребения и его предварительная интерпретация были сделаны в 1972 г. и затем в 1974 г., когда авторы раскопок поместили краткую информацию о нем в "Археологических открытиях" [Булкин, Назаренко, Носов 1972; Носов, Конечский 1974]. Затем Г.С. Лебедев несколько раз повторил в различных публикациях мысль о том, что это погребение было совершено в корабле с коньями у форштевня [Лебедев 1977: 185; Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 68; Лебедев, Седых 1985: 23]. Это же мнение вошло в работы зарубежных исследователей [Stalsberg 1980: 15-19]. Однако, его аргументированно опроверг в 1985 г. Е.Н. Носов, в свою очередь повторивший и дополнивший интерпретацию погребения, сделанную им еще в полевом отчете 1971 г. и "Археологических открытиях". Согласно ей, это погребение было совершено не в ладье, а на помосте из корабельных досок или части борта ладьи [Носов 1985: 154].

Как уже отмечалось в публикации 1985 г., захоронение датируется X в. и связано со скандинавскими погребальными традициями. Однако, следует отметить, что ни в скандинавских, ни в "дружинных" могильниках Древней Руси, ни в некрополях балтийского региона подобные погребения на помостах с оружием и конем не известны. Тогда кругу каких погребальных сооружений можно отнести плакунское захоронение? После изучения всей полевой документации, сохранившихся вещей и поиска вероятных аналогий можно прийти к выводу, что это скандинавские камерные погребения с конем (по А.-С. Греслунд) или тип F (по Г.С. Лебедеву). В качестве аргумента в пользу этого утверждения можно привести ряд особенностей данного захоронения, которые в полном объеме характерны только для погребений в камерах.

Так, при раскопках 1971 г. в разных частях могилы было зафиксировано три прослойки древесного тлена, разделенные прослойками глины.

На разрезе насыпи по линии север-юг (и на полевом чертеже, и в публикации) можно увидеть, что погребение находилось в яме глубиной около 0,4 м и длиной около 3 м (рис. 3). Возможно, что первоначальная глубина ямы была больше, т.к. вся насыпь и ее вершина, как уже отмечалось выше, были сильно повреждены оползнями.

На том же разрезе насыпи зафиксирована деревянная конструкция "помоста", которая прогибается от краев к центру ямы (об этом же есть упоминание в полевом отчете 1971 г.), что было бы невозможно, если бы она лежала на ее дне.

Полагаю, эти факты свидетельствуют о том, что в насыпи находилась некое объемное деревянное сооружение, а не плоский помост. Это же косвенно подтверждается размерами конструкции, которая подпадает под параметры камер, приводимые А.-С. Граслунд [Gräslund 1980: 7-9, 12].

Небольшое количество заклепок и гвоздей, острые углы тлена и другие детали, как уже отмечалось Е.Н. Носовым, не дают права говорить о присутствии в насыпи ладьи или лодки. Но имеющих в наличии заклепок хватает не на часть борта, а лишь на одну-две доски, которые могли быть употреблены при сооружении камеры [Сорокин 1993: 122-123; Müller-Wille 1970: 236]. Такому применению корабельных досок есть многочисленные примеры и в Скандинавии,

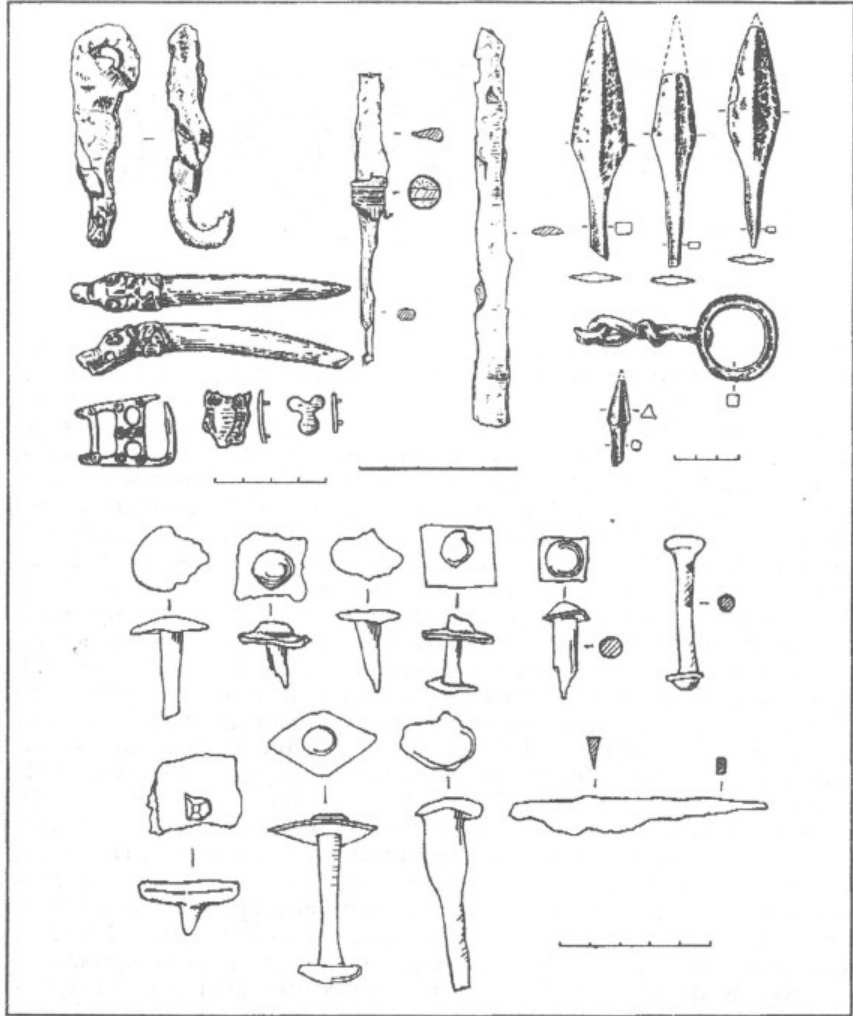

Рис. 3.

Инвентарь погребения в камере на вершине сопковидной насыпи и на Руси [Дубов, Седых 1992: 116-118]. Стоит добавить, что старые корабельные доски широко использовались жителями Ладоги, а несколько таких досок попали в плакунскую насыпь на начальном этапе ее сооружения как части погребальных носилок.

Положение коней вне тлена также имеет свое объяснение. Оно состоит в том, что кони были помещены в одной яме с умершим, между стенками камеры и ямы, как это было зафиксировано в погребениях с конем в Бирке, кургане № 17 могильника "в Березках" в Чернигове и некоторых других [Блѣфельд 1965: 131, рис. 15; Gräslund 1980].

Важное место в определении типа погребения, кроме конструктивных особенностей, занимает погребальный инвентарь. Показательно,

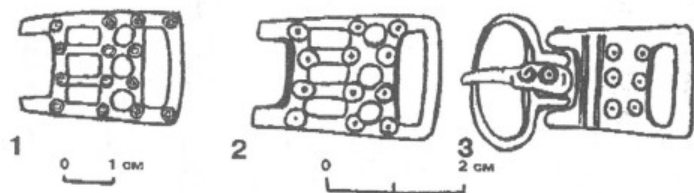

Рис. 4.

1 — Шестовицы, курган № 70; 2-3 — Коринф, слой X.

что, несмотря на то, что в данном случае отдельные элементы инвентаря имеют аналогии и в Скандинавии, и в Восточной Европе, именно в таком сочетании они встречаются в основном только в камерных гробницах X в. Так, костяное острие, предположительно служившее для развязывания узлов, имеет многочисленные аналогии в погребальных и поселенческих материалах эпохи викингов от Англии до Поднепровья [Пушкина 1993: 65-67]. Примечательно, что такие же острия были найдены в камере с конем в Гнездове и в сожжении скандинавского типа из раскопок Я.В.Станкевич в Шестовицах [Станкевич 1962: рис. 8. 1; Пушкина 1993: 65-67, рис. 5. 3]. Деревянные ведра с железными оковками или их остатки найдены в значительной части камер, и некоторые исследователи считают их обязательной принадлежностью инвентаря [Лебедев 1985: рис. 21]. Предмет с кольцом и подвижным штырем известен по работе Я. Петерсена, где он интерпретируется как предмет для подвешивания котла, но в погребении IX могильника Туна и ряде других он встречен в составе или на месте конской упряжи [Peterson 1951: 416-417; Arne 1934: 36, Taf. XXIX; Lehtosalo-Hilander 1982: 63, fig. 19]. В работе А.Н. Кирпичникова аналогичные находки называются вертлюгами — устройствами из набора конского снаряжения [Кирпичников 1973: 79]. Серебряные бляшки, вероятно, входившие в состав поясного или уздечного гарнитура, имеют некоторые соответствия в древностях волжских булгар и муромы [Казаков 1992: рис. XXII, 5-8; Кирпичников 1973: 25-26]. Обособленно в этом ряду стоит бронзовая пряжка, две прямых аналогии которой известны мне в недатированном кургане № 70 Шестовицкого могильника и в слоях X в. византийского Коринфа (рис. 4) [Блифельд 1977: 195, рис. XIX; Davidson 1952: 268, p. 1.115: 2217]. Она является производной формой от византийских пряжек трапецевидной формы с расчлененным основанием и, как правило, с фигурными изображениями [Чаллань 1954: 320-324]. Характерный тип ножа с проволочной обмоткой рукояти довольно часто встречается в северных могильниках от Средней Швеции и Готланда до Тимирево [Дубов, Седых 1992: 121, рис. 4, 4]. Довольно многочисленные подобные ножи в датских могильниках X в. [Lyndström 1995: 81-82]. В целом, по тем остаткам вещевого набора, которые дошли до нас, можно говорить о присутствии в погребении богатого снаряжения всадника, ведра и, вероятно, набора оружия (так как в большинстве камер могильников Бирки, Чернигова и др. наборы стрел встречены в комплекте с другими видами вооружения).

Все это сочетание разнообразного погребального инвентаря наряду с большой погребальной конструкцией из дерева и захоронением двух целых коней с ледоходными шипами у ног бесспорно указывает на скандинавские камерные погребения с конем как на единственный приемлемый круг аналогий для плакунского захоронения [Лебедев 1972: 190-191; Gräslund 1980: 39-43].

Долгое время в отечественной литературе почти единственными специальными работами по скандинавской погребальной обрядности были исследования Г.С. Лебедева, который в основном ограничился материалами Бирки и не рассматривал подробно весь комплекс погребальных традиций эпохи викингов [Лебедев 1974; Лебедев 1977:]. Так, в монографии шведской исследовательницы А.-С. Граслунд только в Бирке учтено 20 погребальных камер с конем (у Г.С. Лебедева — 16 погр. типа F) [Gräslund 1980: 39-43]. Однако, ряд таких погребений известен и в других районах Швеции, на о. Готланд и более десятка в Дании (рис. 5) [Müller-Wille 1976: 125-132; Stenberger 1961: 121, Abb. 19; Kjellmark 1906: 364-371]. Довольно значительное число этих захоронений исследовано в так называемых "дружинных" могильниках Древней Руси (всего около 20), где все они датируются X в. и выделяются на фоне других типов погребений (рис. 6). Для примера можно назвать шестовицкие курганы № 36, 42, 98, 110 (по Д.И. Блифельду), тимеровский курган № 100, гнездовские курганы Дн-4, Оль-30, Ц-191, Ц-255 и др. [Блифельд 1965: 21-22; Жарнов 1992: 14; Фехнер 1975: 20-23].

Если сравнивать плакунское захоронение только с этими погребениями, то вызывает вопрос необычное положение коней, которые ока-

Рис. 5.

Расположение могильников с погребениями в камерах с конями в Скандинавии эпохи викингов.

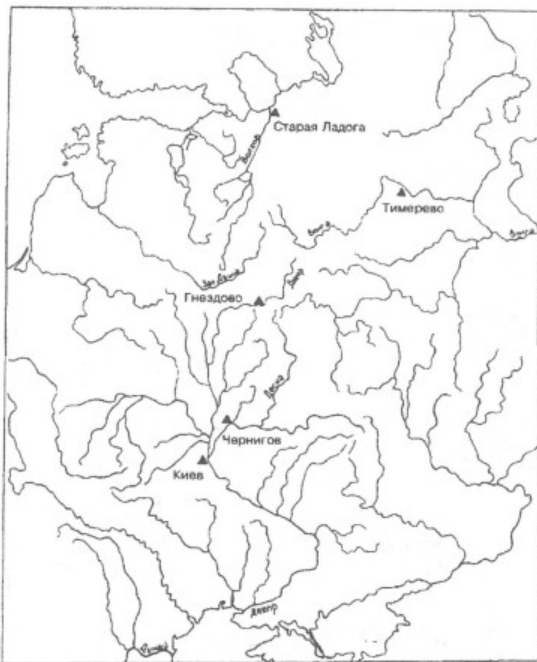

Рис. 6.

Расположение могильников с погребениями в камерах с конями на территории Восточной Европы.

Ц-191, Ц-255, вероятно, Оль-30 в Гнездово и захоронение у д. Гушино близ Чернигова из раскопок Д.Я. Самоквасова [Авдусин, Асташев, Пушкина 1976: 147-156; 1978: 655-58; Самоквасов 1917: 77-79, рис. 79]. На основании вышеизложенного можно допустить, что положение коня в камере не является столь единообразным, как считалось, и среди подобных захоронений с конем плакунская камера не выглядит одиноким исключением. Но она выделяется присутствием пары коней. Удвоение верховых, а не жертвенных, животных в этом случае, видимо, свидетельствует о значимости умершего в глазах людей, участвовавших в погребальной церемонии, и выделяет его из общей массы умерших. Так, известно, что по несколько коней было обнаружено в могилах вендельских вождей, в погребении с кораблем в Хедебю, которое в нескольких публикациях называется могилой шведских конунгов, в наиболее богатых камерах Бирки, по несколько коней было положено в захоронения представителей франкской аристократии в Турне и т.д. [Arwidsson 1942; Muller-Wille 1976: 17-20, Abb. 7; Perin, Feffer 1987: 119, 131].

¹ В работах западных исследователей появление коней в погребениях скандинавов, особенно с вещами восточных типов, часто связывают с влиянием погребальной обрядности кочевников Дунайского региона в эпоху переселения народов или в раннем средневековье.

зываются не в ногах погребенного, что называлось типичным для камерного обряда (в работах А.-С. Граслунд, Г.С. Лебедева и Д.И. Блительда), а сбоку от него. Однако в погребениях № 108 и 113 могильника Ире на о. Готланд, в погребении IV могильника в Реста в Ямтландане и в других, аналогичных по обряду остальных камерам с конем, конь находился сбоку от умершего [Kjellmark 1906: 364-371, fig. 18; Stenberger 1961: 121, Abb. 19; Gräslund 1980: 42]¹.

В Восточной Европе это такие погребения, как

Можно спорить о социальном статусе и этнической принадлежности погребенных в камерах, в том числе и с конем. Но, видимо, не стоит связывать их только с одной монолитной социальной группой (дружиной конунга), как это делал Г.С. Лебедев, несмотря на то, что в Дании часть этих захоронений связывают с деятельностью конунгов эллингской династии и их людьми [Лебедев 1977: 151-156; Лебедев 1985: 80; Randsborg 1980: 127-129]. А.-С. Граслунд и Ю.Э. Жарнов считают, что интерпретация Г.С. Лебедева неоправданно сводит всех погребенных в камерах только к членам королевской дружины. По их мнению, например, захоронения женщин и детей в камерах не укладываются в "дружинную схему" [Жарнов 1991: 217-218; Gräslund 1980: 79-81, 86].

Совсем недавно В.Я. Петрухин выдвинул свою версию происхождения обряда погребения в камерах с конем сбоку от покойника в могильниках Киева, Чернигова и Гнездова. Так, он пишет о том, что "в ряде случаев комплексов Киева, Чернигова и Гнездова кони помещены сбоку, как это было принято у кочевников" и что это является хазарским или печенего-венгерским влиянием на обряд и, вероятно, отражает проникновение степняков в древнерусскую дружину [Петрухин 1993: 75-76].

Безусловно, в комплекс погребального инвентаря камер входят типы поясной и уздечной гарнитуры, украшений, оружия, которые широко бытуют от Поволжья до Паннонии. Но в погребениях кочевников с IX по XI в. от Волги до Дуная находят, в большинстве случаев, только отдельные части туши или шкуры коней (правда, в некоторых катакомбных погребениях салтово-маяцкой культуры есть погребения целых коней в дромосе) и прямых соответствий в этот период камерный обряд в степной зоне не имеет, в то время как в скандинавские погребения преимущественно попадал целый конь [Казаков 1992: XXIII, 5-8; Балинт 1972; Плетнева 1990: ; Плетнева 1958:]. Следует учитывать и контекст самих могильников, где обнаружены камеры с конем, в частности Плакун. Так, выше уже приводились примеры плакунскому обряду в могильниках Скандинавии. Кроме этого, можно добавить, что шведские исследователи, вслед за Т. Арне, выводят истоки скандинавского обряда погребения в камере из аналогичных погребений германских племен (саксов, франков и т.д.) [Gräslund 1980: 46]. Вариант этой обрядности мог попасть в Швецию через о. Борнхольм, где известны могилы военной аристократии с оружием и конем эпохи Меровингов [Jorgensen 1991: 109-125]. На территории Руси этот обряд появляется в сложившемся виде уже в X в. и западные археологи со времен Т. Арне не видят принципиальных различий между камерами Бирки, Гнездова или Чернигова.

Последний вопрос, который возникает в связи с этим захоронением — почему оно оказалось на вершине высокого кургана, а не в материковой яме под едва заметной насыпью? В 1985 г. Е.Н. Носов предположил, что особенности сооружения плакунской насыпи и верхнего погребения связаны с влиянием ладожского населения, соорудившего сопки, хотя признать типичной сопкой эту насыпь он отказался, склоняясь к признанию смещения в ее обряде сопочных и скандинавских традиций [Носов 19: 155]. Развивая эту точку зрения, Н.И. Петров предположил, что "труположение на вершине сопковидной насыпи маркирует собой начало процесса восприятия пред-

ставителями военно-административного аппарата княжеской власти в Ладогe ("ладожская Русь") местной сопочной погребальной традиции, свидетельствует о "растворении" погребальной "субкультуры ладожской Руси" в сопочной традиции" [Петров 1994: 31].

Однако, следует вспомнить, что традиция сооружения высоких погребальных насыпей в эту эпоху не являлась монополией населения культуры сопок. Начиная с А.А. Спицина существует "северная (скандинавская) гипотеза" происхождения сопок, которую активно поддерживают В.Я. Конецкий и Д.А. Мачинский [Конецкий 1993: 14, 22]. В Скандинавии этот обряд сохраняется и после эпохи Венделя в виде немногочисленных курганов с богатым инвентарем, которые принадлежали высшему слою аристократии (курганы в Хедебу, Ладбю, Гокстаде, Туне и др.) [Randsborg 1980: 18-20; Bersu, Wilson 1966: 63, fig.38; Лебедев 1985: 79-80]. Вероятно, с этими курганами связана традиция сооружения одиночных гигантских насыпей в древнерусских дружинных некрополях X в. Гнездова и Чернигова, в которых нашли свое упокоение представители варяго-русской элиты. Высокая плакунская насыпь, занимая иной, чем сопки, природный ландшафт, неся в себе чуждую сопкам погребальную традицию, относится к скандинавскому могильнику Плакун, на котором уже было открыто погребение в камере и, скорее всего, связано именно со скандинавской традицией сооружения высоких элитарных курганов.

Так, одной из возможных аналогий плакунской насыпи может оказаться северный курган или курган Тюры в Эллинге. Курган имеет диаметр 65 м и высоту 8,5 м. Он был сооружен над деревянной камерой, имевшей длину 6,75 м, ширину 2,6 м и высоту 1,4 м, которая была поставлена на небольшой курган эпохи бронзы. По немногим оставшимся вещам (обломки вещей из снаряжения всадника, остатки ларца, серебряный кубок, золотое шитье) можно судить о богатстве погребения. В камере был найден конский зуб — факт, позволяющий допустить присутствие в ней коня. Считается, что в кургане были захоронены датский конунг Горм и его жена Тюра. В конце X в. их сын — конунг Харальд, после принятия крещения, перезахоронил останки родителей в такой же камере у подножия кургана под церковью [Krogh 1983: 183-216]. Кроме погребения в камере и высокой курганной насыпи, эти два захоронения сближает и тот факт, что в обоих случаях на уже готовую курганную насыпь установили камеру, а затем насыпь досыпали.

О датировании плакунского погребения можно сказать немного. Так, О.И. Богуславский и А.Д. Мачинская предложили для этого погребения дату между 890 и 920 гг., на основании присутствия в курганах Юго-Восточного Приладожья отдельных типов вещей из него [Богуславский, Мачинская 1993: 120]. Сузить дату позволили заклепки, которые встречены в нескольких приладожских курганах [Богуславский 1991: 99-114]. Эта дата представляется спорной хотя бы потому, что предложенная хронологическая шкала О.И. Богуславского создавалась для изолированного региона со специфическими памятниками, а датировка данного погребения требует привлечения материалов классических могильников эпохи викингов. В Скандинавии этот тип захоронений датируют первой половиной — серединой X в. В древнерусских "дружинных" некрополях Гнездова и Тимерева

были исследованы погребения в камере с конем, которые можно датировать второй половиной — концом X в. В настоящее время плакунское захоронение можно широко датировать всем X в. Какие-то уточнения этой даты возможно будут сделаны или при помощи естественнонаучных методов (используя дерево из нижних погребений плакунской насыпи), или после доследования могильника Плакун, где могут еще сохраниться грунтовые погребения.

- АВДУСИН, Д.А., Н.И. АСТАШЕВА, Т.А. ПУШКИНА. 1976.* Отчет Смоленской археологической экспедиции МГУ в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Дело 6150.
- АВДУСИН, Д.А., Е.В. КАМЕНЕЦКАЯ, Т.А. ПУШКИНА. 1978.* Отчет о раскопках в Гнездове в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Дело № 8395.
- БАЛИНТ, Ч. 1972.* Погребения с конем у венгров в IX-X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров: 176-188. М.
- БЛПФЕЛЬД, Д.И. 1965.* Древньюрський могильник в Чернигові // Археологія XVIII: 105-138. Киев.
1977. Давньюрські пам'ятки Шестовиці. Киев.
- БОГУСЛАВСКИЙ, О.И. 1991.* К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX-XII веков // Археологические изыскания. Проблемы хронологии и периодизации в археологии: 99-114. Л.
- БОГУСЛАВСКИЙ, О.И., А.Д. МАЧИНСКАЯ. 1993.* Сяськое городище и поселения Нижнего Поволжья // Петербургский археологический вестник 6: 117-122. СПб.
- БУЛКИН, В.А., И.В. ДУБОВ, Г.С. ЛЕБЕДЕВ. 1978.* Археологические памятники Древней Руси. Л.
- БУЛКИН, В.А., В.А. НАЗАРЕНКО, Е.Н. НОСОВ. 1972.* О работах Староладожского отряда // Археологические открытия 1971 г.: 31-32. М.
- ДУБОВ, И.В., В.Н. СЕДЫХ. 1992.* Новые исследования Тимиревского могильника // Древности славян и финно-угров: 143-152. СПб.
- ЖАРНОВ, Ю.Э. 1991.* Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово: 200-226. М.
1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Автореф. канд. дисс. М.
- КАЗАКОВ, Е.П. 1992.* Культура ранней Волжской Булгарии. М.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н. 1973.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // Свод археологических источников. Е1-36. Л.
- КОНЕЦКИЙ, В.Я. 1993.* Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I — нач. II тыс. н.э. // Новгородский исторический сборник 4 (14): 3-26. Новгород.
- ЛЕБЕДЕВ, Г.С. 1972.* Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Канд. дисс. Л.
1974. Шведские погребения в ладье VIII-IX вв. // Скандинавский сборник 19: 155-187. Т.
1977. Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке // Скандинавский сборник 22: 141-158. Таллин.
1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.
1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
- ЛЕБЕДЕВ, Г.С., СЕДЫХ В.Н. 1985.* Археологическая карта Старой Ладogi и ее ближайших окрестностей // Вестник ЛГУ: 2, 9: 15-25.
- НОСОВ, Е.Н., В.Я. КОНЕЦКИЙ. 1974.* Исследования в урочище Плакун близ Старой Ладogi // Археологические открытия 1973 г.: 23-24. М.
- НОСОВ, Е.Н. 1985.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладoge // Средневековая Ладoga: 147-155. Л.

- ПЕТРЕНКО, В.П.** 1985. Классификация сопок Северного Поволжья // Средневековая Ладога: 123-146. Л.
1994. Погребальный обряд населения Северной Руси. СПб.
- ПЕТРОВ, Н.И.** 1994. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладого: социокультурная позиция в "блоке" погребальных традиций Северного Поволжья // Новгород и Новгородская земля. История и археология 8: 23-36. Новгород.
- ПЕТРУХИН, В.Я.** 1993. Варяги и хазары в истории Руси // Этнографическое обозрение 3: 68-82.
- ПУШКИНА, Т.А.** 1993. Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Труды ГИМ 82: 57-68. М.
- ПЛЕТНЕВА, С.А.** 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА 62. М.
1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). М.
- РАВДОНИКАС, В.И.** 1947. Староладожская экспедиция // Фотоархив ИИМК РАН № 1631-14, 15.
- САМОКВАСОВ, Д.Я.** 1917. Могильные древности Северянской Черниговщины. М.
- СЕДОВ, В.В.** 1970. Новгородские сопки // Свод археологических источников Е1- М.
- СОРОКИН, П.Е.** 1993. Строительная традиция Северо-Западной Руси в Средневековье // Новгород и Новгородская земля. История и археология 7: 122-128. Новгород.
- СТАНКЕВИЧ, Я.В.** 1962. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. // КСИА 87: 6-30. М.
- ФЕХНЕР, М.В.** 1975. Отчет о раскопках 1974 г. Б. Тимиревского могильника Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1 дело № 5979.
- ЧАЛИАНЬ, Д.** 1954. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства // Acta Antiqua II, № 3-4: 311-348. Budapest.
- ЧЕРНЯГИН, Н.Н.** 1941. Длинные курганы и сопки // МИА 6. М.-Л.
- ARNE, T.J.** 1934. Das Bootkabakfeld von Tuna im Alsike. Stockholm.
- ARWIDSSON, G.** 1942. Valsgarde 6. Uppsala.
- BERSU, G., D.M. WILSON.** 1966. Three graves in the Isle of Men. London.
- DAVIDSON G.R.** 1952. The Minor objects // Corinth (Results of excavations) XII. Princeton.
- GRÖSLUND, A.-S.** 1980. Birka IV: The burial customs. A study of the graves on Bjökko. Stockholm.
- JORGENSEN, A.** 1991. Weapon graves and warrior aristocracy. The establishment of central power on Bornholm in the 6-th — 8-th centuries // Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifte 22, 2: 109-125.
- LEHTOSALO-HILANDER, P.-L.** 1982. Luistari II. The Artefacts. Helsinki.
- LYNDSTRØM H.** 1995. Knives from the Late Iron Age in Denmark // Theses and Papers in Archaeology N.S. (ed. by I. Jansson) A-7: 79-82. Stockholm.
- KJELLMARK, K.** 1906. Ett Graffält fran den Yngre Jarnaldern i As i Jamtlanden // Ymer XXV: 351-371. Stockholm.
- KROGH, K.J.** 1983. The Royal Viking Age Monuments in Jelling in the Light of Recent Archaeological Excavations // Acta Archaeologica 53: 183-216. Kobenhavn.
- MÜLLER-WILLE, M.** 1970. Bestattung in Boot // Offa 25/26. Neumünster.
1976. Das Bootkammergrab von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu 8. Neumünster.
- PERIN, P., L.-C. FEFER.** 1987. Les Francs. A la conquete de la Gaule 1. Paris.
- PETERSEN, K.** 1951. Vikingetidens redskaper // Skrifter der Norske Videnskaps 2. Oslo.
- RANDBORG, K.** 1980. Viking Age in Denmark. London.
- STALSBERG, A.** 1980. Novgorod-sopkane // Fornvennen 75, 1: 15-19.
- STENBERGER, M.** 1961. Das Graberfeld bei Ihre im Kirchspeil Helvi auf Gotland // Acta Archaeologica XXXII. Kobenhavn.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ОБУВЬ ПОВОЛХОВЬЯ И ВОПРОСЫ СЛОЖЕНИЯ ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА

Кожевенно-обувное производство по археологическим находкам кожаных предметов, инструментария и оборудования мастерских в русских городах, с XI в. представлено уже в сложившемся виде. Это выступает в формах кроя, пошива и декора изделий в большом количестве встречаемых в слоях XI-XIII вв. во Пскове, Новгороде, Смоленске, Полоцке и других городах. Для характеристики производства показательны наиболее массовые изделия — обувь, являющиеся и наиболее сложными с технологической точки зрения. Древнерусская обувь имеет унифицированные формы раскроя и пошива, а также единые для многих городов приемы в виды декоративного оформления, в то же время сохраняя некоторые локальные или региональные черты своеобразия [Зубкова, Курбатов 1992:39-42]. Коллекции кожаных изделий из древнерусских городов отражают единые для большинства центров лесной зоны Восточной Европы традиции обувного производства, стадийно связанные с технологией, моделированием и декоративным оформлением изделий XIV-XVI вв. [Оятева 1962:94].

С другой стороны, период сложения средневекового городского ремесла, по всей видимости отличающийся многообразием моделей, процессом отбора отдельных перспективных элементов в конструкциях, приемов раскроя и пошива, а также совершенствованием наиболее удачных моделей и фасонов — этот этап в настоящее время можно проследить в основном только на материалах Старой Ладogi [Оятева 1965:42-52], комплексно датированных IX в. (горизонт Е 3), среди которых отдельные находки из нижнего пласта этого горизонта датируются второй половиной VIII в. [Рябинин, Черных 1988:98] Ранняя группа старолажских кожаных предметов, по оценке Е.И. Оятевой, включает 41 экземпляр обуви 8-ми различных моделей, выделяемых по техническим (варианты раскроя и пошива) и, отчасти, декоративным признакам [Оятева 1965: рис. 1, табл. 1]. Эти находки можно дополнить материалами из раскопок В.П. Петренко на Варяжской улице в 1975-76 гг. [Петренко 1976:10-11, рис. 33; Петренко 1977:6-14]. В частично сохранившейся депаспортизованной коллекции имеется 11 кожаных предметов. По сериям дендродат, комплексам находок, в том числе из построек, а также по стратиграфическим наблюдениям исследователь датировал нижние горизонты культурного слоя (VII-XI-й ярусы застройки) серединой IX — первой четвертью X в. [Петренко 1985:93-94]. Также к раннему периоду ладожского поселения относится единичный предмет из раскопок А.Н. Кирпичникова в 1991 г. — верх туфли [Кирпичников 1992:6], датируемый по слою IX — первой половиной X в. В целом, привлекаемая группа кожаных изделий имеет 10 единиц верха мяг-

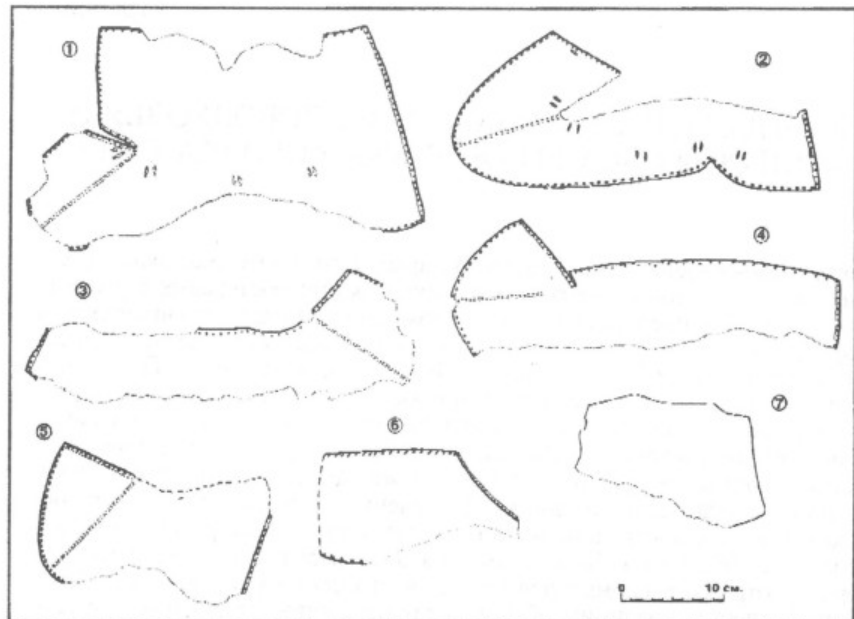

Рис. 1.
 Кожаные предметы из раскопа на Варяжской улице 1975-76 гг.
 1-6 — детали верха обуви, 7 — обрезок.

кой обуви, обрезок изделия бывшего в употреблении и фрагмент ремня. Детали обуви можно разбить на 3 группы по способам раскроя, пошива и декору. Эти группы в основных характеристиках сопоставимы с выделенными Е.И. Оятевой видами, но следует оговорить, что в силу фрагментарности находок, отнесение отдельных предметов к определенной группе основано на косвенных признаках, указывающих вероятный способ моделировки. Так, передняя часть верха туфли (рис. 1:5) отнесена к первой, наибольшей по численности, группе исходя из аналогичной другим находкам манеры соединения верха с подошвой, обреза носка, а также стилового единства декора — однорядной вышивной дорожки (рис. 1:1, 3, 4).

Первая группа включает 7 предметов (рис. 1:1-5; 2:2-3). Она отличается асимметричным раскроем верха и, вероятно, несколько вытянутой приостренной в пятке подошвой, что не исключает и использование подошвы с округлой пяткой. Эта неопределенность объясняется плохой сохранностью пяточного узла деталей. Обувь могла быть низкой — до щиколотки, или иметь высокие боковины. Способ крепления туфель на ноге определяется только на 3-х предметах — это кожаные ремешки шириной 4-5 мм., пропущенные сквозь серии сдвоенных прорезов на боковых участках верха на уровне лодыжки, а также спереди — на подъеме. Декор включает однорядную продольную горизонтальную строчку (т. е. поверхностное — "слепое" пропускание нити). **Вторая группа** обуви представлена одним предметом (рис. 2:1) с симметричным двучастным кроем

верха, видимо, из двух одинаковых половин, соединяемых по продольной оси носка и пятки. Сохранилась только правая половина верха. Линия обреза носка подошвы, судя по складкам и стертости верха, была слегка вытянутой и приостренной, а линия обреза пятки — округлой. Обувь крепилась на стопе кожаным ремешком, продернутым сквозь ряды парных прорезов по всей длине верха. Декор ограничен одним-двумя рядами продольных горизонтальных строчек нитяной расшивки по оси носка. Остается неясным оформление боковин верха, где виден вторичный обрез. Третья группа также включает один предмет (рис. 3) длиной около 56 см., представляющий цельнокроенный верх мягкой туфли со швом по оси носка. Сквозное соединение верха на носке, развернутое наружу, одновременно воспринимается и как декоративный элемент. Особенностью края можно считать небольшой прямоугольный язычок на нижней кромке детали в области пятки, подшиваемый внутрь. Он придавал дополнительную прочность пяточному узлу. Обувь крепилась на ноге кожаным ремешком, для чего предусмотрена пара прорезей на подъеме.

Описанные находки из раскопок В.П. Петренко и А.Н. Кирпичникова можно соотнести с предметами из предшествующих раскопок (рис. 4). Группа из 7-ми моделей по признакам асимметрии края и удлиненной пятке подошвы сопоставима с видом I у Е.И. Оятевой. Их сближает и вышивная строчка по носку. Туфля второй группы сравнима с IV видом обуви у Е.И. Оятевой, хотя она является дальнейшим развитием этого направления края, в котором цельнокроеный и симметричный относительно пятки верх уже разделяется на две продольно-симметричные половины. Эту находку отличает только способ крепления на ноге — с помощью кожаной завязки, продернутой в редко расположенные прорезы, что характерно для производства со сложившимися традициями моделирования обуви. Выделенный в третью группу экземпляр прямо соотносится с V видом обуви у Е.И. Оятевой, близкому по раскрою к виду IV. Различие здесь составляет только прямоугольный язычок на заднике, характерный для вида I. Таким образом, можно говорить о типологическом и, вероятно, хронологическом единстве комплексов кожаной обуви рассмотренных Е.И. Оятевой и впервые публикуемых из раскопок В.П. Петренко и А.Н. Кирпичникова. Все указанные находки из Старой Ладogi относятся к периоду сложения раннегородского субкультурного образования, каким поселение являлось в IX-X вв. [Кирпичников 1985:18-19].

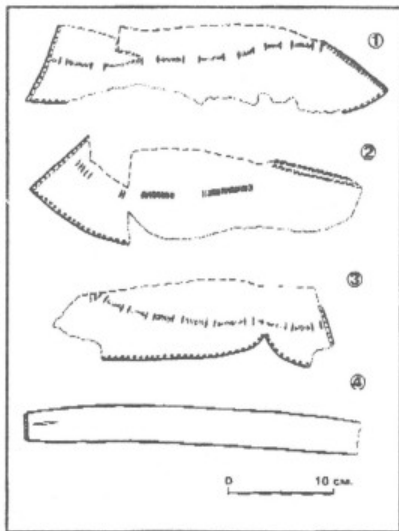

Рис. 2.
Кожаные предметы из раскопа на Варяжской улице 1975-76 гг.
1-3 — детали верха обуви, 4 — ремень.

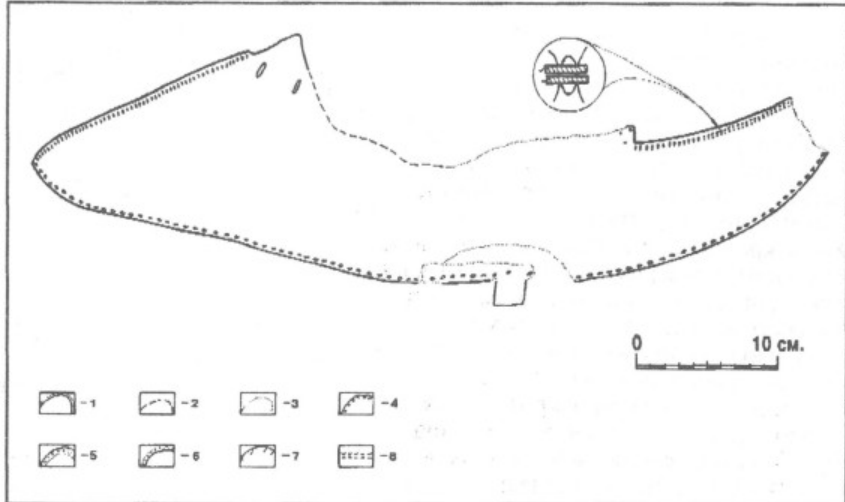

Рис. 3.

Верх кожаной туфли из раскопа 1991 г на "Земляном" городище.

Условные обозначения: 1 — лицевой и внутренний края обреза; 2 — вторичный обрез детали; 3 — обрыв края детали; 4 — сквозной шов; 5 — выворотный шов; 6 — точной шов; 7 — шов "через край"; 8 — "слепой" шов.

Раскопки 1994 г. на Рюриковом Городище дали еще одну модель мягкой обуви раннего средневековья. Здесь, в раскопе 2 на южном берегу Сиверсова канала в слое темно-коричневого гумуса с остатками органики (конец IX — начало X в.) найдена двухдетальная модель туфли с относительно высокими боковинами — до 13-15 см., закрывающими лодыжку и нижнюю часть голени [Носов 1995:8, рис. 57, 58]. Верх обуви раскроен в одну деталь длиной более 55 см., при ширине 16-17 см. Кожа тонкая — 1,0-1,2 мм., плотная, видимо из шкуры молодой особи крупного рогатого скота (опоек?), имеет частичное расслоение, указывающее на недостаточную степень продуба. Подошва однослойная, из тонкой (не более 1,2-1,5 мм.) кожи, расслоившаяся, со следами сильного износа (полностью протерта пятка и сильная стертость в области пальцев). На внутренней стороне подошвы, в носке, сохранились отпечатки ткани. Длина подошвы не менее 27,5 см. при ширине в пучках — около 12 см. и в пятке — около 8,5 см. Найденная модель является, видимо, мужской обувью под размер стопы 25-26,5 см., учитывая ее ношение с обертками и вероятную линейную деформацию деталей. Верх скроен по принципу "обертывания" и имеет неглубокий подтреугольный вырез длиной 5 см. на нижней кромке в области пятки и косой прорез там же,

К рис. 4.

Карта нахождения моделей обуви VIII-X вв., близких видам I-VIII из Старой Ладоги (по Е.И. Оятевой), на исследованных памятниках Европы.

А — Карта памятников, где встречены сходные модели. Б — количественный состав ладожской коллекции по видам края (сплошная заливка показывает новые находки, штриховка — предметы, учтенные Е.И. Оятевой). В — виды ладожской обуви по Е.И. Оятевой.

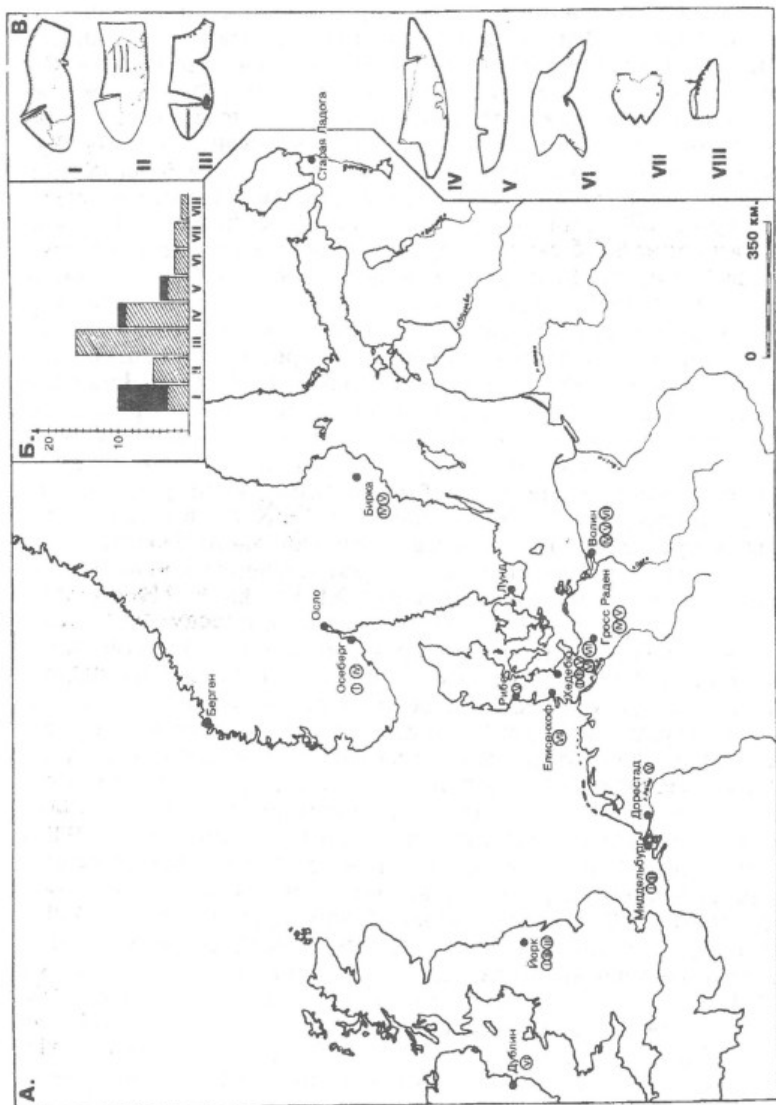

Рис. 4

сшивавшийся "через край" при взаимоналожении обрезов (рис. 5) Вырез и косой разрез видимо служили для придания пятке необходимой полноты (округлости). Типологически раскрой верха представляет две идентичные половины продольного членения, смыкающиеся пяткой. Сшивание краев верха велось по длинной оси носка при вертикальном перекрывании обрезов. Характерные следы вдавлений вокруг сквозных отверстий предполагают использование металлической нити. По краям верха на подъеме имеется серия широких прорезов (8-12 мм. и более) со стертymi и смятymi краями, указывающие на способ крепления обуви на ноге — при помощи кожаного ремня шириной 4-5 мм., шнуровавшего подъем обуви, затем обернутого вокруг голени один или несколько раз и закрепленного в прорези на внешней стороне стопы, по-видимому, аналогично модели из Осеберга [Blindheim 1959:fig. 4; Les Scandinaves... 1992:cat. №155]. Разрез длиной 4,5 см. на верхнем обрезе детали, вероятно не имел конструктивного значения. Основной шов модели — соединение верха с подошвой — вероятно был выполнен металлической нитью. В отверстиях швов на подошве сохранились частицы железа¹.

За прошедшие десятилетия со времени первой публикации Е.И. Оятевой коллекции раннесредневековой обуви из Старой Ладogi, в разных регионах Европы накоплен значительный объем археологических материалов конца I — начала II тыс. н.э., вызывая необходимость снова обратиться к анализу старолadoжских находок. Особый интерес представляет возможность определения уровня развития ремесленного производства в Старой Ладoge в IX-X вв. в сравнении с другими раннесредневековыми центрами северной части Европы.

Е.И. Оятева отмечала своеобразие раннесредневековой ладожской обуви по сравнению с находками XI-XII вв. из Новгорода, Белоозера, Пскова [Оятева 1965: 49-50]. Лadoжские предметы имеют не только несколько вариантов раскроя, но и различное сочетание конструктивных и декоративных элементов внутри выделенных видов, что создает своеобразие каждой модели. Это, в свою очередь, показывает индивидуальный характер пошива и, по-видимому, отсутствие сложившихся стандартов моделирования, отличающих конструкции развитого средневековья. Индивидуальность кроя моделей определяет и характер поиска аналогий ладожской обуви — отдельно для каждого изделия. Надо отметить, что с другой стороны все виды ладожской обуви имеют серии аналогий в комплексах раннесредневековых памятников северной и северо-западной Европы, выделяемых по группам устойчивых признаков. Одними из наиболее архаичных по раскрою в Старой Ладoge являются модели цельнокроенной обуви с едва намеченным разделением подошвы и верха [Оятева 1973:98-101, рис. 3-4], составляющие вид VII (рис. 4). Близкие им формы известны на поселениях Южного Шлезвига и Гольштейна в районе Хедебю-Ведельспан Моце, Лембексбург, а также Елиссноф [Hald 1972:85, 86, 99, fig. 76, 80, 111; Grenander-Nyberg 1985: abb. 68:3; 70:1], относимые исследователями ко второй половине VIII-IX вв. [Hald 1972:125-126, fig. 154-155]. Аналогичные модели в Волине и

¹ Спектрограмму металла получил ст.н.с. лаборатории спектрального анализа ИИМК РАН к.х.н. А.Н. Егорьков.

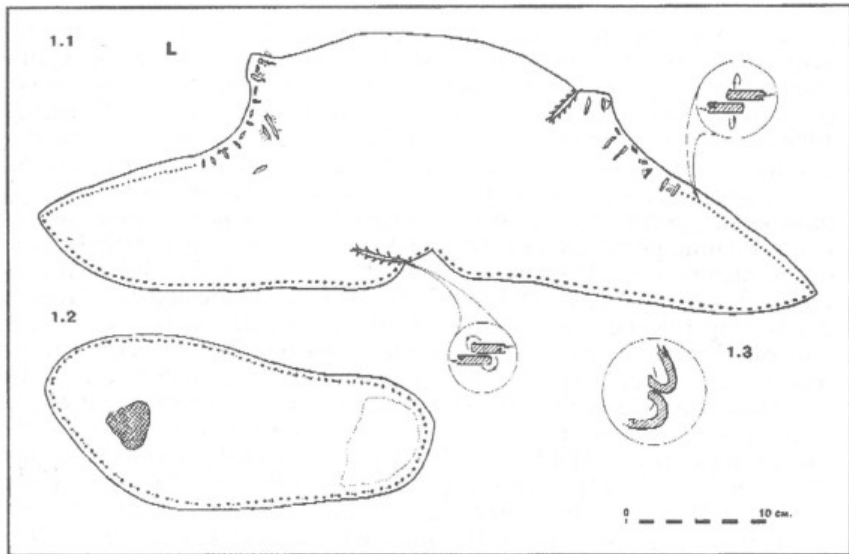

Рис. 5.

Модель обуви из раскопа 1994 г. на Рюриковом городище.

1.1 — верх; 1.2 — подошва; 1.3 — сечение основного соединения (подошвы и верха).
("Сеточка" покрывает отпечаток ткани на подошве).

Гнезю датируются IX в. [Wiklak 1969:486, fig. 12; Wojtasik 1960:159]. В материалах Хедебю близкие по раскрою туфли выделены в тип 9 [Groenman van-Waateringe 1984:27, abb. 12, 13]. Другим видом ладожской обуви был вид VI — туфли с высокими мягкими боковинами, цельнокроенным верхом, представляющим две продольные половины, смыкающиеся в пятке, и отдельно кроеной подошвой (рис. 5). По принципу раскроя — симметричные относительно вертикальной оси пятки две половины верха скроенные в одну деталь и сшиваемые по продольной оси носка — вид VI подобен видам IV и V. Отличия между ними состоят в высоте боковин верха, наличии или отсутствии треугольного выреза на нижнем обрезе в области пятки и незначительных различиях контуров раскроя. В северной Европе близкая по раскрою модель встречена в погребении из Осеберга (одна пара обуви) [Blindheim 1959:85, fig. 4] и на поселении Хедебю, где несколько находок этого вида отнесены к типу 10 [Groenman van-Waateringe 1984:27, abb. 12, 13]. Модели из Хедебю и Осеберга, в отличие от находок в Старой Ладогe и на Рюриковом Городище, имеют архаичный способ выкраивания длинного ремня для закрепления обуви на ноге в одну деталь с верхом, что восходит к позднеримским традициям [Hald 1972:63-65, fig. 57, 58; Groenman van-Waateringe 1984:abb. 39]. Виды IV и V ладожской коллекции имеют близкие формы раскроя в Хедебю [Ullemeyer 1970:abb. 7, 8], Дорестаде [Groenman van-Waateringe 1976:abb. 1:1, 2, 5, 7; 2:8, 9], Елисенхофе [Grenander-Nyberg 1985; Hald 1972:fig. 19]. Относящаяся к виду IV туфля из раскопа 1991 г. (рис. 3) имеет смещенный на сторону,

относительно продольной оси носка, шов. Подобная асимметричность раскроя отмечена в типе 4 из Хедебю, где модели этой группы имеют характерную сборку носка на одной из сторон, что позволяет сохранять симметричность переднего шва [Groenman van-Waateringe 1984:abb. 12, 13]. Отметим, что подобный конструктивный элемент в других коллекциях не выделен. Ладожская модель из двух отдельных продольных половин верха (рис. 2:1), видимо, являвшаяся дальнейшим конструктивным развитием моделей IV и V видов имеет аналогии в Волине [Wojtasik 1960:tab. XI:1-6], Рибе [Jensen 1991:28], Хедебю [Groenman van-Waateringe 1984:abb. 12, 13, taf. 2:3, 7:1,2; тип 3], Гросс Радене [Schuldt 1980:73-75, taf. 61:b, c], Елисенхофе [Grenander-Nyberg 1985:taf. 70:2], Бирке. Асимметричные формы раскроя из Старой Ладogi — виды I-III — также находят сравнимые группы находок на западноевропейских памятниках. Так, модель с высокими боковинами и широким неглубоким вырезом на нижнем обрезе верха в области пятки (вид I по Е.И. Оятевой) отмечена на поселениях Миддельбург [Hald 1972:108-112, fig. 138-142], Ведельспан Мозе [Hald 1972:fig. 92-94], в Йорке [Richardson 1959:fig. 22:8, 9], в погребении из Осберга [Hald 1972:112-117, fig. 144, 145]. Редкий декоративный элемент на обуви III вида из Старой Ладogi (рис. 4) — вырезной завиток — известен на одной модели из Елисенхофа [Hald 1972:fig. 116], и одной находке из Хедебю [Groenman van-Waateringe 1984:taf. 6:5] неопределенного типа.

Коллекции обуви VIII-X вв. с памятников Западной и Восточной Европы позволяют наметить общие тенденции развития приемов раскроя, пошива и декорирования моделей, а также показывают процесс выработки наиболее рациональной и удобной обуви для различных регионов Европы с учетом климатических условий, традиций населения, назначения обуви и, возможно, других факторов. В Северной Европе имел место интенсивный культурный обмен в конце I тыс. н.э., в том числе и в области ремесленных технологий, что фиксируется в Старой Ладoge на примере изучения железодельного и железообрабатывающего, ювелирного и костерезного производств [Давидан 1986:99-104; Рябинин 1994:51-55]. Другим фактором надо считать сложение раннегородских центров и выделение группы ремесленников, обеспечивающих жителей самих центров и округи бытовыми изделиями повсеместного использования, какими и является обувь. В период раннего средневековья деятельность профессиональных ремесленников была по-видимому связана с необходимостью постоянного передвижения от поселения к поселению и работы на заказ, что сохраняется в Швеции, например, для железообработки и в XIII-XV вв. [Розанова 1991:180] и отмечено в Норвегии на материалах обувного производства из захоронений XII-XII вв. [Schia 1977:148-149]. Вероятно именно сложение постоянного рынка сбыта обувной продукции в раннегородских центрах было главным фактором, повлиявшим на технологичность кожевенно-обувного производства, в частности, на унификацию и стандартизацию моделей обуви. В раскрое раннесредневековых моделей VIII-IX вв. преобладают цельнокроенные варианты симметричного, относительно продольной оси, кроя. Каждая из раскроек индивидуальна, но в целом можно выделять несколько основных вариантов [см. Оятева 1973:рис.

3]. В рамках этого технологического подхода существуют вариации с отдельно скроенными верхом и подошвой, а также разделение верха на две симметричные половины [Оятева 1973:рис. 4]. Симметричные формы в Старой Ладогe — виды IV-VIII — составляют 19 моделей из 40 относимых к определенному виду (рис. 4). В Хедебю обувь сходная со староладожской, выделяемая в типы 3, 4, 9, 10 представляет 94 из 210 отдельных моделей. В то же время развиваются и другие формы раскроя — с целым (без шва) носком и скроенными в одну деталь с носком боковинами — виды I-III (рис. 4). Шов в таких моделях проходит на внутренней стороне стопы. Однако распространены и симметричные варианты со швом на пятке, вида известного по раскопкам, например, поселения Эйдерстед [Hald 1972:fig. 121, 122]. Однако, можно отметить, что симметричные формы раскроя со швом на пятке, по-видимому, не были широко употребительными в это время. Как правило, одно из крыльев такой раскройки было длиннее, огибая пятку, и пришивалось к боковому обрезу другого крыла на внутренней стороне стопы (типы 1, 2, 7 в Хедебю) [Groenman van-Waateringe 1984:fig. 12, 13]. Именно такие модели — с различной длиной боковых сторон раскройки верха (крыльями) и швом на внутренней стороне стопы и становятся преобладающими, видимо уже с X в. И в Старой Ладогe и в Хедебю они составляют более половины всех моделей. В дальнейшем, видимо с XI в., подобный раскрой, но уже значительно унифицированный, становится базовым для обувного моделирования развитого средневековья как в Западной, так и в Восточной Европе. Модели же X в. еще сохраняют многообразие форм раскроя и вариаций внутри стабильных видов, о чем свидетельствуют обувные модели Ладоги (виды I-III) и Хедебю (типы 1, 2, 7 и близкие им 5, 6).

В моделях обуви раннего и развитого средневековья как в Западной так и в Восточной Европе можно проследить постепенное исчезновение ряда архаичных элементов в конструировании и декоре изделий. Для VIII-IX вв. цельнокроенная обувь, сравнимая с ладожским видом VII, видимо была еще повсеместно в употреблении, в том числе и в наиболее развитых, для этого времени, раннегородских центрах, например в Волине, Гнезно, Хедебю, Щецине [Wiklak 1969:486-487]. Однако ее количество, по отношению к другим видам раскроя, невелико. В наиболее представительных коллекциях этого времени, например, в Хедебю, цельнокроенная обувь типа 9 составляет 18 из 210 моделей, а в Старой Ладогe — 2 из 40. Видимо в начале X в. в крупных торгово-ремесленных центрах такие модели становятся малоупотребительными, то есть постепенно исчезают из области профессионального производства. В это же время, видимо, исчезает и другой архаичный конструктивный прием — раскрой в одну деталь с верхом длинного кожаного ремня, оборачиваемого вокруг голени при фиксации обуви на ноге, вида встреченного в погребении из Осеберга. Замена цельнокроенного ремня на небольшие завязки, вырезанные отдельно, можно проследить на модификациях типа 10 в Хедебю [Groenman van-Waateringe 1984:abb. 12, 13]. В комплексах IX-X вв. в незначительном числе встречаются модели, имеющие основное соединение "в подтай", то есть несеквозной шов на внутренней поверхности подошвы для соединения с нижним обрезом дета-

лей верха. Такие модели встречены в Миддельбурге (аббатство Валькерен) [Hald 1972:105-112], Хедебю [Groenman van-Waateringe 1984:abb. 16, тип 3.1], в Йорке [Richardson 1959:fig. 21, 22]. Вероятно, этот конструктивный прием исчезает на рубеже X-XI вв. Обувь XI-XII вв. сохраняет некоторые черты конструкций предшествующего времени, например, удлиненную пятку подошвы, встречаемых в материалах Лунда, Любека, Бергена [Groenman van-Waateringe 1988; Cinthio 1976:fig. 279:2; 281:3, 4; 285:1]. В западно-европейских городах модели с удлиненной и заостренной пяткой подошвы, вшитой в соответствующий вырез задника, выходят из употребления, видимо, в первой половине XII в. [Бebre 1987:28; Grew & Neergaard 1988:10, fig. 4]. В X-XI вв. широкое распространение более технологичной асимметричной модели раскроя приводит к замене еще одного элемента — конструктивного шва на продольной оси носка, соединявшего две половины верха. Шов, игравший и некоторую декоративную роль в отделке обуви, исчезающий в XI-XII вв., заменяется декоративной имитацией — расшивки цветными нитями по оси носка, называемой в древнерусской обуви "прошвы". Надо отметить, что некоторые из названных элементов раннесредневековых моделей, исчезающие в западно-европейской обуви в XI-XII вв. в русских городах продолжают существовать в профессиональном обувном производстве. Здесь широко используется цельнокрошенная обувь типа поршней, удлиненная пятка подошвы в мягкой обуви типа туфель, а также различная расшивка носка туфель типа "прошвы", что указывает на своеобразие кожевенно-обувного производства и формирование моды в русских средневековых городах.

Исследования последних лет позволяют уточнить время бытования отдельных моделей обуви раннего средневековья. Так, погребение в ладье из Осеберга, относимое ранее к середине IX в. [Hald 1972:112] по серии дендродат определяется 834 г. н.э. [Bonde 1994:138-140]. Туфля из раскопок у Рюрикова Городища в 1994 г., происходящая из слоя темнокоричневого гумуса, может быть датирована, кроме комплекса вещевых находок, конец IX — начало X в., единственным для данного участка дендроспилом, давшим порубочную дату 900 г. н.э. [Носов 1990:47]. Верх туфли из раскопок А.Н. Кирпичникова в 1991 г. на "Земляном Городище" в Старой Ладогe также получает теперь более "узкую" дату по серии дендроспилов построек — 915-945 гг. н.э. [Назаренко 1995]. Эти датировки, уточняющие время бытования отдельных моделей раннесредневековой обуви, вряд ли смогут определить точные хронологические границы каждой из многочисленных моделей или видов обуви, представленных в раннесредневековых памятниках. Значение этих датировок прежде всего в том, что они помогают определять время сложения кожевенно-обувного производства городского типа, то есть обладающего основными чертами средневекового городского ремесла, на "протогородских" поселениях. Судя по имеющимся данным, традиции стационарного обувного производства в Старой Ладогe начинают доминировать уже с середины X в. н.э. Наиболее ранний комплекс предметов такого облика представлен находками из раскопок В.П. Петренко на Варяжской улице (рис. 1; 2).

Изложенная тенденция развития раннесредневековых моделей обуви по материалам Севпной Европы арeалов Балтийского и Север-

ного морских бассейнов, видимо, является специфичной именно для этой зоны Европы, менее других подвержено влиянию позднеримской культурной традиции, слабые отголоски которой в моделировке и оформлении обуви встречаются в моделях второй половины I тыс. н.э. как реликтовые черты, не влияющие на основную конструктивную линию (или линии) развития, например: отмеченный ремень на одной модели из Осебергского погребения в ладье, скроенный в одну деталь с верхом обуви. Модели Северной Европы в I тыс. н.э. проходят самостоятельный путь развития от простейших форм, известных еще в эпоху бронзы, — грубые поршневидные кожаные "обертки" — до стандартизованных многочастных моделей развитого средневековья. Процесс совершенствования в кожевенно-обувном ремесле, надо полагать, был напрямую связан здесь с зарождением и трансформацией протогородских поселений, ориентированных на трансевропейскую торговлю, в раннесредневековые города с присущей им инфраструктурой, включая весь спектр ремесел, продукция которых удовлетворяла как нужды горожан, так и жителей сельской округи.

- БЕБРЕ, В.* 1987. Типы кожаной обуви Риги XII-XIV вв. и их ареалы // КСИА 190:25-31. М.
- ДАВИДАН, О.И.* 1986. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII-X вв. // АСГЭ 27599-105. Л.
- ЗУБКОВА, Е.С., А.В. КУРБАТОВ.* 1992. Некоторые вопросы сложения традиций средневекового русского кожевенного производства // Археология и история Пскова и Псковской земли: 39-42. Псков.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н.* 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога: 3-26. Л.
1992. Отчет об исследованиях Староладожской экспедиции в 1991 г. // Архив ИИМК, КП-4708.
- НАЗАРЕНКО, В.А.* 1995. Постройки из раскопа 1 на Староладожском "Земляном Городище" (по материалам полевых исследований 1984-1991 г.) // Доклад на заседании Славяно-финского сектора ИИМК РАН 8 апреля 1995 г. Протокол №7.
- НОСОВ, Е.Н.* 1990. Новгородское (Рюриково) Городище. Л.
1995. Отчет о работе Новгородской областной экспедиции в 1994 г. // Архив ИИМК РАН.
- ОЯТЕВА, Е.И.* 1965. Обувь и другие кожаные изделия из Старой Ладogi // АСГЭ 7: 42-59. Л.
1973. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ 15: 105-111. Л.
- ПЕТРЕНКО, В.П.* 1976. Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1975 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1975 г. Д. №163.
1977. Отчет о работах Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1976 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1976 г. Д. №46.
1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога: 81-116. Л.
- РОЗАНОВА, Л.С.* 1991. Итоги металлографического исследования кузнечных изделий // Л.С. Голубева, С.И. Кочуркина. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.): 116-181. Петрозаводск.
- РЯБИНИН, Е.А.* 1994. У истоков ремесленного производства в Ладoge (к истории общебалтийских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада: 5-59. СПб.

- РЯБИНИН, Е.А., И.Б. ЧЕРНЫХ* 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА 1: 72-100.
- BLINDHEIM, C.* 1959. Osebergskoene på ny // Viking XXIII. Oslo.
- BONDE, N.* 1994. De Norske vikingeskibesgraves alder // Nationalmuseets Arbejdsmark: 128-148. København.
- CINTHIO, M.* 1976. Skor // Uppgrävförflutet for PKbanken i Lund: Arcgaeologica Lundensia VII: 307-316. Lund.
- GRENANDER-NUBERG,* 1985. Lederfunde // Die fruhgeschichtliche Marschensiedlung beim Elisenhof in Eiderstedt 5: 219-248. Frankfurt-am-Main.
- GREW F. & M. DE NEERGAARD.* 1988. Shoes and pattens // Medieval finds from excavation in London 2. London.
- GROENMAN VAN-WAATERINGE, W.* 1976. Schuche aus Wijk Duurstede // I.P.P. Pabl 230.
- 1984.* Die Lederfunde aus Haithabu // Ausgrabungen in Haithabu 4. Neumünster.
- 1988.* Das Leder von Alt Lübeck // Lübecker Schrifte zur Archäologie und Kulturgeschichte 13: 141-154. Bonn.
- HALD, M.* 1972. The primitive shoes. Copenhagen.
- JENSEN, S.* 1991. The Vikings of Ribe. Ribe.
- RICHARDSON, M.* 1959. Excavations in Hungate, York // The Archaeological Journal CXVI for 1959: 51-113. London (1961).
- LES SCANDINAVES...* 1992. Les Scandinaves et l'Europe 800-1200. 22-e exposition d'art du Conseil de l'Europe. Paris.
- SCHIA, E.* 1977. Skomoter og håndverk på lands bygda i middelalder belyst ved funn i to stavkirker og en gravhaug // Universitetets Oldsaksamling 1975/1976: 137-149. Oslo.
- SCHULDT, E.* 1980. Handverk und Geverbe des 8. bis 12 Jahrhunderts in Mecklenburg. Schwerin.
- ULLEMEYER VON, R.* 1970. Textil- und Lederfunde aus Haithabu (Ausgrabungen 1963-64) // Ausgrabungen in Haithabu 4: 56-69. Neumünster.
- WIKLAK, H.* 1969. Polskie obuwie wczesnosredniowieczne z VIII-XIII w. na podstawie wykopalisk // Materiały Wczesnosredniowieczne VI: 475-517. Warszawa.
- WOJTASIK, J.* 1960. Wczesnosredniowieczne wyroby ze skory znalezione na stanowisku 4 w Wolinie // Materiały Zachodnio-Pomorskie VI: 159-208. Szczecin.

ХОЛОПИЙ ГОРОДОК НА ВОЛХОВЕ

В последние годы Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН (ранее ЛОИА АН СССР) ведет целенаправленные поиски и раскопки археологических памятников в Ильменском Поозерье и в верховьях Волхова. Основная цель этих работ — представить процесс становления Новгорода в единстве с развитием поселений его округи конца I тысячелетия н.э., выявить облик древностей предшествующего времени и учесть поселения эпохи расцвета Новгорода.

Одним из интереснейших памятников района является поселение Холопий городок (рис. 1), расположенное в 1 км вниз по течению р. Волхова от места слияния с ним его правого рукава р. Волховец и в 14 км от оз. Ильмень. Поселение состоит из городища и примыкающего к нему селища. Городище занимает высокое (5-7 м) всхолмление на правом берегу реки, среди низменной поймы. Севернее городка расположено озерко Холопье, соединяющееся с Волховом протокой. За озерком, к северо-востоку и востоку от поселения среди поймы вьется речка Робейка. Во время весенних паводков вся местность вокруг Холопьяго городка затопляется и всхолмление превращается в остров.

Длина площадки городища, вытянутого вдоль Волхова, около 100 м, ширина — от 12 до 20 м. Ранее она, очевидно, была значительно больше, поскольку со стороны реки во время половодий разрушения наблюдаются ежегодно. По имеющимся данным начала века ширина городка составляла 18 сажень (около 38 м), а длина 95 сажень (около 95 м) [Программа... : 144]. В 1929 г. Н.Н. Чернягин отмечал, что ширина площадки была около 25 м [Чернягин 1929: 43, 44].

На селище, возвышающемся над окружающей поймой на 1-2 м, культурный слой прослеживается на 30-40 м к северу и востоку от подножия городка.

Холопий городок привлек внимание исследователей с самого начала археологического изучения Новгородской земли. Его первое описание было сделано З. Ходаковским во время путешествия 1820-1821 гг. по северо-западным областям России [Историческая система... 1838: 10, 49; Отрывок из путешествия... 1839: 162, 163; Донесение... 1844: 102, 311]. О нем упоминали А.И. Кулжинский, Д.Я. Самоквасов, А. Елисеев, И.С. Романцев [Кулжинский 1861: 150; Самоквасов 1873: 110, 113; 1878: 229; Елисеев 1881: 314, 319; Романцев 1911: 63, 65]. В 1890 г. известным новгородским краеведом В.С. Передольским на Холопьем городке были "проведены изыскания", но в чем они заключались исследователь не сообщил [Передольский 1890: 506]. Из его позднейших работ мы узнаем, что на поселении находили человеческие кости, глиняные сосуды, куфические монеты, "небольшие ножички", ледоходные шипы и другие древности [Передольский 1893: 160, 161; Передольский / Новгород Великий... : 39].

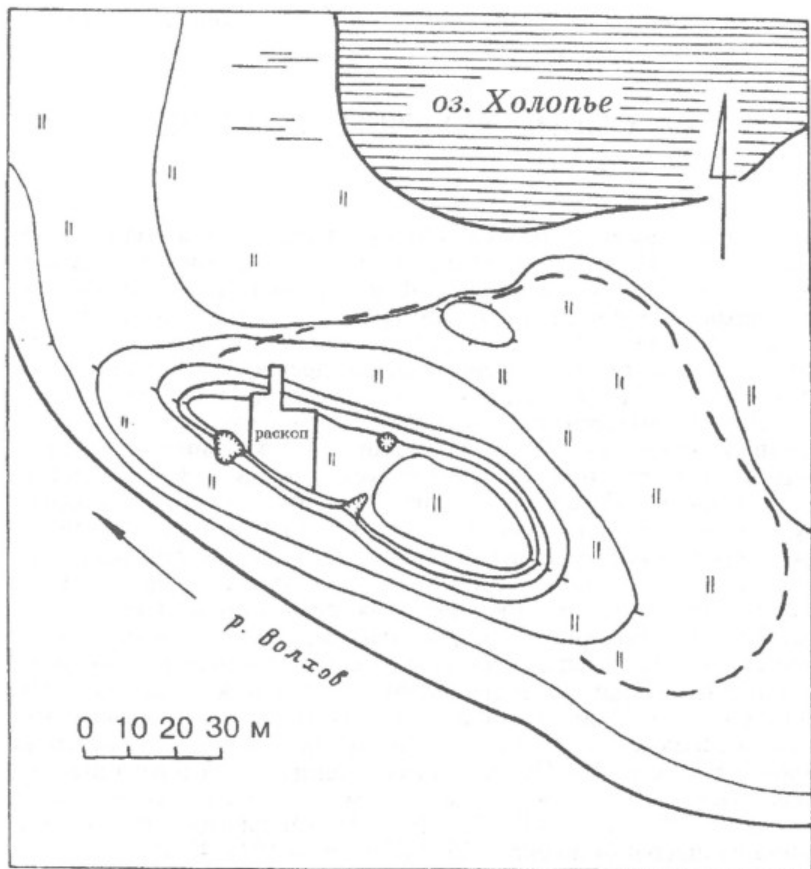

Рис. 1.

План поселения Холопий Городок. Прерывистая линия – граница селища.

В 1929 г. Холопий городок обследовал Н.Н.Чернягин, который снял первый план памятника [Чернягин 1929: 43,44]. В 1956 г. поселение осмотрел М.М.Аксенов. По обрыву площадки им была проведена зачистка культурного слоя [Аксенов: 6,7; Орлов, Аксенов 1961: 167,168]. В начале 1960-х годов городище посещал С.Н.Орлов, а в 1973 г. он предпринял на селище аварийные раскопки [Орлов 1967: 236; 1973: 16-21]. Раскоп площадью 136 кв.м. был расположен у северо-восточного подножия всхолмления по обе стороны силосной ямы (рис. 2). Мощность культурного слоя здесь составляла 0,4-0,6 м. Его распаиваемая верхняя часть светло-серого цвета имела толщину 0,25-0,3 м, а под ней залежали ненарушенные отложения темного цвета с прослойками золы и материкового песка. На площади раскопа были обнаружены остатки девяти комплексов, относящихся к концу I тысячелетия н.э. Все они представляли собой ямы и углубленные в материк основа-

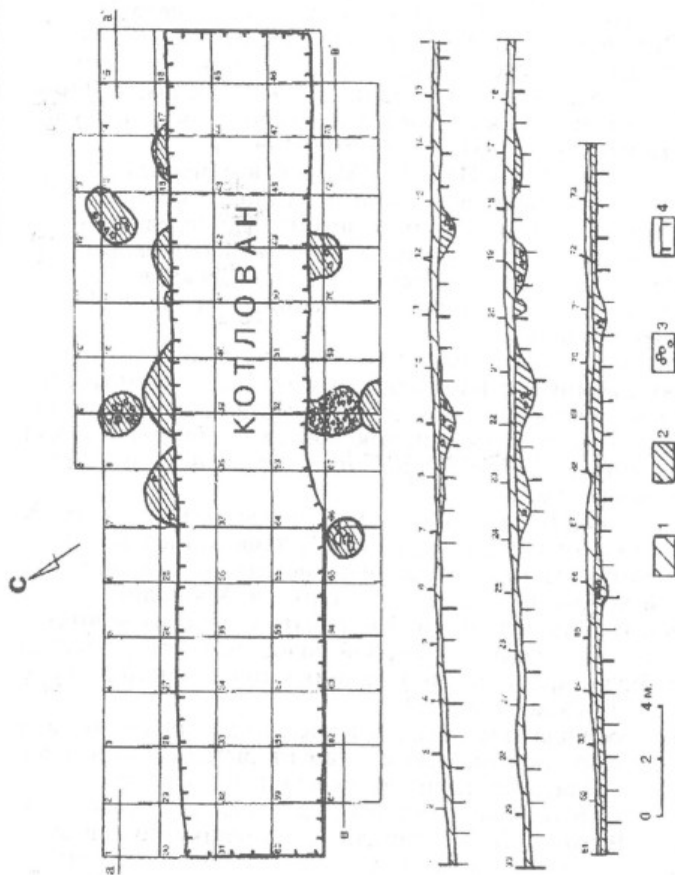

Рис. 2.

План и разрезы раскопа С.Н. Орлова на селище Холопий Городок.

Условные обозначения: 1 — пахотный слой, 2 — темный плотный перегной, 3 — камни, 4 — материк.

ния построек хозяйственного назначения. Отчетливых следов жилых домов не найдено. К сожалению, в октябре 1979 г. при вывозе песка значительная часть селища была уничтожена.

Именно во время этих работ, когда кучи песка с селища были высыпаны на дорогу у близлежащей фермы, рабочие обнаружили в них скопление восточных монет — клад. В Новгородский музей поступили 4 сасанидских драхмы и 20 куфических дирхемов. Можно с уверенностью утверждать, что еще одна драхма осталась у находчиков. Первоначальные размеры клада не ясны. Неоднократный осмотр участка у самого основания холма, откуда брали песок, предпринятый Н.П.Пахомовым в 1979 г., а в 1980 г. совместно Н.П.Пахомовым и Е.Н.Носовым с целью поиска возможных монет, оставшихся от клада, положительных результатов не дал. По мнению А.В.Фомина, определившего монеты клада, наиболее вероятная дата чеканки его младшей монеты — 810-812 гг. [Фомин 1993: 14].

В 1980-1981 гг. экспедиция ИИМК РАН впервые провела исследования собственно городища (возможно, на городке копал и В.С. Передольский, но мы об этом ничего не знаем). Непосредственным побудительным мотивом к началу наших работ явилось варварское разрушение части комплекса во время вывозки песка в 1979 г., подчеркнутое находкой уникального и древнейшего в районе Новгорода клада куфических монет.

Раскоп площадью 256 кв.м. был заложен в западной части городка и охватил всю ширину его площадки (рис.1). В культурном слое толщиной 0,3-0,8 м обнаружено большое количество обломков битого кирпича, фрагменты позднесредневековой (в основном XV-XVI вв.) керамики и лепной посуды разных эпох, отдельные предметы, несколько сооружений и ям.

Собранная коллекция объединяет материалы разных эпох. К древнейшему периоду относится керамика, шлифованное долото и несколько кремневых орудий эпохи раннего металла — второй половины II — первой половины I тысячелетия до н.э. Хронологические рамки следующей группы керамики могут быть определены второй половиной I тысячелетия до н.э. — первой половиной I тысячелетия н.э. (более подробную характеристику ранних материалов Холопьяго городка см. Носов, Плохов 1987: 35,36).

На площадке городища отчетливо представлены материалы конца I тысячелетия н.э. К этому времени относятся все открытые здесь древние сооружения (рис.3,4). Наиболее значительное из них находилось в центре раскопа и было вытянуто вдоль северного края площадки городища, противоположного Волхову. После зачисти по материке по северной стенке комплекса были зафиксированы остатки сгоревшей деревянной конструкции, от которой сохранились плашки, лежавшие, как правило, параллельно краю площадки городка. Длина плашек до 1 м (в основном до 0,4 м), ширина 0,04-0,1 м. Сразу за линией горелых плашек начинался склон городка. Вскрытая часть сооружения, уходящего за пределы раскопа, имела размеры 5-6 x 15 м, глубину от 0,2 м в западной части до 0,8 м в восточной, уплощенный пол и пологие стенки. В восточной части комплекса вдоль его южного и северного краев, а также на северной стенке был зафиксирован слой коричневой глины толщиной от 5 до 20 см и шириной у южного края сооружения 2-2,6 м, а у северного — 0,8-4

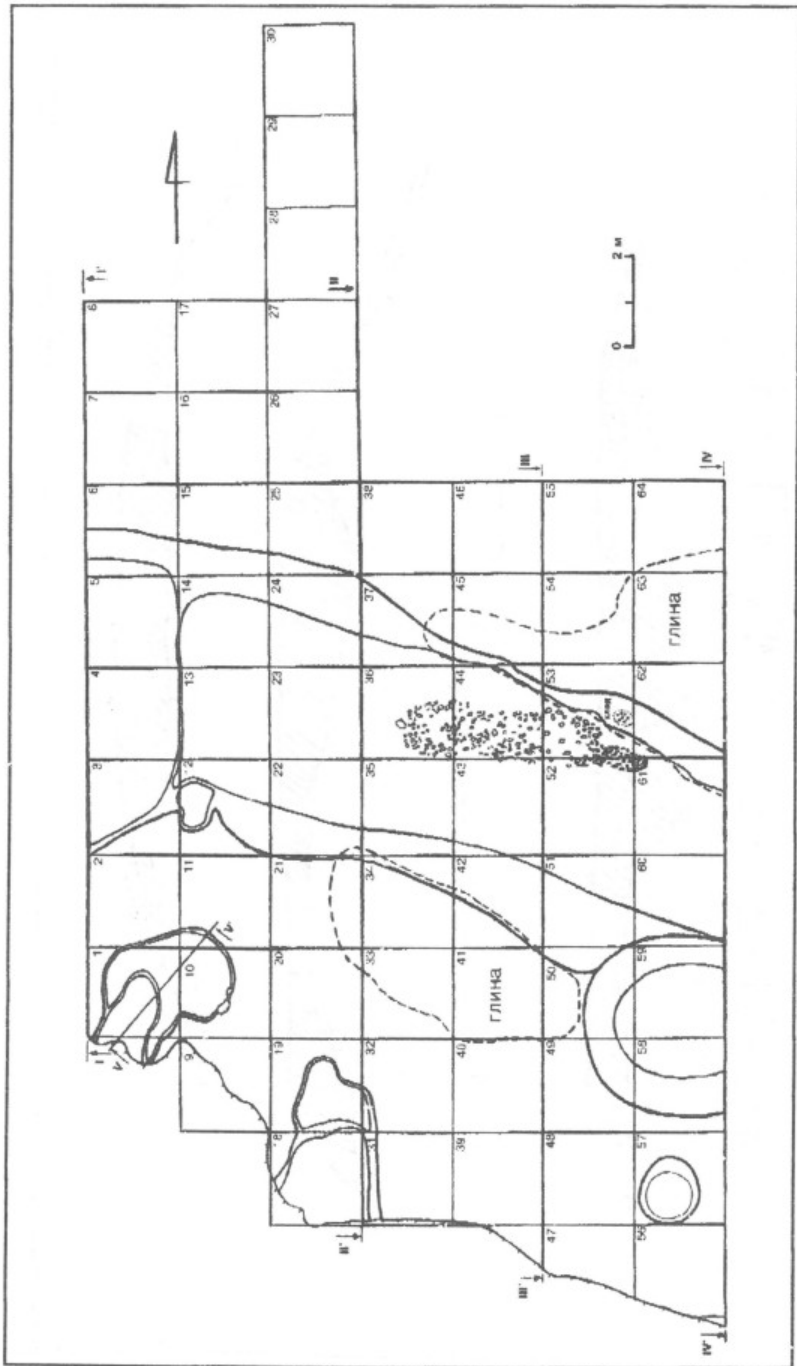
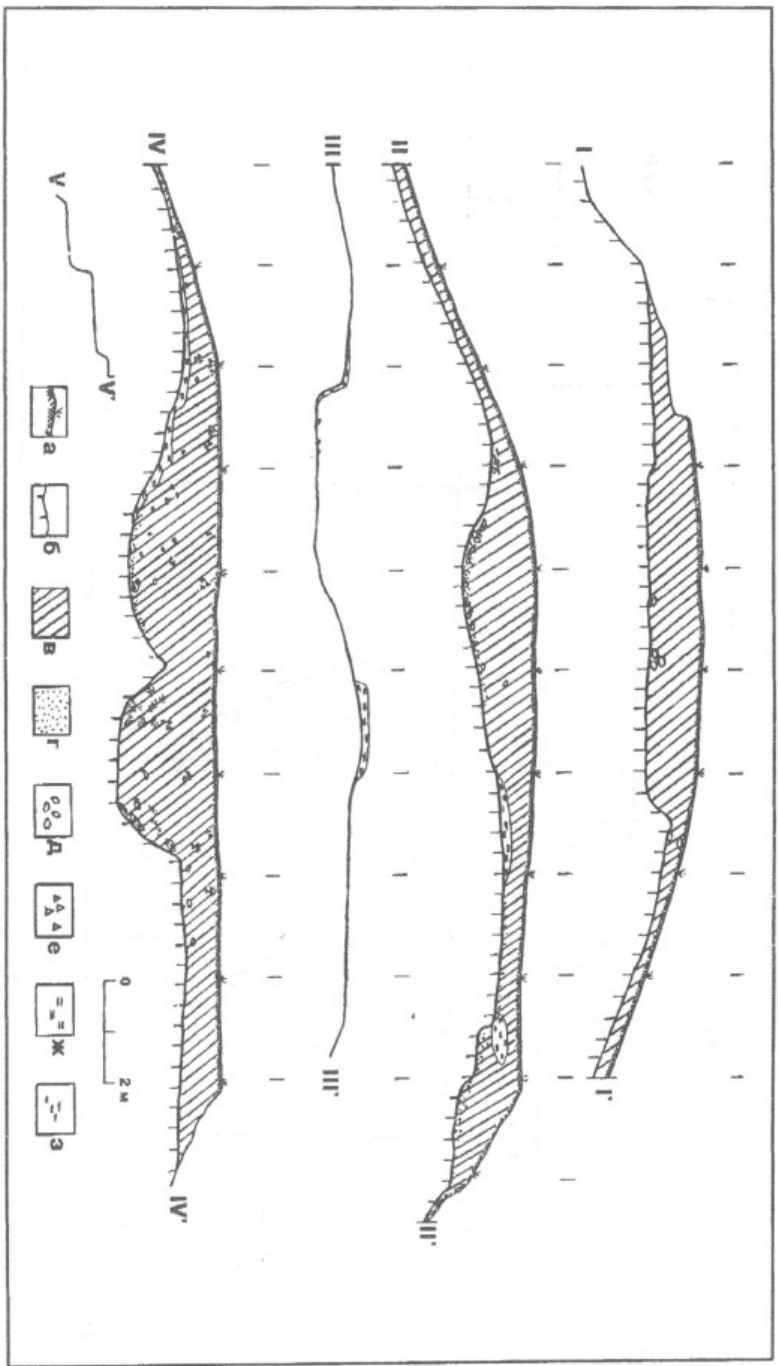

Рис. 3.
План раскопа на Холопьем Городке.

Условные обозначения: а — дюрн; б — материк; в — черная глина; г — песок; д — камень; е — битый кирпич; ж — коричневая глина; з — уголь.

Рис. 4.

м. Глина залегала непосредственно на материковом песке и, видимо, ее появление связано с какими-то конструкциями, располагавшимися по краям сооружения.

В этой части постройки на полу зафиксирован развал валунов размерами 0,08-0,2 м, частично побывавших в огне. Скопление, вытянутое по направлению запад-восток, имело размеры 0,4-1 x 5,3 м. Видимо, это остатки отопительного сооружения. В заполнении комплекса, особенно, в его восточной части встречено множество валунов, лежавших в несколько слоев. Ниже камней найдена исключительно лепная посуда (рис.9: 7,9-13; 10: 1-13,15-20), а также желтая и синяя бисерины, сланцевый оселок, калачевидное кресало (рис.12: 11), подвеска из красноватого янтаря с отверстием в верхней части (рис.12: 1), близкая подвескам известным в погребениях Бирки [Arbman 1940: Taf.103,2] и Саркельского могильника [Артамонова 1963: 122,132; Рис.73; 85,3; 89,1; 113,1], а также обломок бронзового предмета. В западной части сооружения, кроме фрагментов лепной керамики (рис. 8: 1,2,4-14) были найдены: каменное грузило от рыболовной сети, глазчатая бусина, желтая бисерина и обломок сланцевого оселка с отверстием для подвешивания (рис. 12: 12).

В кв. 53 в слое глины на северной стенке сооружения, на площади 0,3 x 0,4 м был обнаружен набор сельскохозяйственного инструментария. Он состоял из 12 предметов: двух железных наконечников пахотных орудий, двух кос, узколезвийного топора, удила, мотыжки, ножа, пещни, скобеля, точильного камня и железного клинышка (рис. 13, 14). Тот факт, что все предметы находились в постройке вместе, без деревянных частей орудий и инструментов, позволяет рассматривать их, принадлежащими к единому комплексу сокрытому одновременно. Именно поэтому набор найденных предметов возможно называть "кладом". Место находки клада свидетельствует о том, что он относится к начальному периоду существования комплекса. Назначение, открытого во время раскопок большого сооружения, не ясно. Необходимы дополнительные археологические исследования для выяснения общей картины.

Два других сооружения, открытых на Холопьем городке, имеют значительно меньшие размеры. Основание постройки в кв.1,2,10,11, частично разрушенное осыпями склона городка, представляет собой комплекс с размерами 1,6-2 x 3 м, глубиной 0,25 м с плоским полом и крутыми стенками (рис. 3). В полу сооружения имелась яма (0,7-1,2 x 1,8 м) глубиной 0,4 м с вогнутым дном и крутыми стенками, не отличавшаяся по заполнению от основного комплекса. В постройке было найдено несколько фрагментов лепной керамики (рис.8:3), железный наконечник стрелы, близкий по форме к ланцетовидным (длина 7 см, длина пера 5 см, ширина 1-3 см — рис.12:16), железный рыболовный крючок (рис.12:17) и кремневая пластинка.

Постройка в кв.18,19,31,32, также частично разрушенная осыпью края площадки, имела размеры 1,8 x 3,5 м и глубину 0,3-0,4 м. (рис. 3). Пол сооружения уложен и несколько понижается в южном направлении, стенки крутые. В заполнении найдено несколько фрагментов лепных сосудов (рис.11:1).

К тому же времени, что и сооружение относится яма в кв.57. Округлая в плане (диаметр 1,3-1,4 м) она имеет глубину 0,36 м,

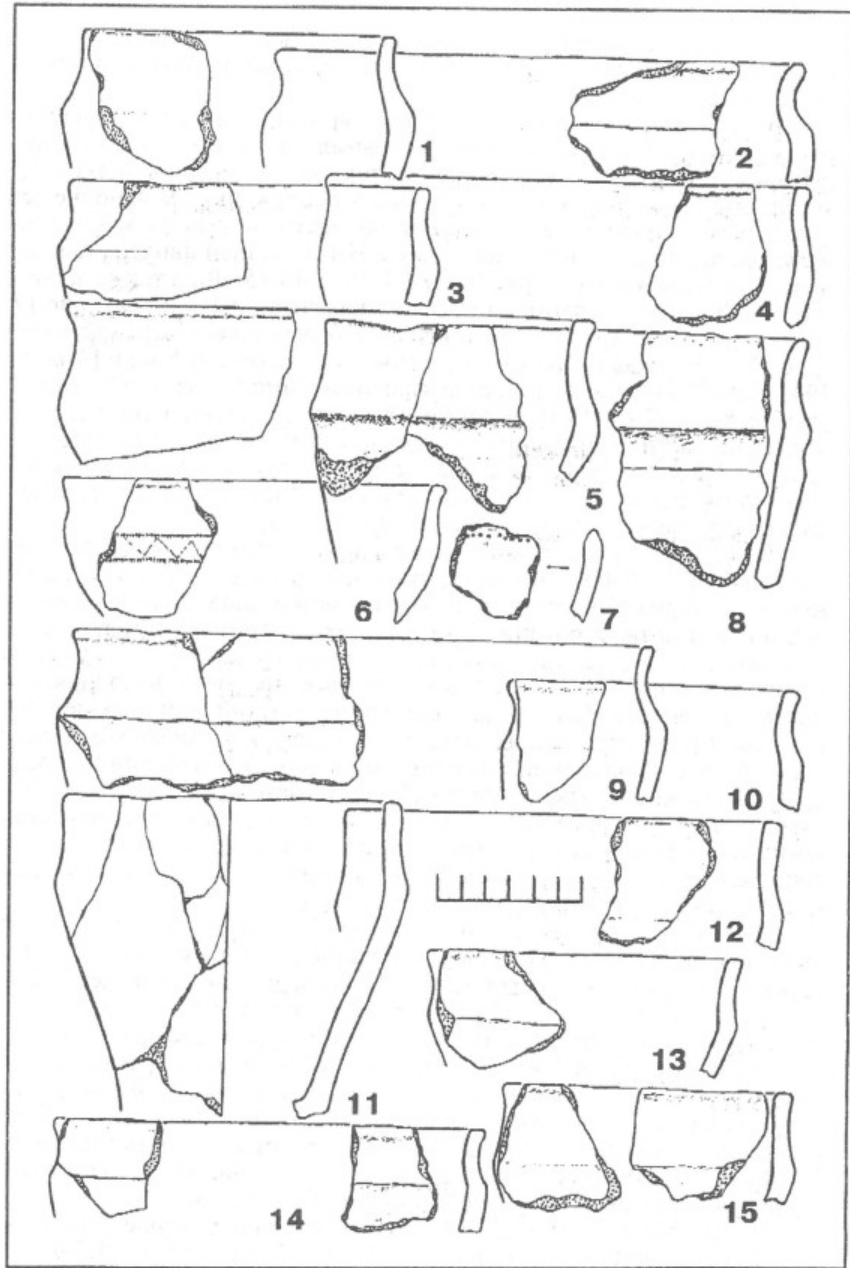

Рис. 5.

Керамика поселения Холопий Городок.

1, 2 – сборы М.М. Аксенова и С.Н. Орлова; 3-15 – раскопки С.Н. Орлова в 1973 г.

пологие стенки и вогнутое дно. В заполнении встречено несколько обломков лепной посуды (рис.11:2).

Наиболее многочисленную категорию находок на поселении Холопий городок составляют обломки глиняной посуды. К концу I тысячелетия н.э. относится исключительно лепная керамика. Раннегончарные сосуды на городище и на селище не найдены. Вся посуда поселения сделана из глины с примесью дресвы. Формовочная масса в большинстве случаев грубая. Дресва не колибровалась, частицы имеют размеры до 0,8 см в поперечнике (в основном до 0,4-0,6 см). В изломах черепков иногда фиксируются пустоты от выгоревшей органической примеси. На некоторых обломках отмечены отпечатки зерен злаков. Судя по характеру разломов, сосуды конструировались кольцевым ленточным налепом. Ширина лент 4-6 см. Толщина стенок горшков составляет в основном 0,8-1,0 см, несколько увеличиваясь к нижней части тулова. Днища горшков плоские, в большинстве случаев с ровной поверхностью. Толщина днищ, как правило, 0,8-1,3 см. Иногда на них заметна подсыпка мелкой дресвы и золы. В коллекции есть также один фрагмент сосуда на кольцевом поддоне (рис.6:12). Края венчиков уплощены, редко округлы, иногда они имеют незначительное утолщение с внешней стороны. На поверхности сосудов видны следы заглаживания, обычно, горизонтальные по венчику и вертикальные по тулову. Несмотря на это поверхность основной массы горшков шероховатая от выступающих зерен дресвы. Цвет керамики различен — от оранжевого до темно-серого. На стенках горшков иногда имеется нагар.

Орнаментация не характерна для лепной керамики Холопьяго городка. Она встречена только на обломках семи сосудов. Три горшка имеют по плечу горизонтальные желобки-каннелюры (рис.5:5; 8:13), один орнаментирован маленькими ямками по плечу (рис.5:7) и еще один украшен отпечатками веревочки намотанной на палочку по венчику и плечу (рис.7:5). Одна из мисок орнаментирована по плечу узором из двух параллельных линий с ломанной линией между ними, который выполнен веревочкой намотанной на палочку (рис.5:6). Кроме того, один миниатюрный сосуд имеет ямки по основанию шейки (рис.7:11).

Всего в коллекции поселения представлено около 170 обломков верхних частей сосудов, из них 64 позволяют судить о формах керамики. Основной категорией посуды на памятнике являются горшки. По характеру профилировки верхних частей среди горшков можно выделить группу, которую составляют сосуды с четко выраженным плечиком, часто с ребром при переходе от горловины к тулову и выделенной шейкой. Наибольший диаметр сосудов приходится на уровень плечиков. Отдельные горшки этой группы отличаются друг от друга по профилировке и размерам шейки, выраженности плечика и некоторым другим деталям. Толщина шейки, в основном, меньше толщины стенок. Большинство сосудов имеет отогнутую наружу или вертикально стоящую шейку и конически сужающееся ко дну тулово (рис.5:3,9,11,12; 6:1,3; 7:3,5,7,9,12; 8:1,3,4; 9:1,7-11; 10:6,17; 11:1-4,8). Некоторые горшки имеют выпуклое тулово (рис.5:1,10,14; 6:4,5; 8:2,12; 11:6). К этой группе можно отнести и сосуды с каннелюрами. Керамика входящая в эту группу составляет больше половины лепной посуды конца I тыс.н.э. с поселения и опреде-

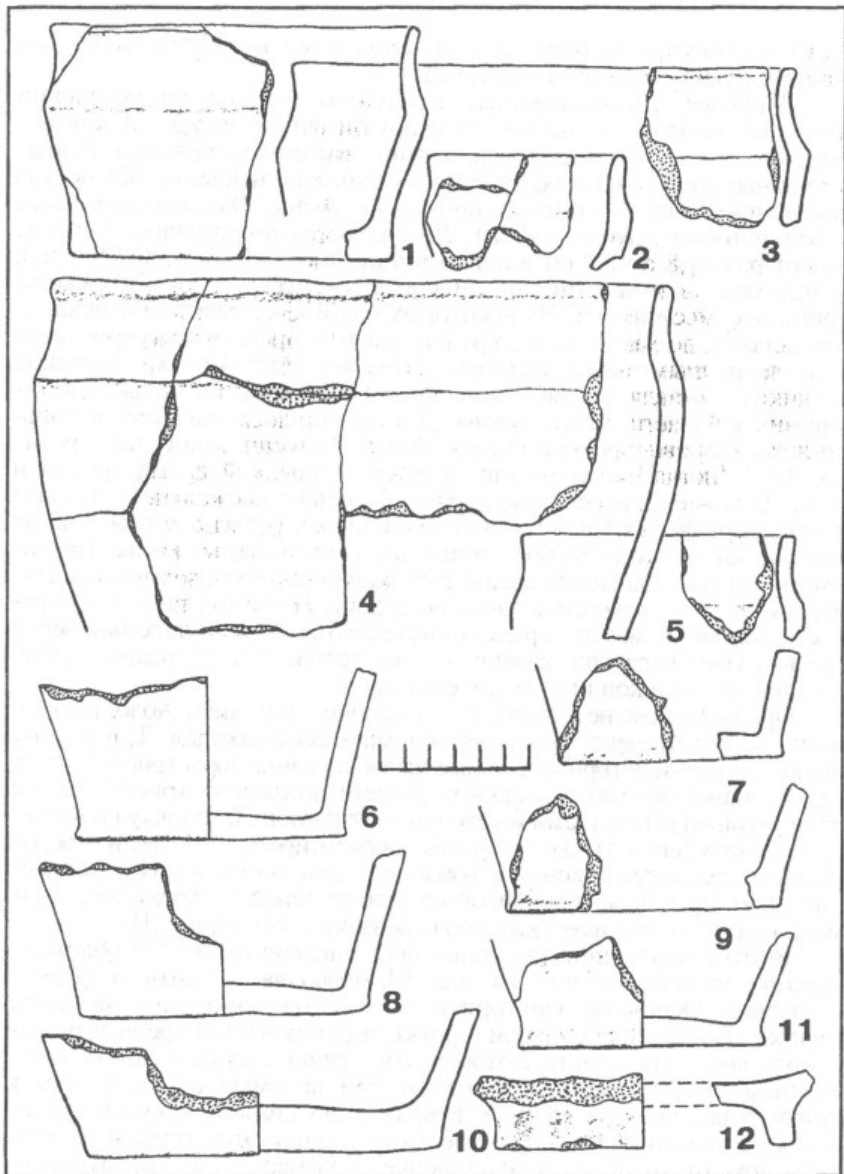

Рис. 6.

Керамика поселения Холопий Городок. Раскопки С.Н. Орлова в 1973 г.

ляет своеобразие его керамического комплекса. Верхние части других горшков довольно разнообразны и не составляют отчетливых групп.

В материалах происходящих из раскопок на селище имеются фрагменты четырех мискообразных сосудов (рис.5:5,6,13,15). Выде-

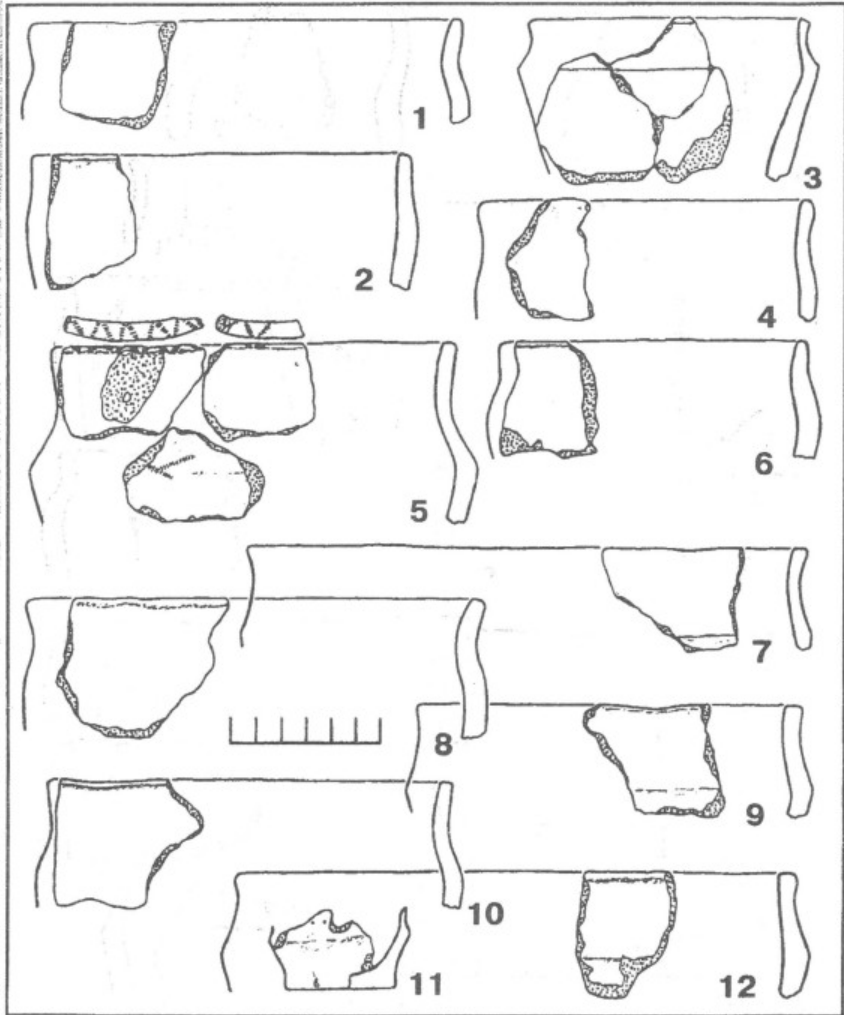

Рис. 7.

Керамика поселения Холопий Городок. Раскоп 1980-1981 гг., культурный слой.

ляются в коллекции и четыре миниатюрных сосуда с диаметром венчика 5-10 см (рис.6:5; 7:11; 10:4; 11:5).

Сравнение лепной посуды Холопьяго городка с материалами археологических памятников Северо-Запада России, имеющих слои VIII-начала X вв. показало ее тождество с керамикой нижних горизонтов таких значительных центров, как Ладога, Рюриково городище, Новгород и ряда поселений Поволжья и Ильменского Поозерья [Смирнова 1976; Носов 1976: 77, рис.1; 1977: 95-98; 1981: 22, рис.2; 1990: 32,133-137, рис.7,54-56; Орлов, Аксенов 1961: 166, рис.3,4; Орлов 1972: 127-138, рис.3-5; Средневековая Ладога 1985: 64-65, рис.25,26;

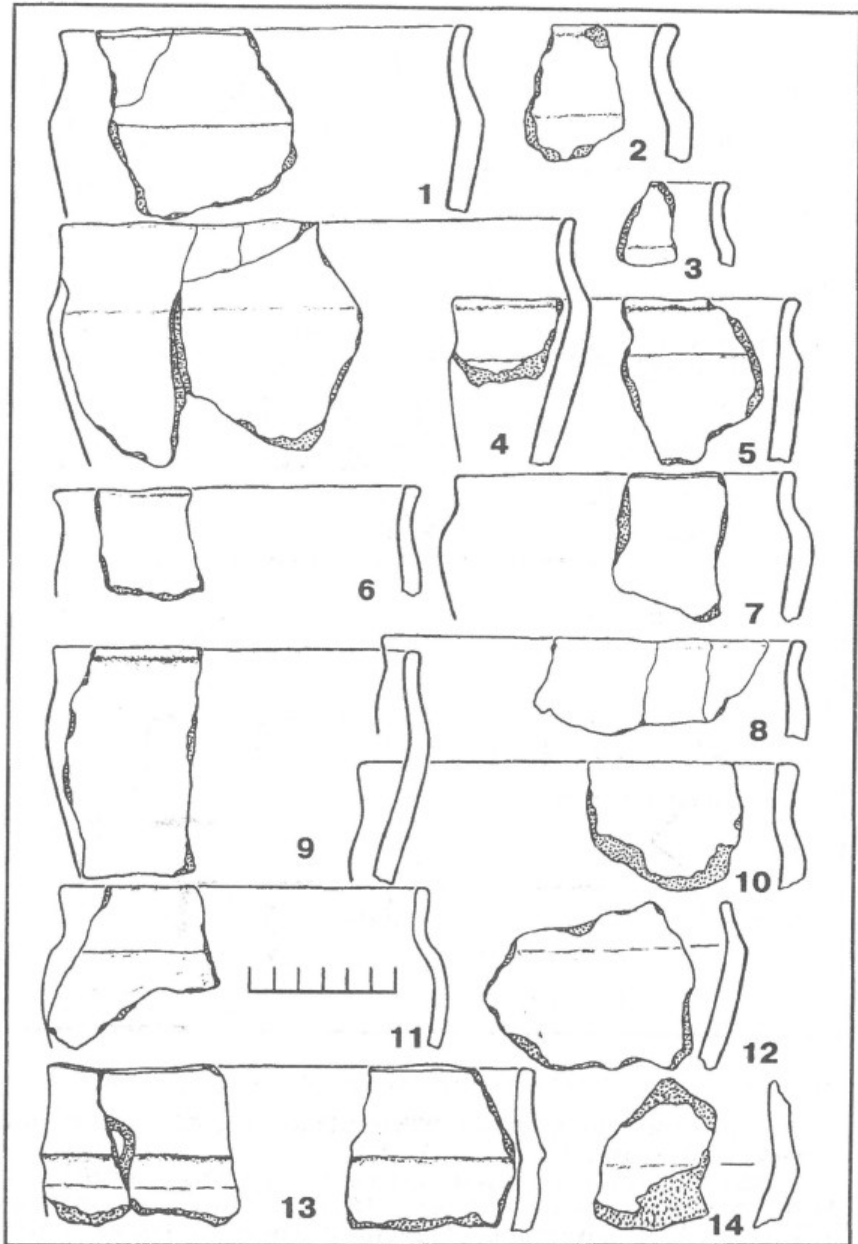

Рис. 8.

Керамика поселения Холпий Городок. Раскоп 1980 г.

1, 2, 4-14 — заполнение сооружения в квадратах 3-5, 12, 13, 23; 3 — заполнение постройки в квадратах 1, 2, 10, 11.

186,187, рис.3]. Керамика близких форм встречена при раскопках селищ Золотое Колено и Нестеровичи в бассейне р.Мсты, Городка на Шелони и других [Носов, Плохов 1991: 127-127, рис.7-12; Конецкий 1991: 102, рис.7]. Подобные сосуды найдены во многих погребениях в сопках [Петренко 1994: 70,71, рис.29; Конецкий, Носов 1995: 48,49, рис.4].

Среди вещевого материала наиболее важным представляется открытие клада сельскохозяйственных орудий и инвентаря, упомянутых нами ранее (рис.13,14). Металлографический анализ предметов показал, что все они были сделаны из мягкого железа и малоуглеродистой сырцово-стали, по очень архаичным технологическим схемам. Это указывает на то, что изделия были откованы деревенскими кузнецами-универсалами, изготавливавшими все необходимые предметы для нужд своей общины [Носов, Розанова 1989: 102-106].

В составе клада в вещественной форме воплотилась земледельческая направленность занятий его владельца. Подчеркнем, что железные наконечники пахотных орудий, мотыжка-тесло из клада, как и встреченное в заполнении того же комплекса калачевидное кресало (рис.12:11), входят, по мнению Р.С.Минасяна, в хозяйственно-бытовой комплекс, появившийся в лесной зоне Восточной Европы с расселением там славян [Минасян 1982: 24-29].

Особо значимой представляется находка двух наконечников пахотных орудий. Один из них имел подпрямоугольную форму, длину 14,5 см, ширину 6,7 см, длину трубицы 8,3 см, другой — более треугольную рабочую часть, длину 16,8 см, ширину 8,8 см и длину трубицы 11 см. Ближайшие аналогии наконечникам имеются в находках из слоев второй половины VIII — первой половины IX вв. Старой Ладogi и других пунктов Северной и Восточной Европы (Готланд, Швеция, Норвегия, Дания, Эстония, Латвия), где они были распространены, в основном, в VIII-X вв. [Миролюбов 1972: 118-126; Мугуревич 1985: 86-96, рис.1,2; Myrdal 1982: 82-84, fig.1,4]. Такие наконечники использовались на однозубых пахотных орудиях с высоко расположенным центром тяжести, которые наиболее удобны при работе на освобождаемых от леса участках.

Безусловный интерес представляют удила с железными эсвидными псалями, увенчанными птичьими головками (рис.14). Псалии инкрустированы латунными пластинками, а глаза головок — вставки синего кобальтового стекла. Удила с зооморфными псалями характерны, в основном, для аварских, аланских, литовских и тюркских древностей VII-IX вв., от Сибири и Северного Кавказа до Чехии и Литвы [Кирпичников 1973: 13]. Точные аналогии нашим удилам можно указать в материалах позднеаварских могильников, где они датируются VIII в. н.э. Зитавска Тон и Комарно II в Словакии [Budinský-Kříčka 1956:55, 61, tab. XIII; Trugly 1993:228, taf. X:15, LXIV:7]. Территориально удилам с Холопьяго городка ближе всего удила с бронзовыми зооморфными псалями из погребения в сопке Чернавино (IX в.) близ Старой Ладogi в низовьях Волхова [Кирпичников 1973: 14,88, рис.5, табл. III, I].

Для датировки поселения важна находка в культурном слое части бронзового массивного ладьевидного браслета, украшенного плетеным орнаментом (рис.12:4). Аналогии ему имеются в древностях Норвегии, Швеции, Финляндии и относятся там к IX в. [Pettersen

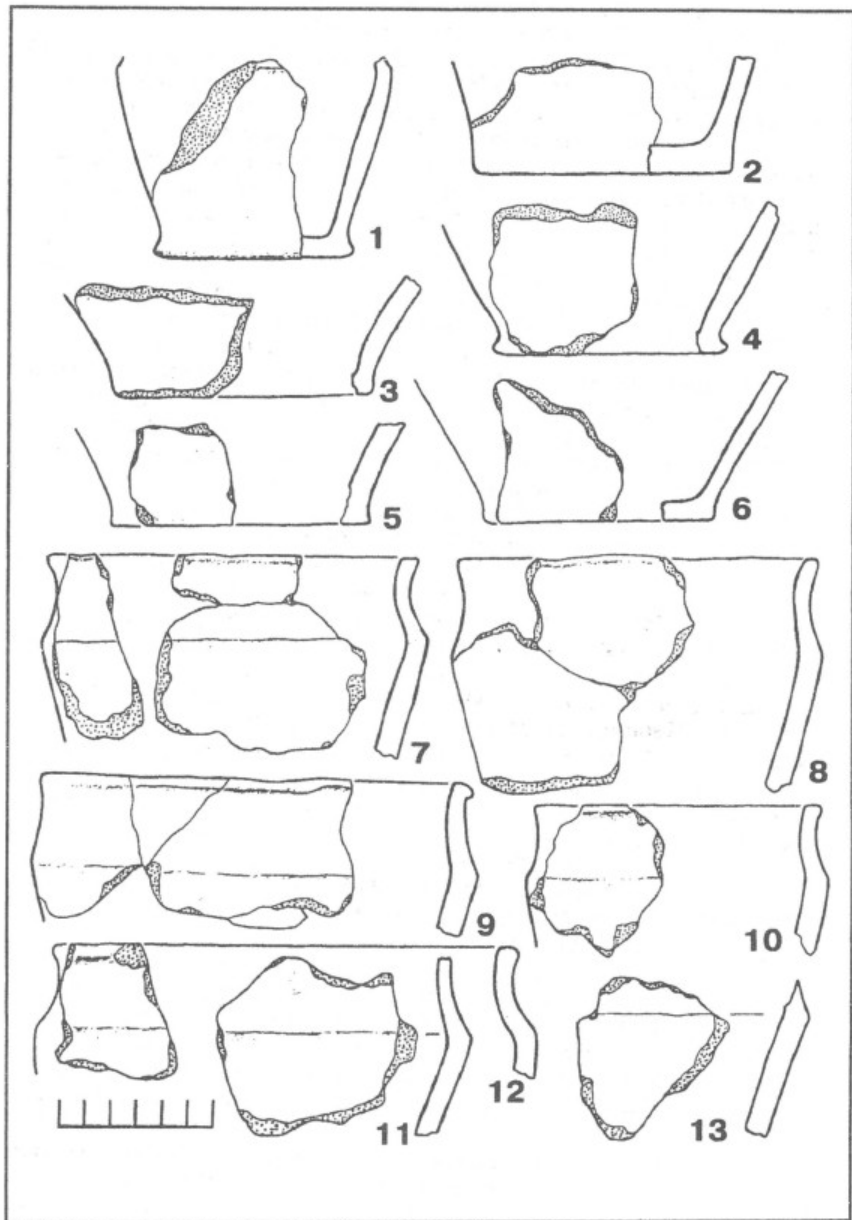

Рис. 9.

Керамика поселения Холопий Городок.

Раскоп 1980 г.: 1-6 — разборка заполнения сооружения в квадратах 3, 4, 12, 23.

Раскоп 1981 г.: 7, 9-13 — разборка заполнения сооружения ниже уровня камней в квадратах 36, 43, 44, 52, 61; 8 — разборка бровки.

1928: 154; Kivikoski 1937: 238-241; Korkeakoski-Väisänen 1981: Taf.93:14]. В слое найдены также обломок бронзового пластинчатого браслета с сужающимися дровыми концами, украшенного двумя рядами кресто-видных насечек (рис.12: 3), часть массивного бронзового бубенчика с циркульным орнаментом (рис.12: 2), похожего на бубенчик из Бирки [Arbman 1940: Taf.93:14; Gräslund 1984:120,121, Abb.13:1]. Интересны фрагменты четырех бутылковидных привесок (рис.12: 5-8). Подобные привески распространены в древностях финно-угорских народов во второй половине I — начале II тысячелетия н.э. Наиболее характерны они для финно-угров Волго-Окского междуречья. Самые близкие аналогии привескам Холопьего городка происходят из кургана 4 Михайловского могильника в Ярославском Поволжье [Станкевич 1941: 73, табл.III:2,6]. Наконец, упомянем четвертинку дирхема, два глиняных пряслица (полусферическое подлощенное и биконическое с орнаментом в виде ямок — рис.12: 9,10) и три ножа с уступом, отделяющим лезвие от черенка (рис.12: 13-15).

На поселении найдено 17 стеклянных бусин, которые, за исключением одной, имеют аналогии среди находок Старой Ладogi. Среди них мозаичная бусина желто-красно-зеленой окраски (группа I бус Ладogi). Она, по мнению З.А.Львовой, может быть датирующим предметом VIII-IX вв. [Львова 1968: 68; 1973: 86]. Округло-бочонкообразная бусина черного стекла с ярко-васильковыми глазками в белых кольцевых кругах (группа II бус Ладogi) датируется VIII-X вв. [Львова 1968: 71]. К группе III относится бочонкообразная бусина из заглушенного стекла печоночно-красного цвета. Основная масса таких бус найдена в горизонтах E3 — D Ладogi и имеет многочисленные аналогии в материалах памятников Северной Европы VIII-X вв. [Львова 1968: 72; Рябинин 1982: 168,170]. Встречена бусина светло-голубого прозрачного стекла в форме куба со срезанными углами. Такие бусины относятся к самым ранним образцам группы IX Ладogi, где они найдены в слоях VIII-X вв. [Львова 1968: 90; Рябинин 1982: 168]. Наиболее многочисленна на Холопьем городке подгруппа 3 группы VIII бус Ладogi — “рубленный” бисер: желтый (8 экз.), серо-голубой (1), зеленый (1), синий (1) и белый (1). Среди староладожской коллекции не удалось найти аналогий округлой бусине черного стекла с мозаичными глазками зелено-сине-бело-коричневого цвета. Эта бусина отличается от других и по химическому типу стекла (Pb-Na-Ca-Si). Наличие в составе стекла Na_2O при отсутствии калия говорит об использовании природной соды, в то время как в производстве других бус использовалась зола солончаковых растений (спектральный анализ стекла произведен В.А.Галибиным). Подобные бусы найдены на памятниках эпохи викингов в Скандинавии [Callmer 1977: 88 — B082].

В отличие от многих поселений Поволжья и Ильменского Поозерья, на Холопьем городке в культурном слое и в заполнении сооружений представлена исключительно лепная керамика конца I тысячелетия н.э. Это крайне важный факт для датировки, поскольку в данном районе гончарная посуда получает распространение с начала X в., а следовательно комплексы без нее относятся к более раннему периоду [Носов 1990: 148-150]. Существование Холопьего городка в IX в. подтверждается случайным открытием на селище уже упомянутого клада восточных монет, младшая из которых наиболее

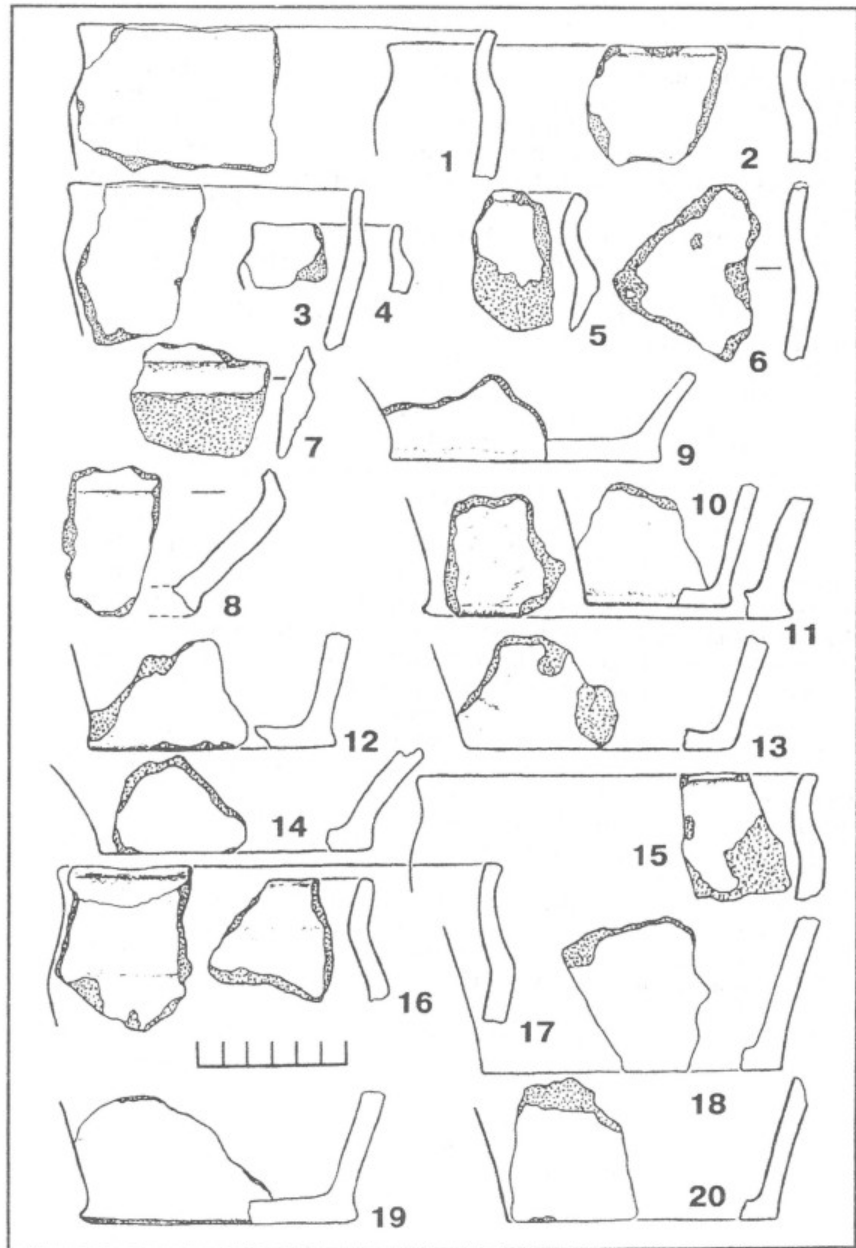

Рис. 10.

Керамика поселения Холопий Городок. Раскоп 1981 г.

1-13, 20 — разборка заполнения сооружения ниже уровня камней в квадратах 43, 44, 52, 53, 61; 14 — разборка бровки; 15-19 — разборка камней на дне сооружения.

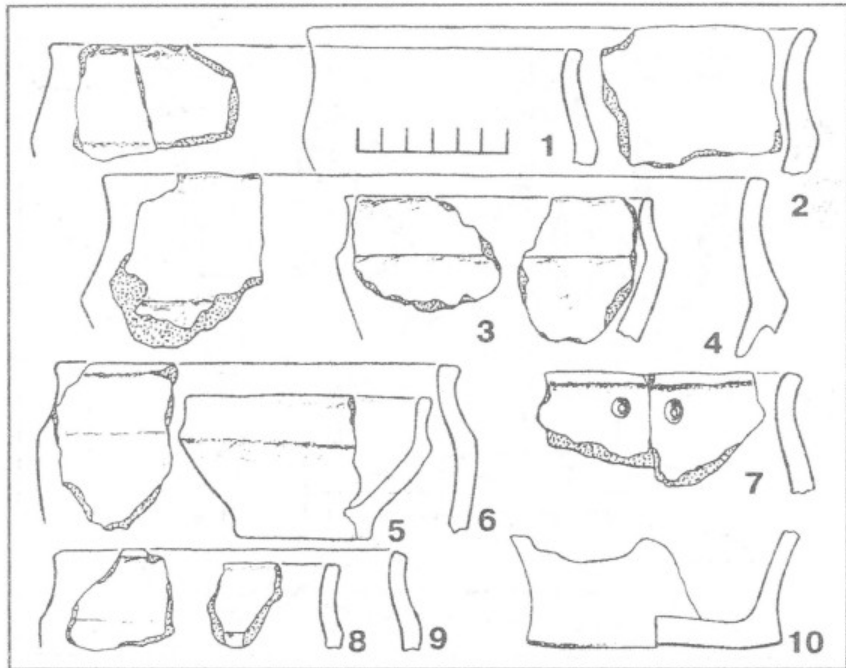

Рис. 11.

Керамика поселения Холопий Городок.

Раскоп 1980 г.: 1 — верхняя часть заполнения постройки в квадратах 18, 19. Раскоп 1981 г.: 2 — разборка заполнения ямы в кв. 57; 3 — разборка осыпи на склоне в кв. 39 и разборка сооружения ниже уровня камней; 4 — разборка осыпи на склоне в кв. 31; 5-10 — подъемный материал с селища.

вероятно относится к 810-812 гг. и рассмотренными выше отдельными находками (прежде всего, клада сельскохозяйственного инвентаря, ладьевидного браслета, бус). Нельзя исключать, что поселение возникло еще в VIII в., хотя прямых доказательств этого пока нет.

При раскопках на Холопьем городке не встречена гончарная керамика X-XIV вв., отчетливо представлены материалы XV-XVI вв. Однако к XIII в. относится первое упоминание городка в письменных источниках: в латинской редакции проекта договора (1268 г.) Новгорода с Любеком и Готским берегом говорится о пристани Drelleborch (буквально — Холопий городок) как о последней остановке перед Новгородом при плавании по Волхову [Бережков 1879: 154; Брим 1931: 226; Янин 1991: 84, №4; 210,211]. Под 1417 г. в Новгородской первой летописи младшего извода сообщается о постройке на Холопьем городке каменной церкви св.Николая [ПНЛ 1950: 407]. Как топографический ориентир Холопий городок с Никольской церковью упоминается в данной новгородского посадника Ивана Лукиничя Островскому Никольскому монастырю (1456-1471 гг.) и в его же духовной (не позднее 1471 г.) [ГВНП 1949: 173, № 114; 177, № 120]. Сведения о монастыре Николая Чудотворца на городке

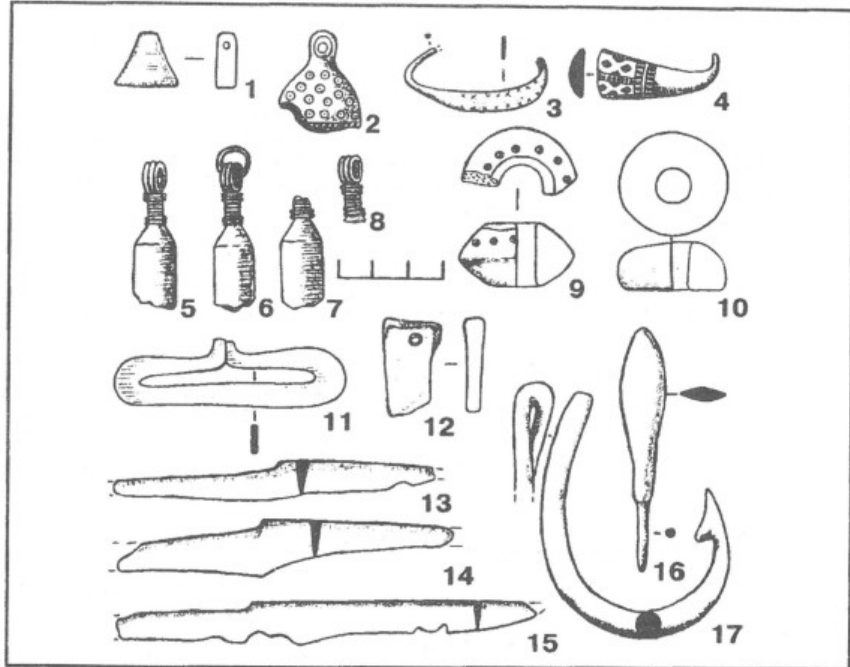

Рис. 12.

Вещи из раскопок Холопьяго Городка.

1 — янтарь; 2-8 — бронза; 9, 10 — глина; 11, 13-17 — железо; 12 — камень.

имеются за период 1577-1589, 1620-1621, 1645 гг. [Макарий 1856: 36; Зверинский 1897: 115; Сметный список 1984: 299].

В.Л.Янин недавно предположил, что упомянутые в известной вкладной грамоте Варлаама Хутынскому монастырю (грамота датируется временем между 1192 и 1210 гг.) “земли на острове вместе с нивами” относились “к местности, где позднее возник Николо-Островский монастырь”, то есть к Холопьяму городку [Янин 1991: 207-211, № 123; Янин, Зализняк 1993: 193]. Объяснение очень правдоподобное, тем более, что при таком прочтении отождествление “земель на острове” с Холопьям городком соответствует топографической последовательности перечисления владений. Однако, при этом необходим некоторый комментарий. Дело в том, что, непосредственно прилегающие к Холопьяму городку участки волховской поймы, сложены тяжелыми сырыми болотистыми почвами и представляют собой прекрасные пожни (о них говорят грамоты Ивана Лукинича), но для упомянутых во вкладной Варлаама полей (“нивы”) они не пригодны. Именно поэтому формулировка “земли на острове вместе с нивами”, вероятно, включала не только сам городок (“остров”), но и несколько обособленные от него “нивы” где-нибудь на прилегающих террасах р. Робеяки.

Само название поселения появилось до 1268 г. (первое упоминание в письменных источниках), однако, скорее всего, после начала XI в., когда термин “холоп” стал входить в жизнь для обозначения

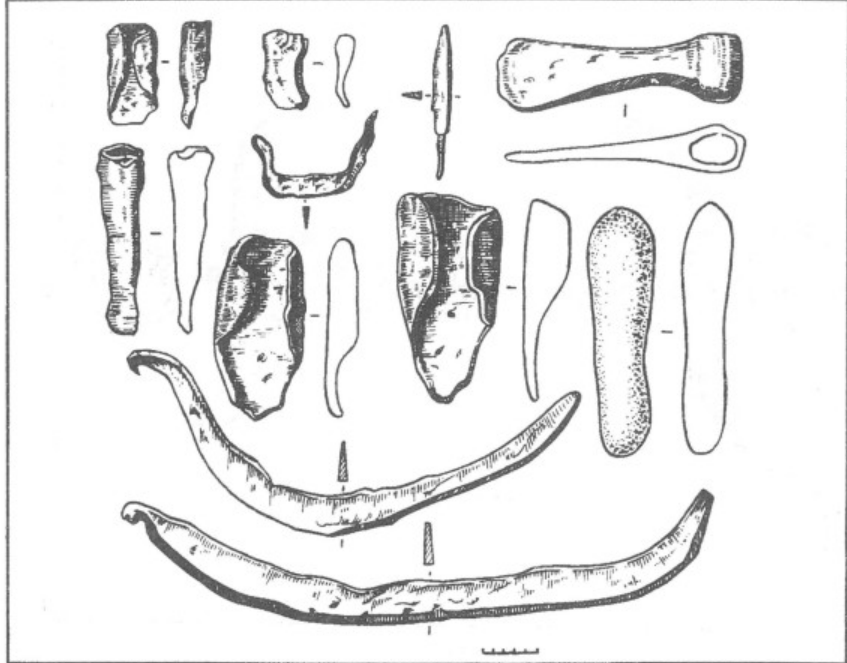

Рис. 13.

Клад хозяйственного инвентаря (Холопий Городок).

определенной социальной группы населения [Зимин 1973: 67]. В X в. более распространенными наименованиями рабов были “челядь”, “челядин” [Фроянов 1992: 48]. Исследователи допускают, что латинское название Drelleborgh является “калькой” с русского [Янин 1991: 211; Янин, Зализняк 1993: 192]. Любопытно созвучие латинского названия поселения на Волхове и наименований военных лагерей викингов на острове Зеландия в Дании и в области Сконе на юге Швеции — “Trelleborg”, которые являлись опорными пунктами власти конунгов. Необходимо обратить внимание и на совпадение смысла наименований озерцо Холопье, урочище Холопий городок, речка Робейка (Робья). Напомним, что в Южном Приильменье известно несколько рек с названиями “Робья” — Робья Великосельская, Робья Сорокопенская, Робья Заробская современных карт. Этот гидроним восходит, по крайней мере, к середине XII в. (“Робья Ильмна”) и относится к рекам проходившим через территорию древнего княжеского домена Ляховичи [Носов 1994: 29,32, карта].

Может быть именно в этом совмещении названий “Робья”, “Робейка”, “Холопий” с ранними княжескими владениями, а отсюда с местами, где жили зависимые от князя люди, и лежит ключ к объяснению топонимов и гидронимов? Известно, что княжеские домениальные владения зачастую лежали на ключевых стратегических дорогах и в ключевых пунктах древних водных и сухопутных путей, что было связано с возможностью их контроля и взимания

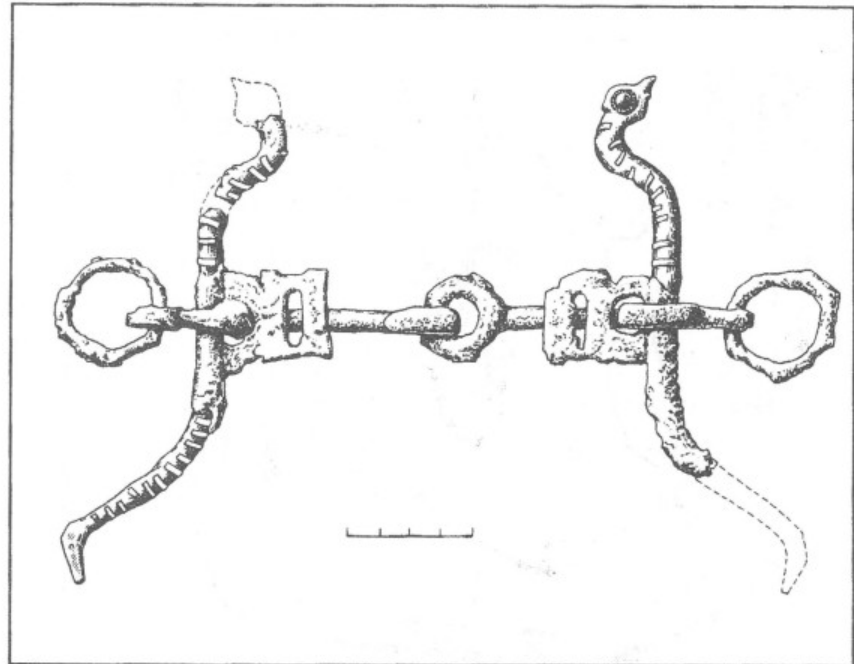

Рис. 14.

Удила из клада хозяйственного инвентаря (Холопий Городок).

различных поборов и пошлин. Таково расположение волостей Буйцы и Ляховичи на пути “в Русь” через Торопец и Смоленск, селения Ракомо, где начинался “русский путь” из Новгорода, таково расположение Рюрикова городища — ключевом месте водных дорог на Мсту, Шелонь, Ловать, Полу и на север к Ладогe [Носов 1992; 1994: 27-39; 1994: 41-56]. В принципе аналогичное положение занимал Холопий городок, не позволяя при плаванье по Волхову обойти Новгород, двигаясь по Волховцу (мимо Рюрикова городища все же можно было проскользнуть, особенно в высокую воду, по глухим протокам волховского истока).

Иногда, появление названий “Холопий городок” (известен еще один Холопий городок на р.Мологе) рассматривают сквозь призму сказаний XVI-XVII вв. о холмопеей войне в Древней Руси, усматривая в них отзвуки реальных событий древнерусского времени, то ли восстаний, то ли межплеменных конфликтов [Тихомиров 1956: 50; Зимин 1973: 71,72; Фроянов 1992: 47-55]. Однако, как ни заманчиво в той или иной мере использовать различные изложенные нами выше наблюдения для общих выводов, надо прямо сказать, что появление топонима Холопий городок — вопрос спорный и не решенный.

В начальный период своей истории Холопий городок являлся одним из пунктов в плотной поселенческой зоне Ильменского Поозерья и Поволховья [Носов 1990: 8,170-184]. Обитатели поселка несомненно занимались сельским хозяйством, охотой, рыболовст-

вом, различными промыслами, но кроме того у поселения были свои особенности, выделявшие его среди прочих. Дело в том, что на Волхове от Ладоги до Новгорода наблюдается интереснейшая картина в размещении поселений конца I тысячелетия н.э. Они располагаются не равномерно, а приурочены к наиболее сложным участкам водной магистрали — порогам (гостинопольским и пчевским), раздвоению Волхова на рукава, причем здесь находятся укрепленные поселки (Новые Дубовики, Городище, Рюриково городище) или поселки занимающие топографически труднодоступные всхолмления (Холопий городок). Места размещения этих городищ совпадают с местами позднейших этапных остановок при плаванье по Волхову, известных по проекту уже упоминавшего нами договора Новгорода с Любеком и Готским берегом 1268 г. [Носов 1976а: 76-81; 1981: 18-24]. Совершенно очевидно, что подобное совпадение не случайно, а отражает сходные функции поселений. Начиная со второй половины VIII в. по Волхову проходил один из важнейших участков крупнейшего торгового пути средневековья, связавшего Балтику с Исламским Востоком по которому на север устремились потоки серебра [Носов 1976б: 95-110]. Поселения на ключевых участках волховского пути стали опорными и контрольными пунктами на водной дороге и именно эти функции были для них определяющими. Этапность движения по Волхову, наблюдаемая в договоре Новгорода с Ганзой, восходит к древней системе обслуживания пути. В свое время В.А. Брим справедливо писал, что “вся организация этого перехода идет еще от времен варягов и была унаследована ганзейскими купцами почти без всяких изменений” [Брим 1931: 22]. Холопий городок несомненно одно из важных звеньев на волховской магистрали и его роль как пункта, контролировавшего раздвоение Волхова на рукава нет никаких оснований преуменьшать.

Недавно И.Я. Фроянов сформулировал иное понимание роли Холопьяго городка и других укрепленных поселений Поволховья, жестко следуя своей концепции становления городов и государственности на севере Руси. Он подчеркивает необходимую первичность сельских поселений и сельской стихии городским формам жизни. Отсюда город “есть порождение сельской стихии”; “сельские поселения, расположенные поблизости от города, существовали раньше возникновения последнего”; Ладога вышла “из недр скопления сельских поселений” и т.д. Не только сама Ладога, но и Новые Дубовики у волховских порогов, и Холопий городок это “словенские города” — “средоточия отдельных племен”. Связь этих поселений с торговым путем, его обслуживанием, обменом и ремеслом, по мнению исследователя, вторичны [Фроянов 1992:27,28,36,38].

Концепция И.Я. Фроянова вполне логична в общем плане, особенно после его справедливой оценки трудов А.И. Неусыхина, А.Р. Корсунского, А.Я. Гуревича и критике построений Б.Д. Грекова, Л.В.Черепнина и других. Однако, сложности возникают не при этих общих рассуждениях, а при переводе их на язык конкретных материалов. Нет в низовьях Волхова сельских поселений, по времени предшествовавших Ладоге, не выросла она последовательно из недр сельской стихии на фоне плотной сельской округи, не наблюдается подобной картины ни в отношении Новых Дубовиков, ни в отношении Холопьяго городка, нет никаких конкретных оснований считать

их племенными центрами. А если это так, то именно прохождение балтийско-волжского пути, возможность и необходимость его контроля и обслуживания, международная торговля, судостроение, различные ремесла являлись определяющими чертами в жизни ранних поселений Поволховья. Что же касается района непосредственного возникновения Новгорода и примыкающей к нему с юго-запада области Ильменского Поозерья, то здесь вступали в силу уже иные факторы и археологические свидетельства этого вполне определены.

- АКСЕНОВ, М.М.* Древнеславянские поселения Новгородской области // Архив Новгородского музея. Дело 11894.
- АРТАМОНОВА, О.А.* 1963. Могильник Саркела — Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР 109. М-Л.
- БЕРЕЖКОВ, М.* 1879. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб.
- БРИМ, В.А.* 1931. Путь из варяг в греки // Известия Академии Наук СССР. 7 серия. Отд. обществ. наук. № 2: 201-247. М.
- ГВНП.* 1949. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М-Л.
- ДОНЕСЕНИЕ О ПЕРВЫХ УСПЕХАХ ПУТЕШЕСТВИЯ В РОССИИ ЗОРИЯНА ДОЛУТА-ХОДАКОВСКОГО. 1844* // Русский исторический сборник. Т.7. СПб.
- ЕЛИСЕЕВ, А.* 1881. К археологии и антропологии Ильменского бассейна // ЖМНП. Часть 214, апрель. СПб.
- ЗВЕРИНСКИЙ, В.В.* 1897. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т.3. СПб.
- ЗИМИН, А.А.* 1973. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.
- ИСТОРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХОДАКОВСКОГО. 1838* // Русский исторический сборник. Т.1. Кн.3. СПб.
- КИРПИЧНИКОВ, А.Н.* 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1-36. Л.
- КОНЕЦКИЙ, В.Я.* 1991. Комплекс памятников у д.Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I — начала II тыс.н.э. в бассейне р.Мсты) // Материалы по археологии Новгородской земли: 89-116. М.
- КОНЕЦКИЙ, В.Я., Е.Н.НОСОВ.* 1995. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс.н.э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности. Вып.3. Проблемы истории Северо-Запада Руси: 29-54. СПб.
- КУЛЖИНСКИЙ, А.И.* 1861. Курганы Новгородской губернии // ИАК 2. Вып.2. СПб.
- ЛЬВОВА, З.А.* 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть 1: Способы изготовления, ареал и время распространения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 10:64-94.
1973. Бусы I Поломского могильника // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 15:83-104.
- МАКАРИЙ.* 1856. Запись о ружных церквях и монастырях в Новгороде и Новгородских пятинах XVI в. // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн.24. Отд. III. М.
- МИНАСЯН, Р.С.* 1982. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: 24-29. Л.
- МИРОЛЮБОВ, М.А.* 1972. Пахотные орудия Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 14: 118-126.

- МУГУРЕВИЧ, Э.С.* 1985. Находки железных частей пахотных орудий 10-17 вв. в Восточной Прибалтике // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий: 86-97. Таллин.
- НПЛ.* 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М-Л.
- НОСОВ, Е.Н.* 1976а. Поселение у волховских порогов // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 146: 76-81.
- 1976б. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII-X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины VIII: 95-110. Л.
1977. Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.
1981. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н.э. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 164: 18-24.
1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л: Наука.
1992. Новгородская земля IX-XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореферат дис.... докт. ист. наук. СПб.
1994. О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (К вопросу о сложении феодальной вотчины) // Новгородский исторический сборник 4 (14): 27-39. СПб-Новгород.
1994. Новгородская волость Буйцы (историко-археологический комментарий) // Вспомогательные исторические дисциплины XXV: 41-56. СПб.
- НОСОВ, Е.Н., А.В. ПЛОХОВ.* 1987. Поселение Холопий городок под Новгородом // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 195: 34-42.
1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли: 117-149. М.
- НОСОВ, Е.Н., Л.С. РОЗАНОВА.* 1989. Технология обработки железа на поселениях Приильменя в IX-X вв. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 198: 102-106.
- ОРЛОВ, С.Н.* 1967. Памятники эпохи раннего металла в окрестностях Новгорода // Советская археология 2: 233-236.
1972. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // Советская археология 2: 127-138.
1973. Отчет о работе совместной археологической экспедиции Новгородского пед. института и Новгородского музея в 1973 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 5162.
- ОРЛОВ, С.Н., М. МАКСЕНОВ.* 1961. Ранеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 10: 161-168. Новгород.
- ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ХОДАКОВСКОГО ПО РОССИИ. 1839* // Т. 3. Кн. 2. СПб.
- ПЕРЕДОЛЬСКИЙ, В.С.* 1893. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского державства каменного века. СПб.
- Новгород Великий в бытовых свидетельствах стародавней жизни // Архив Новгородского музея. Дело 5317.
1890. Отчет о раскопках, произведенных по открытому листу от 3 мая № 440 // Архив ИИМК РАН. Фонд 1. Дело 46.
- ПЕТРЕНКО, В.П.* 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.
- ПРОГРАММА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ О ГОРОДИЩАХ И КУРГАНАХ НОВГОРОДСКОГО УЕЗДА 1909-1910 ГГ.* // Архив Новгородского музея. Фонд 6. Оп. 1. Ед. хр. 77.
- РОМАНЦЕВ, И.С.* 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород.
- РЯБИНИН, Е.А.* 1982. Бусы Старой Ладogi: По материалам раскопок 1973-1975 гг. // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья: 165-173. Л.
- САМОКВАСОВ, Д.Я.* 1873. Древние города России. СПб.

1878. Историческое значение городищ // Труды III Археологического съезда. Т.1. Киев.

- СМЕТНЫЙ СПИСОК.** 1984. Сметный приходно-расходный список дворцовых денежных доходов и сборов по Новгороду на 1620/21 г. // Опись Новгорода 1617 г. М.
- СМИРНОВА, Г.П.** 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 146: 3-10.
- СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛАДОГА: НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ.** 1985. Л.: Наука.
- СТАНКЕВИЧ, Я.В.** 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX-X столетиях // Материалы и исследования по археологии СССР 6: 56-88. М-Л.
- ТИХОМИРОВ, М.Н.** 1956. Древнерусские города. М.
- ФОМИН, А.В.** 1993. Новые находки восточных монет в Северной Руси // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 18-21 мая 1993 г.: 13-15. Вологда.
- ФРОЯНОВ, И.Я.** 1992. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX- начала XIII столетия. СПб.
- ЧЕРНЯГИН, Н.Н.** 1929. Отчет о маршрутной рекогносцировке по р. Волхову в 1929 г. // Архив ИИМК РАН. Фонд 2. Дело 122.
- ЯНИН, В.Л.** 1991. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М.
- ЯНИН, В.Л., А.А.ЗАЛИЗНЯК.** 1993. Вкладная грамота Варлаама Хутынского // Russian Linguistics 16: 185-202. Kluwer Academic Publishers.
- ARBMAN, H.** 1940. Birka 1: Gräber. Uppsala.
- BUDINSKÝ-KRIČKA, V.** 1956. Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Žitavskej Tōni na Slovensku // Slovenská Archeológia. VI-1: 5-131. Bratislava.
- CALLMER, J.** 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia, ca.800-1000 a.d. Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4. Nr 11. Bonn-Lund.
- GRÄSLUND, A.-S.** 1984. Schellen // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde: 119-124. Stockholm.
- KIVIKOSKI, E.** 1937. Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet // Acta Archaeologica. Vol.8. Kobenhavn.
- KORKEAKOSKI-VÄISÄNEN, K.** 1981. Manner-Suomen viikinski-ja ristiretkiajan ran- nerekaat ja niiden ornamenttiikka. Turku.
- MYRDAL, J.** 1982. Jordbruksradskap av jarn fore ar 1000 // Fornvannen 77.
- PETERSEN, J.** 1928. Vikingetidens Smykker. Stavanger.
- TRUGLY, A.** 1993. Gräberfeld aus der Zeit des Awarischen Reiches bei der Scheffswerft in Komamo II (1987-1989) // Slovenská Archeológia XLI-2: 191-307. Bratislava.

РАЗВИТИЕ РАННЕГОНЧАРНОГО КОМПЛЕКСА И ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА

В нашей литературе изучению массового керамического материала не всегда уделяется должное внимание. До сих пор, в полном объеме и на должном уровне не введены в научный оборот керамические коллекции Новгорода, Старой Ладogi, не говоря уж о других более рядовых памятниках северо-западной Руси. И напрасно. Керамика — это прекрасная основа для хронологических разработок, как отдельных памятников, так и для составления обширных синхронистических программ. В этой области давно и плодотворно работают на западно-славянском материале немецкие археологи, а в последнем десятилетии довольно значительны достижения польской археологии [литературу см.: Donat 1987: 239-254; Kempke 1984; Starigard... 1991; Problemy... 1986; Szezecin... 1983]. Обработка наших источников будет иметь еще больший эффект, так как мы располагаем несколькими дендрохронологическими шкалами с гораздо более длительной временной протяженностью, чем в Германии и Польше. Типологические схемы, которые позволяют выявить развитие форм во времени, в результате привязки к дендродатам, в свою очередь, дают дополнительный ряд хроноиндикаторов. Особой чувствительностью в этом плане обладает раннегончарная керамика, формы которой, в силу особенности ее технологии изготовления, обладают большой изменчивостью в относительно короткий отрезок времени.

На Рюриковом городище собрана одна из самых значительных коллекций раннегончарной керамики. Приоритетное значение ее определяется не столько особой ролью Городища в истории Новгорода, но прежде всего потому, что на этом материале мы имеем возможность построения шкалы развития наиболее ранних форм гончарной посуды с привязкой к дендродатам более древним, чем в самом Новгороде. К тому же полученные результаты в дальнейшем дадут возможность провести синхронизацию развития раннегончарного комплекса центра Новгородской земли со Старой Ладогой, обладающей тремя генерациями дендродат.

Раннегончарные материалы Рюрикова городища уже были предметом моих исследований. В небольшой статье изложены первые наблюдения по раннегончарной керамике северо-западной Руси [Горюнова 1982: 39-45]. При этом были использованы материалы раскопок 1975, 1977 гг. База данных по керамике Городища за последние десятилетия существенно пополнилась новым материалом, что позволяет дополнить уже существующую типологическую схему раннегончарных форм. Вся совокупность раннегончарного материала Городища распадается на две группы, неравные как в количественном, так и в качественном отношении.

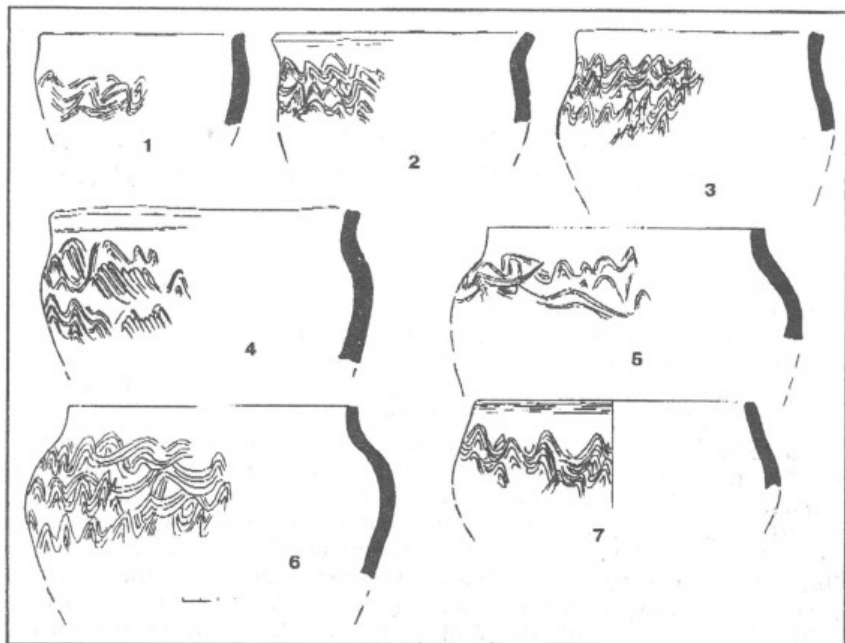

Рис.1.

Типологическая схема. Первая группа раннегончарной керамики.

1 — раскоп IV 1980 г. Культурный слой. 2 — центральный раскоп 1981 г. Культурный слой. 3 — центральный раскоп 1980 г. Яма №1. 4 — раскоп на северном берегу Сиверсова канала 1977-1979 г. (далее — "стратиграфический" раскоп), пласты 5, 6, 7. 5 — подъемный материал. 6,7 — центральный раскоп 1982 г. Культурный слой.

Первая группа весьма немногочисленна, представлена единичными фрагментами. На рис. 1 учтены все поддающиеся графической реконструкции фрагменты этой группы керамики. В технологическом плане она представляет собой переход от лепной к раннегончарной посуде: только венчик и верхняя часть сосуда заглажены с помощью круга. Вращение при этом было медленным и неравномерным, поэтому и орнамент, нанесенный частой гребенкой, нерегулярен, волны находят друг на друга, переплетаются. Все это соответствует второй стадии развития функций гончарного круга по А.А. Бобринскому (РФК-2). Формы ее повторяют формы местных лепных сосудов: горшок с вертикальным коротким венчиком, сосуд без выделенного венчика с биконическим изломом в верхней трети и слабопрофилированную форму со слегка отогнутым наружу венчиком. И хотя прототипы их можно найти в лепной посуде не только самого Рюрикова городища, но и других памятников Северо-Запада: Изборска, Камно, Старой Ладogi [Горюнова 1982: 40, рис. 1: 9, 43; 1994: 68, 69, рис. 3: 8, 9], — число аналогий сосудам с легкой правкой и путаной волной на памятниках Древней Руси весьма ограничено. Полный набор форм есть в Старой Ладoge (Фонды Гос. Эрмитажа, раскопки

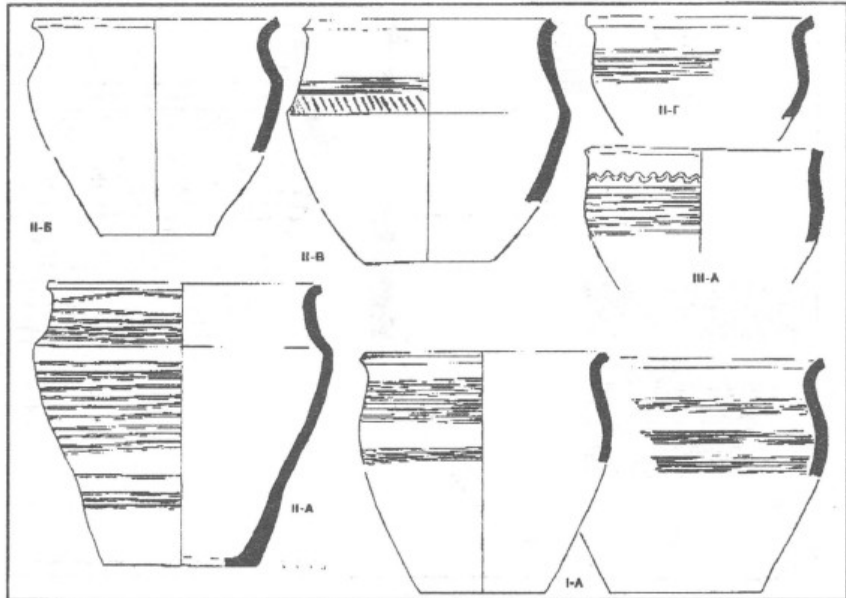

Рис.2.

Типологическая схема. Группа вторая. Типы I-III.

1937-38 гг., горизонт Д, жилища 2,3). И, быть может, следует упомянуть биконический сосуд в Лыбутах под Псковом [Журнал... 1879: рис.7], но его технической характеристики мы не имеем, а у сосудов подобной профилировки не исключена и более совершенная круговая обработка. Более многочисленные аналогии описываемые формы находят в северной Польше и на севере Германии среди менкендорфской посуды конца IX-X вв. [Горюнова 1994: 68, 76, рис. 3-2,3; Dymaczewska 1970: гус. 10-8, 13-18, 20-14; Schuldt 1981: Taf. 51-b, d, 15-d, 45-b, 47-c, 55-n, q и др.; Łosiński 1972: 71, гус. 19-b; 77, гус. 23-a; 86, гус. 29-a; 80, гус. 25-c, e].

В конце характеристики первой группы керамики Рюрикова городища я хотела бы особо остановиться на одном уникальном фрагменте, включенном мною в эту группу только по своим технологическим признакам (первичная правка), хотя тщательностью отделки и, в какой-то мере, шарообразной формой тулова, резко отогнутым венчиком со срезом, он отличается от вышеописанных сосудов (рис.4:1). По всем признакам его следует отнести к фельдбергской посуде, по немецкой терминологии, или типу Кенджин, по классификации польских археологов (рис.4:2-4). По Е. Шульдту — это первый ряд Фельдберга [Schuldt:1956:17], по В. Лосинскому — разновидность 1 типа Кенджин или в более поздних разработках — тип C-IaIIa [Łosiński 1972:40, гус.5-d,g,h; Łosiński, Rogosz 1986:28, гус.2-C-Ia,IIa]. Фельдбергская посуда распространена по всему южному побережью польского и северо-германского Поморья, особенно характерна для поселений и городищ VIII-IX вв. вильцев и отдельных ярких центров, таких как Мекленбург, Ольденбург [Donat 1987:244-245,

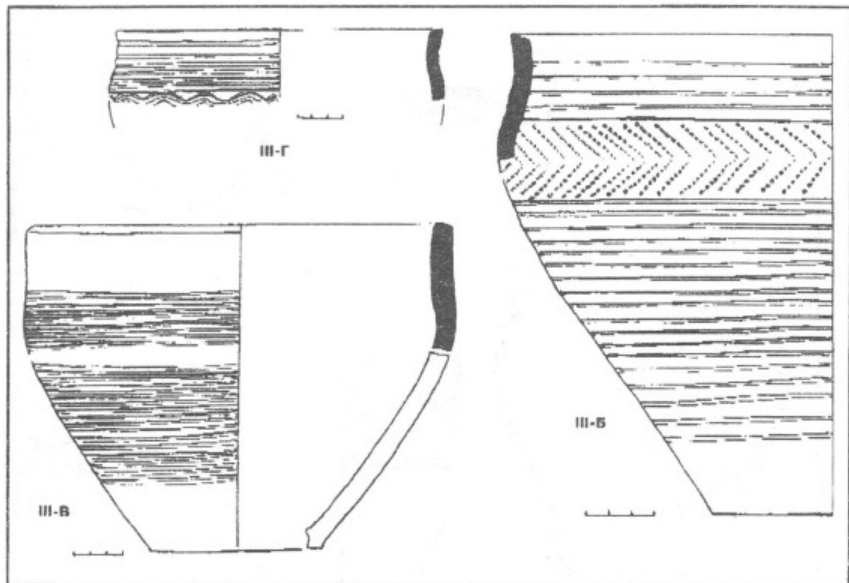

Рис.3.

Типологическая схема. Группа вторая. Варианты III-Б,В,Г.

Abb.3; 252, Abb.10; Нейтман 1968:41; Łosiński 1972:30-89]. Большая часть исследователей склоняется к тому, что появление этой группы представляет собой чисто временное явление, а не территориальное, и ее с конца, а где-то и с середины IX в. сменяет менкендорфская группа керамики [Schuldt 1981:37; Gabriel, Kempke 1991:135,137].

Вторая группа раннегончарной керамики городища технологически соответствует переходу от второй к третьей. (РФК-2/РФК-3) и третьей стадиям развития функций гончарного круга (РФК-3 по А.А. Бобринскому), то есть сосуд заглажен с помощью круга снаружи на всю высоту, изнутри — только в верхней части (РФК-2/РФК-3). Венчик имеет срез, а иногда частично профилирован с помощью машинной обработки (РФК-3). По формам группа распадается на три типа с вариантами.

Тип. Эсвидной профилировки горшки, довольно приземистых пропорций (наибольший диаметр сосуда равен или немного меньше высоты).

I-A — вариант с пологим плечом и наибольшим диаметром тулова в верхней трети или чуть выше середины высоты сосуда, край венчика срезан или слегка огранен (рис.2:1-A). Орнаментирован зонами линейного орнамента почти до дна сосуда, орнамент нанесен палочкой. РФК-2/РФК-3, иногда РФК-3.

I-B — вариант имеет укороченный венчик с намеченной вверх или вниз оттяжкой, либо гранчатый, и более выпуклое плечо, чем у варианта I-A (рис.10:1-3,5-8). Орнамент — комбинации линий и волн, проведенных палочкой или гребенкой. Изредка встречаются отпечатки гребенки. РФК-3

I-B — вариант с четко выделенной, слегка суженной шейкой и плечом, обозначенным крутым изгибом (рис.13:5; 14:3). Орна-

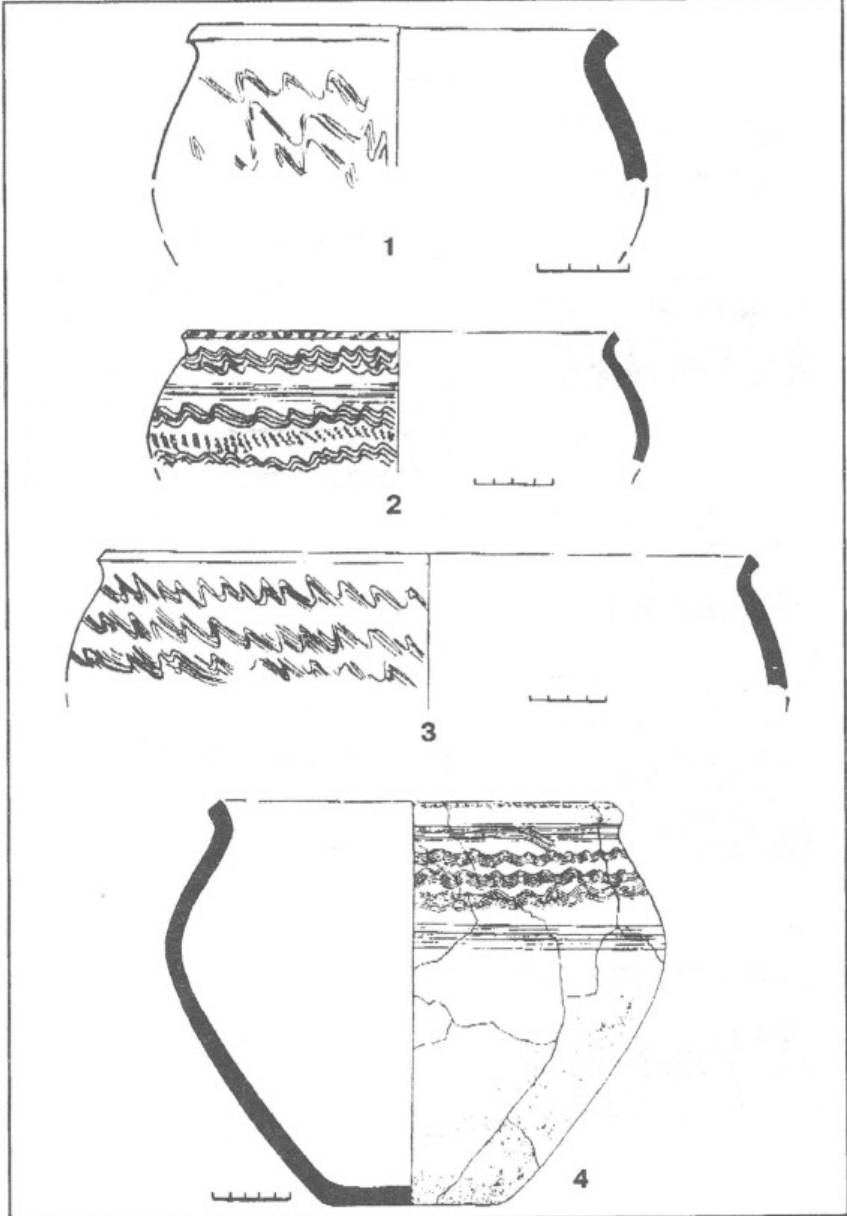

Рис. 4.

Фельдбергский тип.

1 — Рюриково городище. Центральный раскоп 1982 г. Культурный слой. 2, 3 — Щецин. Раскоп 1, сл. XVIII. 4 — керамика фельдбергского типа ряд I (по Е.Шульдту).

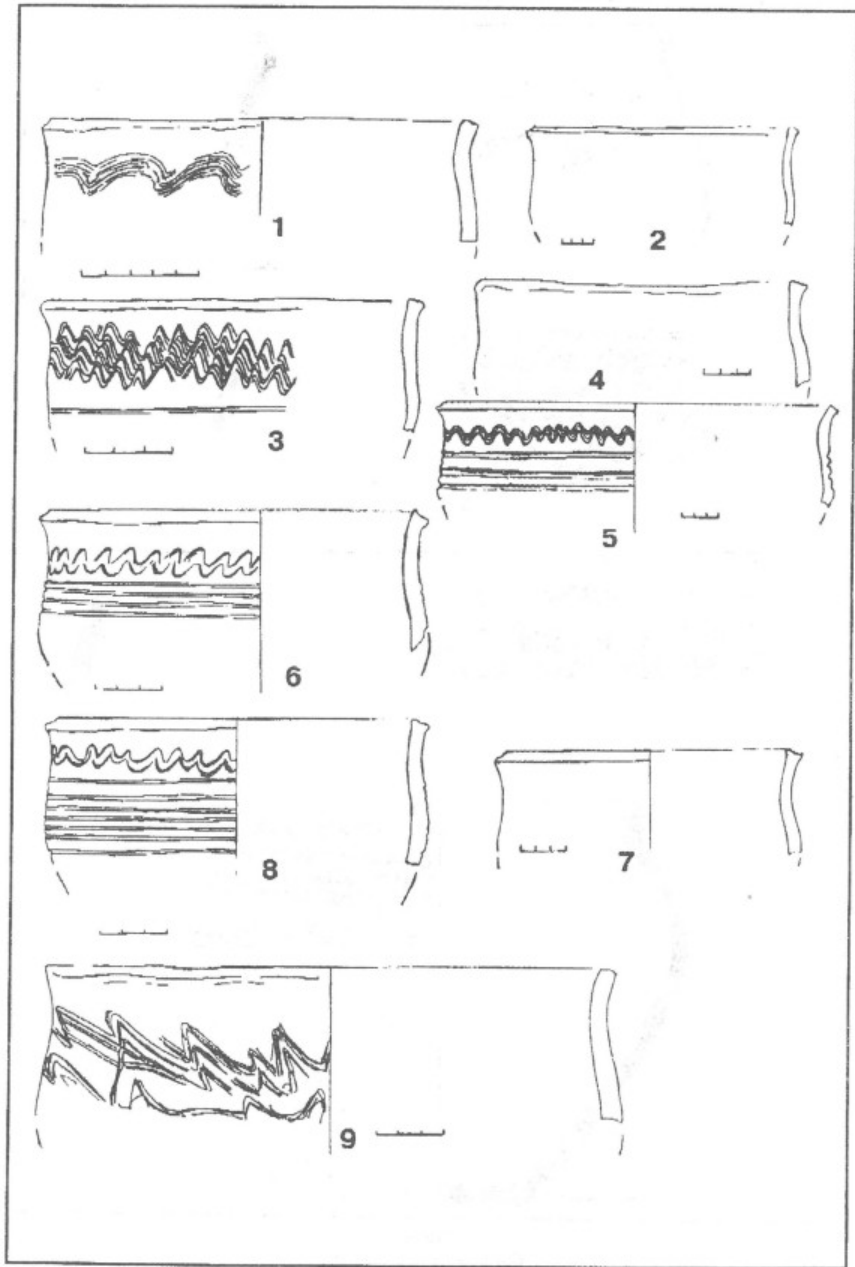

Рис. 5.

Менкендорфский тип.

1 — Лозино (Польша). 3 — Потенгово (Польша). 2, 4, 5, 7 — Санток (Польша).
6, 8, 9 — Рюриково городище.

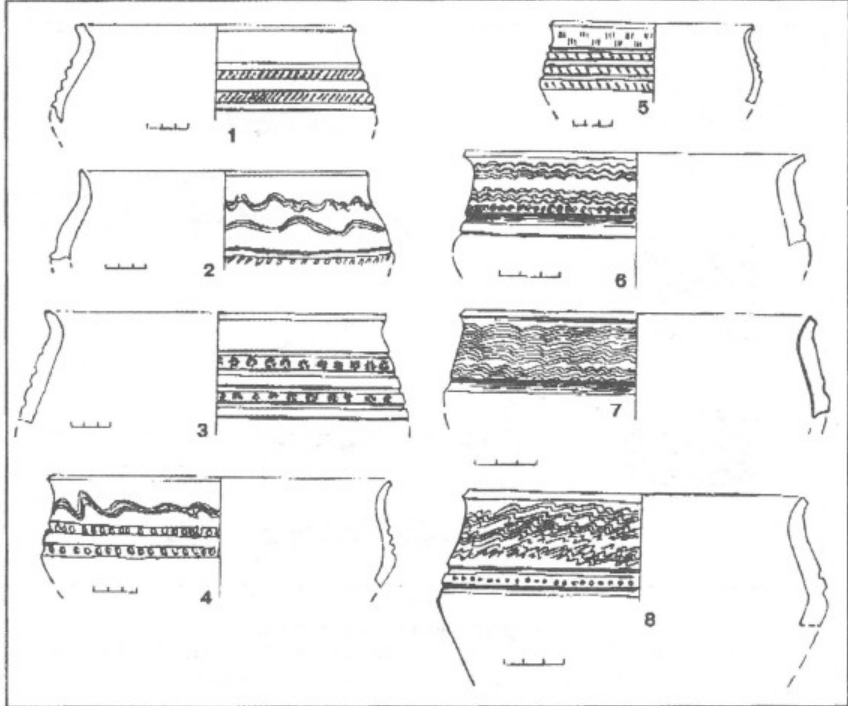

Рис.6.

Гросс-раденский тип.

1-3 — Гросс Раден (по Е.Шульдту). 4 — Колобжег-Будзистово (по В.Лозинскому). 5 — Щецин (по Л.Лециевичу). 6-8 — Рюриково городище (8 — реконструкция условная).

ментировано почти все тулово волнами, нанесенными либо палочкой, либо гребнем. РФК-3.

I-Г — вариант с резко отогнутым под углом венчиком с легким желобком по срезу (рис.15:5-7). Орнаментирован волной, нанесенной палочкой. РФК-3.

Некоторые эсвидные сосуды отмечены в качестве индивидуальных форм (рис.13:2;14:1;15:9).

Первый тип раннегончарной керамики Рюрикова городища принадлежит основному виду раннекруговой посуды X в., широко распространенной во всех древнерусских памятниках Северо-Запада.

II тип. Горшки и мисковидные сосуды с ребром в верхней трети.

II-A — горшки с очень коротким резко отогнутым наружу венчиком со срезом, длинной, почти вертикальной шейкой, переход к плечу обозначен резким изломом. Орнаментированы линейным сплошным или зональным орнаментом, нанесенным палочкой. Один экземпляр имеет оттиски гребенчатого штампа по срезу венчика и шейке (рис.2:II-A). РФК-2/РФК-3.

II-B — сосуды имеют несколько более приземистые пропорции, чем вариант II-A, шейка плавно вогнута внутрь. (рис.2:II-B).

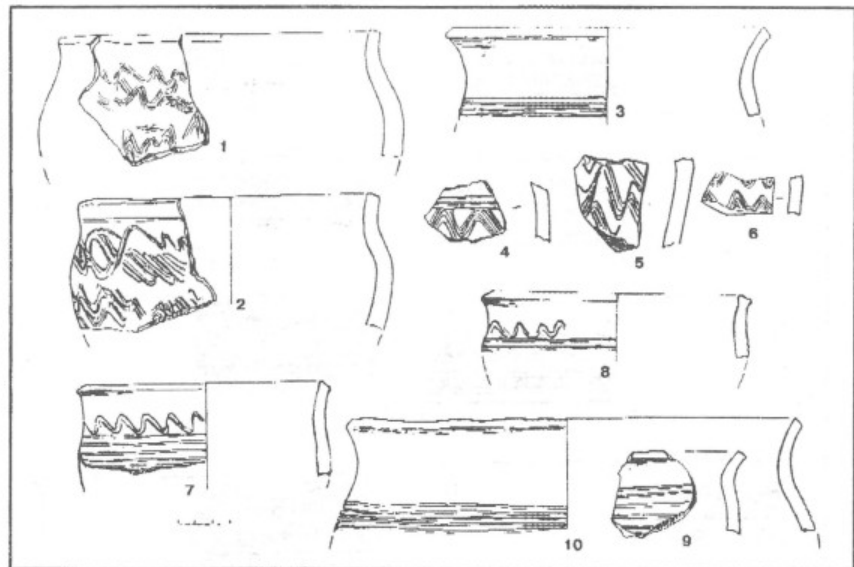

Рис.7.

"Стратиграфический" раскоп.

1,8,9,10 — пласт 7; 2 — пласт 5, 6, 7 (один сосуд); 3 — пласт 10; 4 — пласт 9 (сруб); 5 — пласт 8; 6 — пласт 9; 7 — пласт 6.

Орнаментированы многоярдной волной, либо без орнамента. РФК-2/РФК-3.

II-B — вариант по своим пропорциям приближается к мисковидным сосудам. Венчик едва намечен, с легким желобком по срезу. Ребро — в верхней трети сосуда, резко подчеркнуто. Поверхность очень тщательно заглажена, почти заполирована (рис.2:II-B). Орнаментирована полосками в сочетании с оттисками гребенки, нанесенными очень частой, узкозубчатой гребенкой. РФК-2/РФК-3.

II-Г — вариант объединяет мисковидные сосуды с резким изгибом в верхней трети. Венчик резко отогнут наружу, орнаментирован зонами линейного орнамента, нанесенного палочкой (рис.2:II-Г). РФК-2/РФК-3.

Строго говоря, второй тип выделен нами не очень корректно. Последние два варианта могли бы составить самостоятельные типы, но в силу ограниченности материала мне пришлось все реберчатые формы объединить вместе. Накопление материала со временем внесет свои коррективы в эту группу керамики.

По-видимому, по этой же причине, но уже касающейся всего круга раннегородских центров северо-западной Руси, прямых аналогий реберчатой посуде Рюрикова городища мы не имеем, за исключением варианта II-B. В Городке на Ловати есть серия таких сосудов, только с еще более резким ребром [Горюнова 1994: 66, рис.1-II-B]. Здесь же, с некоторыми оговорками, можно подыскать близкие профили варианту II-Г (Горюнова 1994:рис.1-III-B).

Кроме описанных выше и классифицированных реберчатых сосудов, в коллекции Рюрикова городища обращают на себя внимание

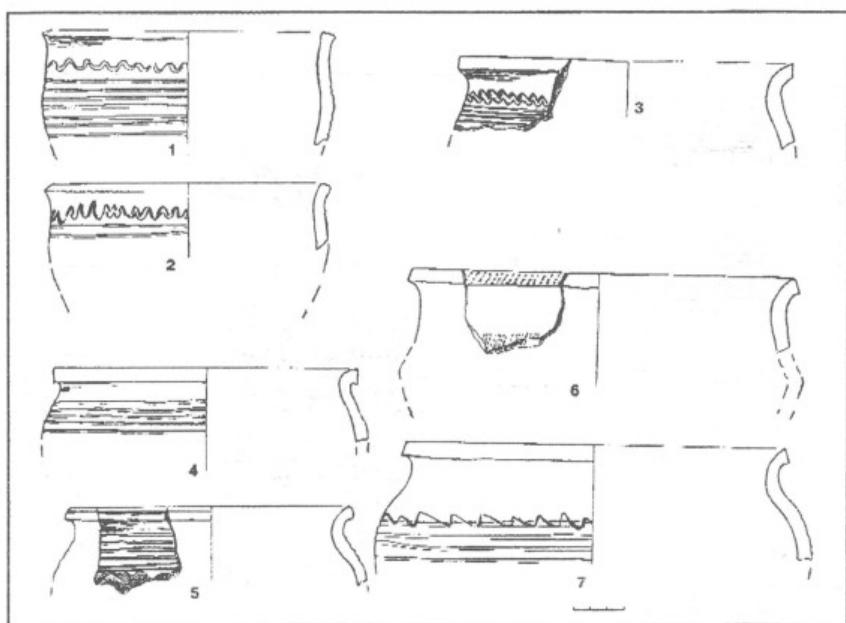

Рис.8.

"Стратиграфический" раскоп.

1,2 — пласт 5; 3 — пласт 4; 3а, 4-7 — пласт 3.

три фрагмента горшков черного или темно серого цвета. Графическая реконструкция воссоздает облик сосудов своеобразных по целому ряду черт. Они имеют более мягкое ребро, по сути это излом корпуса, подчеркнутый валикообразной орнаментацией. Валик при этом сформован двумя желобками и сопровождается наколами или гребенчатым штампом и многорядной волной, нанесенной мелкозубчатой гребенкой выше валика по шейке сосуда, прямо под венчиком (рис.6:6-8;8:4). Поверхность черного или темно-серого цвета, хорошо заглажена. Скудость исходного материала не во всех случаях позволяет сделать качественную реконструкцию, но учитывая выразительность и уникальность этих фрагментов, я беру на себя смелость атрибутировать данный вид керамики.

Чтобы провести верную атрибуцию, прежде всего следует четко отделить ее от более поздних групп сосудов, как с вертикальным горлом, так и эвовидной профилировки, украшенных валикообразной орнаментацией и получивших распространение на Северо-Западе Руси лишь в XI в. Кроме того, ее не следует путать с торновской и фрезендорфской керамикой Городка на Ловати. Хотя, как и последняя, эти сосуды имеют реберчатость и слегка отогнутый короткий венчик с прямым срезом, но сочетание валиковой орнаментации, наколов и многорядной мелкозубчатой волны не позволяет атрибутировать ее в качестве торновской или фрезендорфской посуды. Наиболее выразительные и точные соответствия данной реберчатой форме Рюрикова городища представлены в материалах Гросс Радена в

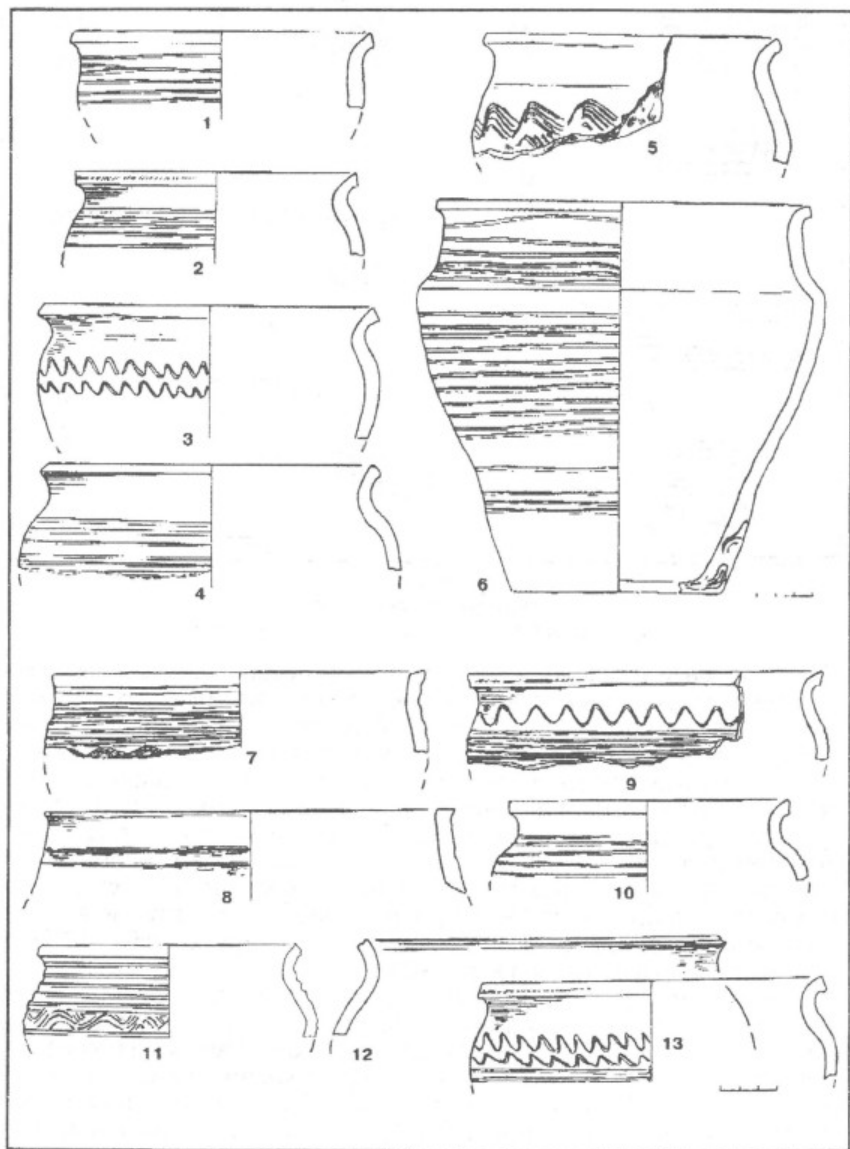

Рис.9.
"Стратиграфический" раскоп. Пласт второй.

северной Германии (рис.6:1-3 по [Schuldt 1981: Taf.39-b; Taf.38-h; Taf.61-i]), Колобжега-Будзистово (рис.6:4 по [Łosiński 1972: гус.25-g]), Щецина (рис.6:5 по [Leciejewicz и колл. 1972: P.IXa, 30-31]).

Польские археологи выделяют реберчатые формы с псевдоваликовой орнаментацией в качестве варианта одной из разновидностей менкендорфской посуды по немецкой терминологии и типа Щецин — по польской [Łosiński 1972: 42, гус.6-m; он же 1983: 209, гус.178-XXVIII]. В немецкой археологической литературе подобные реберчатые сосуды ранее включались в вольдегерскую группу (ряд I по Schuldt 1956: abb. 26-27, 32). В 1984 г. Т. Кемпке при характеристике ольденбургского керамического комплекса выделил ее в особую группу R. В дальнейшем она получила наименование — типа Гросс Раден, по наиболее типичному памятнику X в. В самом Ольденбурге она составила 1-3% в каждом из выделенных там горизонтов, и представлена в слоях с конца IX-X вв. с небольшим выходом в начало XI в. На основе дендротат комплексов в Босау, Шаршторфе и Гросс Радене уточнено, что гросс-раденский тип в своем появлении и распространении как бы сопровождает менкендорфскую посуду. Он был в употреблении в основном в X веке, самые поздние экземпляры в Ольденбурге, Гросс Радене очевидно попадают в землю после 1000 г. [Gabriel, Kempke 1991: 137]. Генетически, по мнению Т. Кемпке, этот тип связан с группой лощеной керамики германского облика, спорадически встречающейся в нижних слоях славянских городищ восточной Гольштинии в VII-IX вв. [Kempke 1984: 45-47, 66, 67. Abb. 18; 72-73 Abb. 20]. Хотя реберчатые сосуды этого типа имеют широкое распространение процент их в общем составе западно-славянской керамики, по-видимому, всегда был невелик. Т. Кемпке пытался косвенно его определить по подсчетам вольдегерской группы, которая составляла на некоторых поселениях от 9% до 13%, но фактическая часть выделяемого им гросс-раденского типа является совершенно незначительной в силу того, что только 1-ый ряд Вольдегера точно соответствует этим сосудам. Аналогично обстоят дела с определением доли типа Гросс Раден в польских памятниках. Там они, как уже говорилось, включены в классификационные схемы в качестве варианта типа Щецин (Менкендорф), который обычно максимума (около 36%) достигает в слоях X в. Судя же по иллюстративным материалам данная реберчатая форма с псевдоваликами представлена единичными фрагментами [Łosiński 1972: 66-86, tab, III, гус. 16-29]. Учитывая столь исключительную редкость гросс-раденской посуды, можно с известной долей достоверности утверждать: данный тип керамики Рюрикова городища, так же как и фельдбергский, имеет западно-славянское происхождение.

III тип. Горшки с вертикальным или слегка наклонным наружу венчиком, с наибольшим диаметром в верхней трети сосуда, который, как правило, хотя и не всегда, значительно превышает высоту сосуда.

III-A — вариант отличается слабой профилированностью. Венчик слегка отогнут, на нем легкая внутренняя и внешняя оттяжки. Линейно-волнистый орнамент нанесен палочной (рис. 2: III-A). РФК-2/РФК-3?

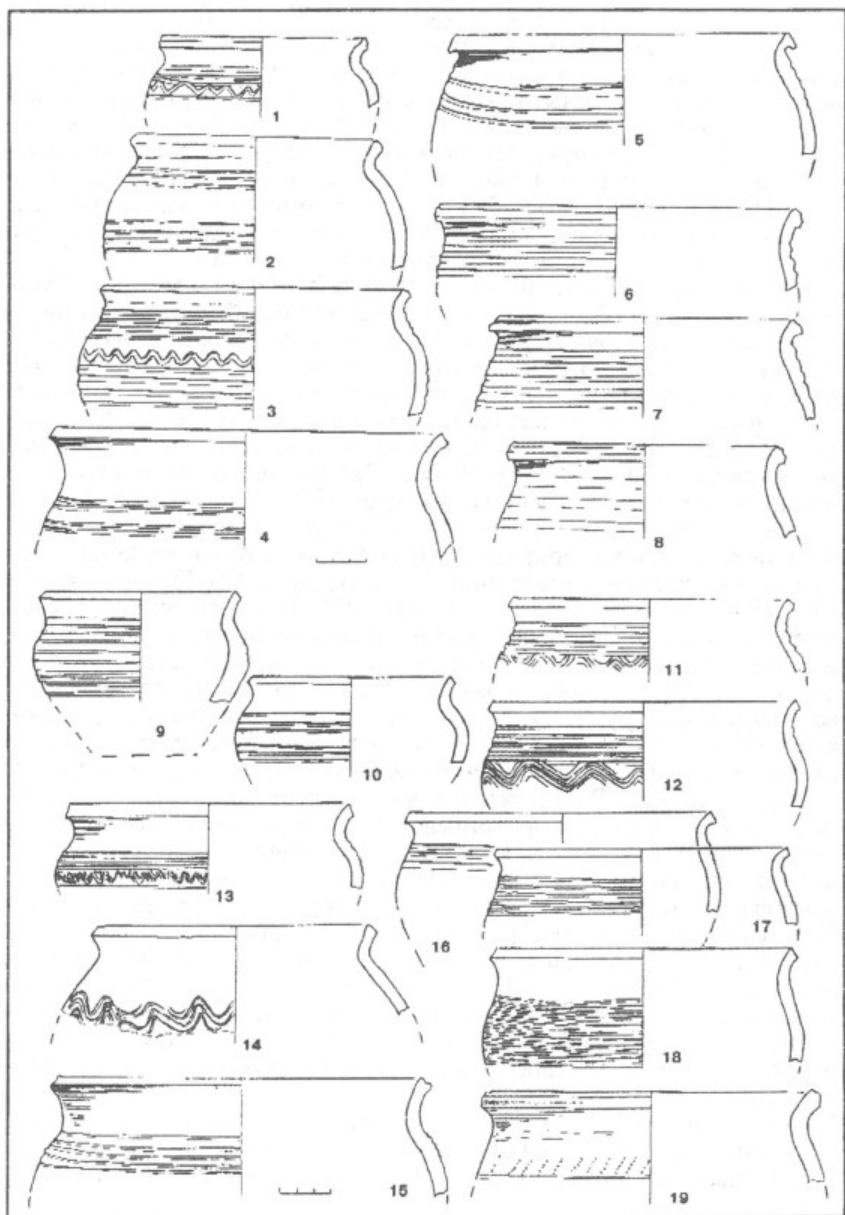

Рис.10.
 "Стратиграфический" раскоп. Пласт первый.

III-Б — вариант имеет четко выраженный вертикальный венчик с косым срезом внутрь, выпуклое плечо. Это широко раскрытый мисковидный сосуд с изгибом тулова в верхней трети. Линейный и гребенчатый орнамент покрывает почти всю поверхность сосуда¹ (рис. 3: Б). РФК-3(?) м.б. РФК-4.

III-В — широко раскрытый мисковидный горшок с вертикальной верхней частью без выделенного венчика и конусовидной нижней частью. Изгиб корпуса скруглен, чуть выше него начинается сплошная очень частая линейная орнаментация, нанесенная очень тонкой палочкой не очень равномерно и очень неглубоко. Орнаментация покрывает почти все тулово сосуда (?). Черепок хорошо прокален до желто-охристого цвета, поверхность заглажена, тесто плотное, в отличие от всей остальной керамики, в примеси очень мелкая дресва (рис. 3: III-В). РФК-3 м.б. РФК-4 (?).

III-Г — обычный горшок с невысоким вертикальным венчиком, с косым срезом внутрь или оттяжкой наружу. Орнамент линейный или линейно-волнистый, нанесенный палочкой (рис. 3: III-Г). Незначительная высота фрагмента не позволяет довольно точно определить профилировку тулова. (Включен в III тип условно). РФК-?

Третий тип объединяет очень малочисленную группу фрагментов керамики Рюрикова городища. Вариант III-А помимо Рюрикова городища встречен только в Городке на Ловати (единичные фрагменты, невошедшие в классификационную схему), но зато имеет широкий круг аналогий в менкендорфской группе северной Польши. Особенно близкий набор форм происходит с памятников Санток [Dymaczewska 1970: гус.10-18; 11-3; 12-6; 22-4; 10-18], Щецин [Szczecin... 1983: 102. гус.88-9], Лозино, Патенгово [Olczak, Siuchniński 1985: гус. 33-б] (рис. 5: 1-5, 7). Причем, эта форма в менкендорфской группе существует длительное время, начиная с VIII в. (неукрашенные сосуды), кончая началом XI в. (с линейно-волнистым орнаментом и более выраженным изломом в верхней трети).

Вариант III-Б представлен всего лишь несколькими фрагментами от единственного сосуда. Он замечателен тем, что представляет собой до сих пор малоизвестную в нашей литературе форму раннегончарной посуды, которую в генетическом плане следует отнести к позднейшим модификациям менкендорфского типа [сравни: Łosiński 1986: 32, гус.4: IV; Szczecin... 1983: 180, гус.154-12; 110 гус.95-6; Snotliwy и др. 1986: 99 гус.17-3; 101 гус.19-1; 103 гус. 22-1; 104 гус.24-6; 109 гус.25-6]. Судя по довольно большому числу аналогий из слоев Волина, этот сосуд вообще-то можно было бы включить в тип Волин (по классификации В. Лозиньского), тем более, что по своему характеру он больше соответствует ему (уровень технологии изготовления, гребенчатый штамп). Но с другой стороны, такие сосуды могут продолжать местную линию развития реберчатых мискообразных сосудов от лепных прототипов и экземпляров слегка правленных или заглаженных

¹ Графическая реконструкция, несмотря на короткий фрагмент, послуживший основой для нее, достаточно надежна так как фрагмент этот довольно полно идентифицируется с целыми сосудами из Бокова, Деревяниц и Троицкого раскопа в Новгороде. Фонды Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника (Колл. А 59/82; А 45/295; А 90/468).

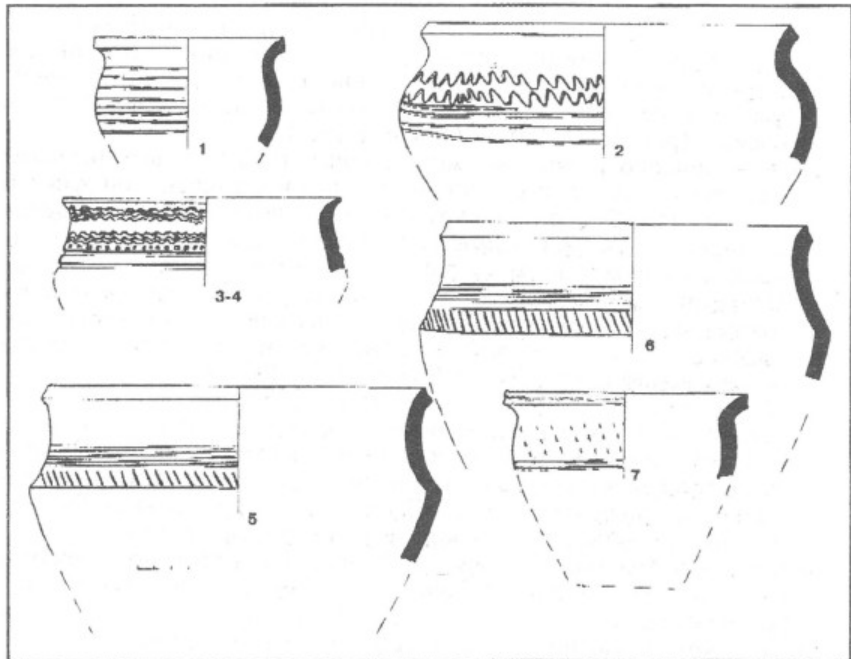

Рис.11.

Раскоп 1975 г. на южном берегу Сиверсова канала. Черный слой.

на гончарном круге, орнаментированных небрежной многорядной волной (рис.1:7) до классических раннегончарных форм, каковую мы и имеем в варианте III-Б [Горюнова 1994:68-69]. Приведенные ему выше аналогии (с. 158), на основе которых и была сделана реконструкция этого варианта, убедительно говорят о достаточно заметном положении данной формы в керамическом комплексе Северной Руси конца X (?) — начала XI вв.

Вариант III-Б по своей более высокой технике исполнения принадлежит, вероятно, уже другой эпохе. По-видимому, форма без выделенного венчика с изломом в верхней трети со временем приобретает более широко раскрытое устье, трансформируясь в сосуды мисковидной формы с вертикальным венчиком.

О варианте III-Г трудно что-либо сказать, кроме того, что аналогии этим сосудам следует искать в более поздних комплексах.

Для разработки хронологической шкалы развития раннегончарного комплекса Рюрикова городища использованы материалы раскопа 1977-1979 гг. на северном берегу Сиверсова канала. Здесь древнейшие напластования с органическими остатками, самые мощные из всех исследованных на городище (достигают 2,69 м), оказались перекрыты слоем песка толщиной 0,3-1,45 м. Поверх песка отложился культурный слой с керамикой и вещами конца XI в., в основном XII — начала XIII вв. Эти даты подтверждаются находками наверхия плети со знаком новгородского князя Глеба Святославича, княжив-

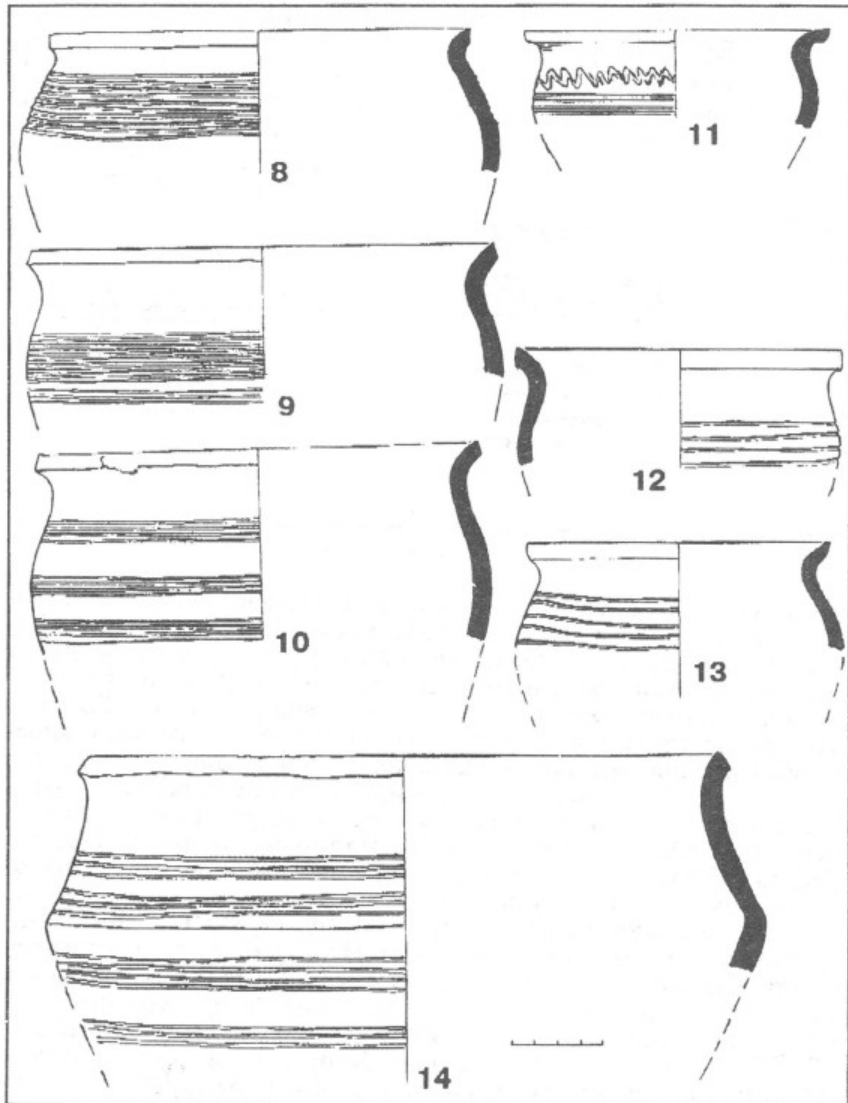

Рис. 11. (продолжение).

шего в 1067-1078 гг., и печати Владимира Ярославича, правившего в конце XII в. Древнейшие напластования оказались изолированными песком от поздних нарушений [Носов 1990:47-58,61,83-85, рис.13:5]. Кроме того, именно на этом раскопе была получена серия дендродат от 889 до 944-947 гг., которая была разработана Н.Б. Черных на основе синхронизации с дендрохронологией Троицкого раскопа в Новгороде и Земляного городища в Старой Ладоге.

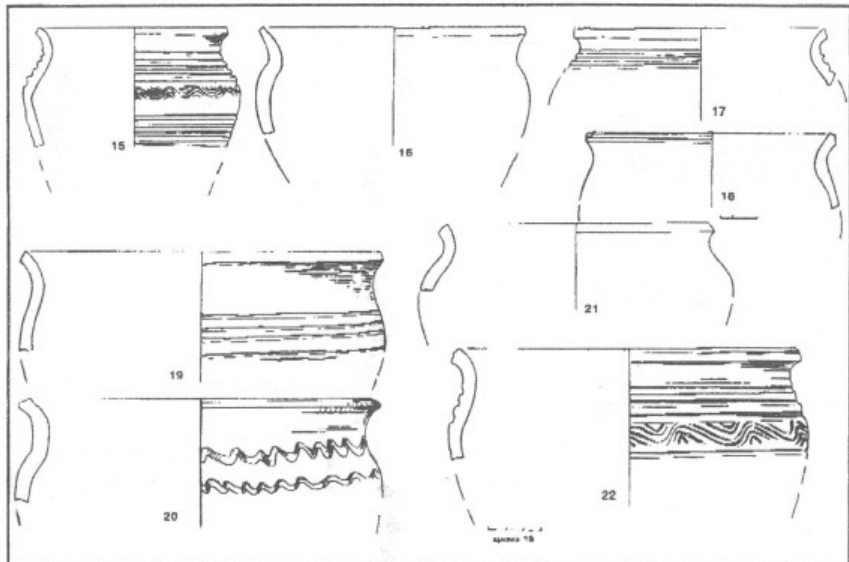

Рис. 11. (продолжение).

К сожалению материал в поле фиксировался по формальным пластам по 20 см., а поэтому, не владея естественным стратиграфическим распределением керамики, а пластографией, мы вынуждены были по полевой документации сделать привязки дендродат к определенным пластам. Учитывая, что слои на данном участке Городища залегали не строго горизонтально, не следует исключать возможности объединения материала нескольких пластов в один комплект, тем более, что Е.Н. Носов отмечает именно на этом участке, особенно в нижних пластах, довольно быстрый рост культурного слоя. Например, 11-13 пласты, по его мнению, отложились всего за 20-30 лет [Носов 1990:61]. Этому наблюдению не противоречит дендрохронология. Так, на 8-10 пласты приходится 5 дендродат и все они по времени компактны: после 897 г. — 10-й пласт, 905 г. — 9-й, конец второго десятилетия X в. — 8-й пласт. Итого около 18-20 лет на три пласта. Скорость накопления культурного слоя примерно такая же, как и в 11-13 пластах, видимо уже после 7-го пласта динамика роста отложений резко меняется, так как 5-й пласт дает дендродаты 931, 944, 944-947 гг. После 5-го пласта при датировке керамики пришлось обратиться к вещевому материалу и исходить из учета существенного снижения темпов накопления культурного слоя. В верхних пластах дерево сохранялось лишь в виде тлена, что также способствовало уменьшению скорости накопления отложений.

Распределение всего графически реконструируемого раннегончарного материала по пластам представлено на рис. 7-10. С 13-го по 4-й пласт включительно на раскопе преобладает лепная керамика. Первые единичные фрагменты раннегончарной посуды появились в 10-8-м пластах. В основном это стенки с линейно-волнистым орна-

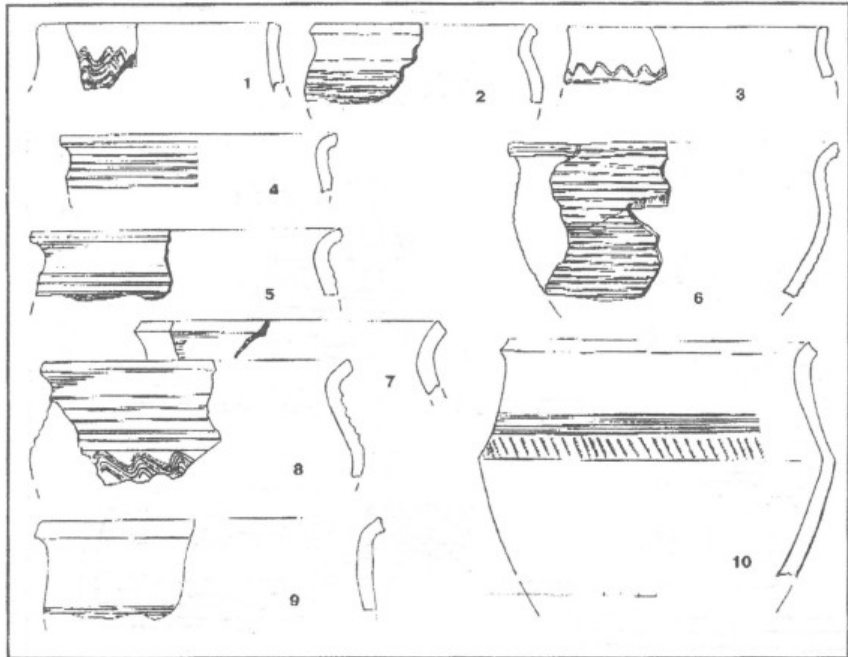

Рис.12.

Центральный раскоп 1980 г. Яма №1.

ментом и один венчик типа I-A (рис.7:3-6). 7-й пласт дает три формы: слегка подправленные на круге сосуды первой группы с небрежной волной, горшки типа I-A, III-A (рис.7:1,2,8,9,10). В 6-м пласте — один фрагмент сосуда типа III-A (рис.7:7). Вот и весь набор форм, существовавших с рубежа IX-X вв. до середины X в. (дендродаты — после 897 г., после 905 г., второе десятилетие X в.).

В пятом пласте с порубочными датами 931, 944, 944-947 гг. присутствует форма III-A (рис.8:1,2) и фрагмент стенки сосуда первой группы с путанной многорядной волной, который подклеилась к сосуду из 6 и 7 пластов (рис.7:2). Четвертый пласт содержал печь, возведенную по наблюдениям Е.Н. Носова в первые десятилетия после середины X в. [Носов 1990:58]. В нем присутствовала одна форма типа I-A (рис.8:3).

В третьем пласте появляются новая форма — тип II-A (рис.8:6) и несколько более совершенных в техническом плане (РФК-3) сосудов типа I-A (рис.8:7). Третий пласт соответствует в какой-то мере периоду запустения на этом участке памятника: в нем располагались развалы глинобитных печей предшествующих сооружений. Совокупность раннегончарных форм второго пласта помимо усовершенствованного типа I-A и I-B (рис. 9: 2-4, 9-13), II-A (рис.9:6) пополнилась типами II-B (рис.9:5), II-Г (рис.9:1) и III-Г (рис.9:7,8).

В первом пласте безраздельно господствует форма I-Б: среди значительного числа фрагментов (около 50 шт.) всего три принадлежат типу I-A (рис.10:4,17,18). Эти три фрагмента здесь выглядят чужеродным элементом. На уровне 1 пласта, частично второго были

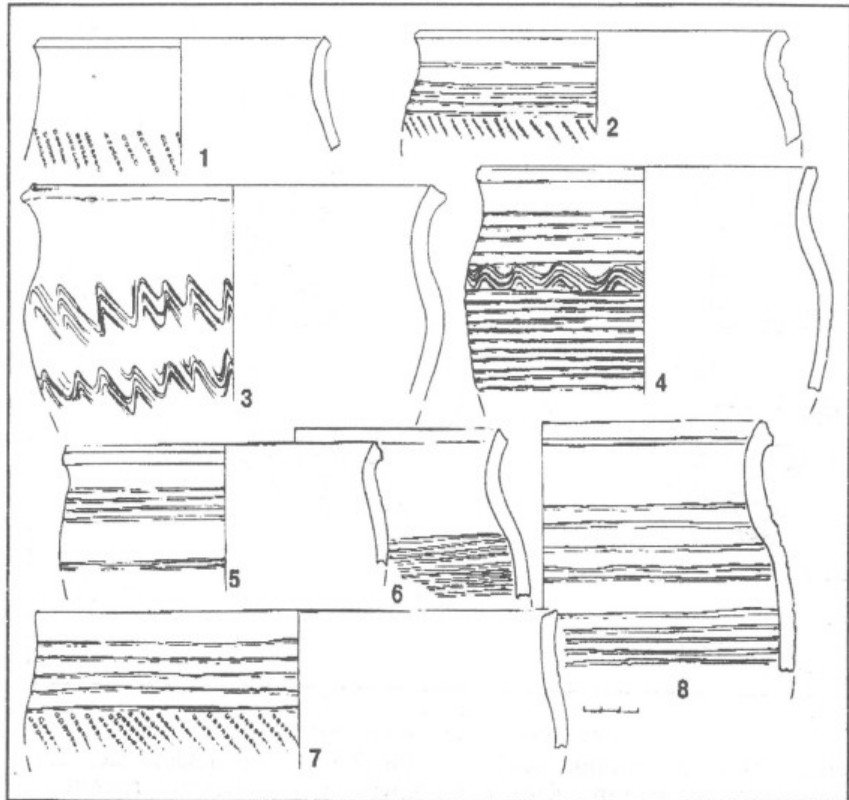

Рис.13.
Центральный раскоп 1981 г. Яма №3.

прослежены остатки в виде тлена остатки жилой постройки, что существенно повлияло на степень насыщенности культурного слоя находками как керамических, так и других категорий.

Датировка 1-3 пластов несколько затруднена из-за отсутствия дендродат, но используя результаты датирования по вещам [Носов 1990:61,70-83], учитывая более замедленный темп отложений культурного слоя в верхних трех пластах, следует признать, что накопление культурных остатков в 1-м пласте было завершено в конце X — начале XI вв. Е.Н. Носов датирует сооружение дома последней четвертью X в., а время появления песчаной засыпи, перекрывшей древнейшие слои с органикой на северном берегу Сиверсова канала, определяет рубежом X-XI вв. или началом XI в. Я больше склонна принять вторую дату, поскольку в 4-м пласте, по его мнению, была сооружена печь "в первые десятилетия после середины X в.", то есть это третья четверть X в., плюс время на ее функционирование, потом был период, когда откладывался третий и частично второй пласты, не содержащие построек (в 3-ем пласту зафиксированы лишь развалы глинобитных печей). Таким образом до сооружения дома успел

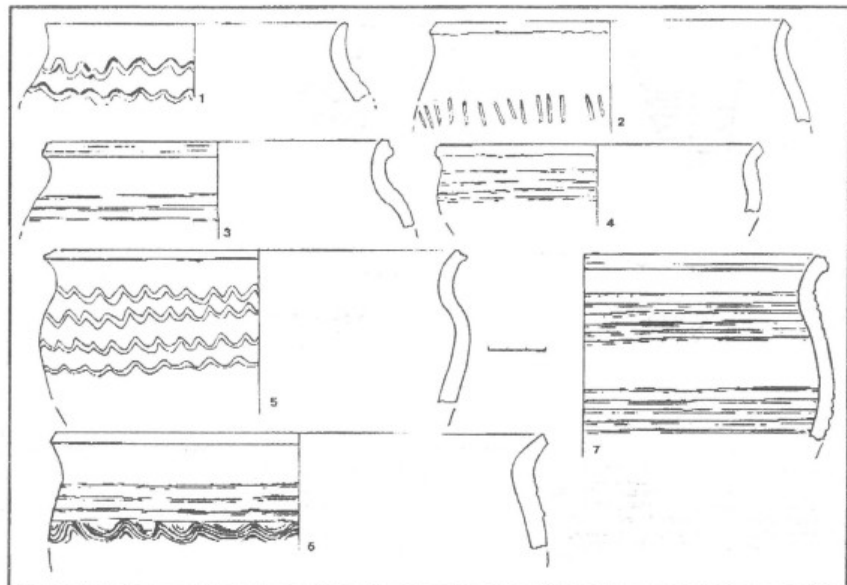

Рис.14.

Центральный раскоп 1981 г. Яма №2.

образоваться 2-й пласт с большим разнообразием новых форм (см. рис.9). К тому же они успели отжить свое и только тогда соорудили дом, который, правда, существовал не очень долго (не думаю, что это продолжалось 25 лет, потому что керамический комплекс его и прилегающего слоя поражает унылым однообразием, что свойственно всегда тем объектам, которые существуют короткий промежуток времени).

Анализ распределения различных типов керамики Рюрикова городища с 10-го по 1-й пласты позволяет выявить два момента, связанные с существенными изменениями в структуре раннегончарного комплекса. Первый падает на середину X в., когда, по-видимому, прекращают свое существование первая группа сосудов (рис.1) и тип III-A менкендорфского облика. Этот рубеж, на наш взгляд, еще и потому естественен, что на протяжении 10-го — 5-го пластов наблюдается абсолютное преобладание лепной керамики (175 фрагментов лепной керамики приходится на горсть раннегончарной, которая составила здесь всего 4%) [Носов 1990:62]. После середины X в. происходит изменение типа I-A: венчик стал короче, плечо — более выпуклое (сравни рис.7:10 и рис.8:7; 9:2-4). Появились новые типы: I-Б, изготавливаемые на другом техническом уровне, чем тип I-A, и почти полный набор новых реберчатых сосудов: II-A, Б, Г. Присутствие здесь керамики типа III-Г вызывает у меня недоумение: не связано ли их появление здесь с какими-то перекопами во время сооружения жилого дома?

Второй рубеж осязательных структурных изменений проходит после второго пласта, то есть где-то ближе к концу X в. В 1-м пласте безраздельно господствует тип I-Б. Три фрагмента от сосудов архаического облика типа I-A (рис.10:4,17,18) попали в 1-й пласт явно из перекопа. По этой же причине здесь присутствует и фрагмент первой группы (рис.5:9).

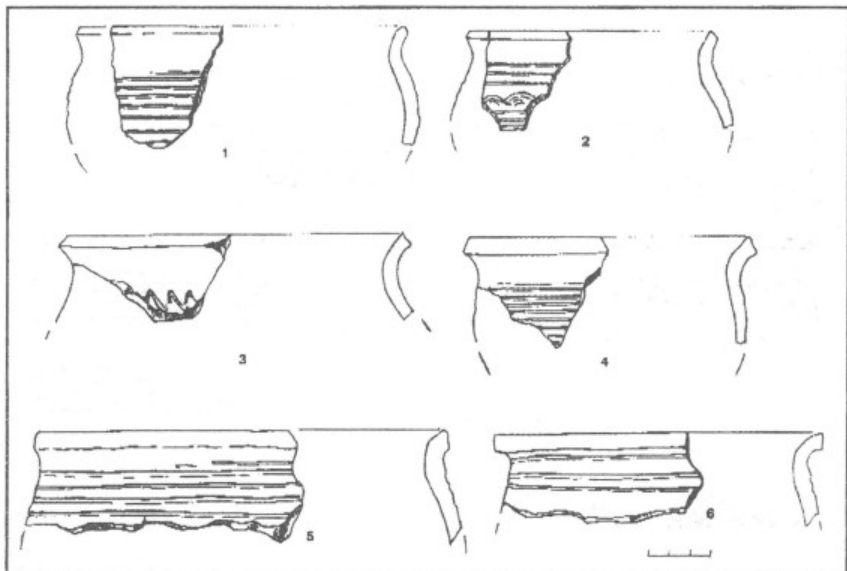

Рис.15.

Раскоп IV 1980 г. к востоку от ц.Благовещенья. Яма в кв.3.

Полученная стратифицированная колонка раннегончарной керамики с дендродатами далеко не так полна, как хотелось бы. Она не содержит всего набора форм, бытовавших на Городище в X в. Чтобы иметь полное представление о развитии структуры раннегончарного комплекса Рюрикова городища, необходимо было провести сравнительный анализ распределения типов по отдельным объектам (ямам, углубленным в материк сооружениям) и попытаться привлечь мало нарушенные перекопами отдельные участки раскопов. На центральном раскопе 1980-1982 гг. только три ямы имели в своем заполнении более или менее чистый раннегончарный комплекс. Это яма №1 (рис.12), яма №2 (рис.14), яма №3 (рис.13). Этому же условию отвечала яма в кв.3 на раскопе IV 1980 г., расположенном к востоку от ц. Благовещенья (рис.15). По-видимому, также почти не нарушен поздними перекопами черный слой раскопа 1975 г. на южном берегу Сиверсова канала. В западной части раскопа этот слой перекрыт прослойками глины. Коллекция раннегончарной керамики из этого слоя отличается целостностью (рис.11).

Каждый из привлеченных комплексов в какой-то своей части повторяет отдельные отрезки нашей колонки. Наиболее близкие соответствия ранней части колонки мы имеем с раскопа 1975 г. из двух нижних пластов черного гумуса. Сравнительно большое число эовидных сосудов типа I-A архаичной технологии (рис.11:1,2,8-10,12,19) происходят из нижних слоев черного гумуса. В этих же пластах и в жилой постройке были найдены фрагменты сосудов типа II-B (рис.11:5,6), стенки керамики первой группы. Таким образом, реберчатый сосуд типа II-B может быть включен в раннюю часть стратиграфической колонки. В верхней части слоя содержатся в основ-

ном сосуда типа I-Б, I-В (рис. 1:11,16-18,20-22). Налицо полное соответствие первому пласту с включением в его структуру нового типа I-В.

Присутствие на раскопе типов II-А (рис.11:14) и II-Г (рис.11:57), а также типа Гросс Раден (рис.11:3-4) создают картину почти полного соответствия "стратиграфическому" раскопу по содержанию и, в какой-то мере, по хронологическому распределению.

Соотношение раннегончарной и лепной посуды имеет ту же тенденцию, что и на "стратиграфическом" раскопе: в верхнем пласте, где сосредоточены сосуды типа I-Б, лепная керамика, до этого преобладавшая, почти наполовину теряет свое преимущество [Носов 1990:41]. И завершающий штрих: на южном берегу для основания черного слоя есть порубочная дата — 900 г. [Носов 1990:47].

В яме №1 Центрального раскопа присутствуют формы, характерные для первой половины X в.: фрагмент венчика с небрежной многорядной волной (рис.12:1), реберчатый тщательно заглаженный до лоска сосуд типа II-В. Есть также типы керамики, соответственные типам из 3-го — 2-го пластов "стратиграфического" раскопа — II-А, II, III-Г (рис.12:3,6,9), остальные принадлежат типу I-Б, присутствующему в 1-3 пластах. К сожалению, в описи не отмечена глубина залегания керамики в заполнении ямы, но мы можем констатировать, что структура раннегончарного комплекса этой ямы по пяти параметрам повторяет структуру раннегончарной посуды "стратиграфического" раскопа.

Комплексы ямы №2 и №3 и ямы в кв.3 раскопа к востоку от церкви Благовещенья я бы полностью соотнесла с первым пластом "стратиграфического" раскопа, так как они совсем не содержат реберчатой керамики, в них преобладает посуда типа I-Б, есть фрагменты типа I-В, который по раскопу 1975 г. был включен в комплекс первого пласта.

В яме №3 присутствует сосуд типа III-Б, который таким образом оказался характерен для финала X — начала XI вв. Не исключаю его появление во времени, соответствующем второму пласту "стратиграфического" раскопа, так как там присутствуют вертикальные венчики от не совсем определенных по форме сосудов (рис.9:7,8), но для этого надо было бы, чтобы в яме №3 присутствовали реберчатые сосуды. Поскольку таковых там не имеется, то и "спускать" сосуды типа III-Б во второй пласт не стоит. Эти соображения лишний раз подчеркивают чужеродность для второго пласта сосудов с вертикальными венчиками (типа III-Г — также).

Сосуд, определенный в качестве фельдбергского (рис. 4:1), найден в культурном слое, и мы не можем его жестко соотнести с какими-то определенными типами раннегончарной посуды, но попытаться дать ему определенное положение в нашей схеме можно. Во-первых, по техническим своим характеристикам он относится к первой группе (РФК-2). Во-вторых, хронологические рамки, в которых он существует — IX век — дата, подтвержденная дендрохронологией [Gabriel, Kempke 1991:135]. Два эти положения позволяют увязывать его существование на Рюриковом городище, скорее всего, с 1-ой половиной X в. Не исключено, что это вообще самая первая раннегончарная форма, которая появилась среди исключительно лепной керамики и дала толчок созданию целой серии слегка правленых сосудов с небрежной многорядной волной первой группы.

Подведем некоторые итоги.

Полученная стратифицированная колонка керамических форм с дендродатами и привлечение керамики из раскопа 1975 г. и некоторых ям центральной части Городища, структура комплексов которых давала аналогию каким-то отрезкам колонки, позволила установить более или менее устойчивую схему развития раннегончарной посуды Рюрикова городища. Выделяются три этапа развития. Первый (с рубежа IX-X вв. или начала X в. до середины X в. с дендродатами) характеризуется наличием группы переходной от лепной керамики к гончарной с небрежной многорядной волной. Есть экземпляр привозного фельдбергского сосуда. Обязательно присутствие горшков с эсовидным профилем и менкендорфского облика. Не исключая наличие широкооткрытых реберчатых сосудов, с заглаженной почти до лоска поверхностью, украшенных мелкозубчатым штампом.

Второй этап наступает после середины X в., когда первая группа слегка правленной керамики исчезает, реберчатая огрубляется, появляются новые ее варианты, на ней преобладает линейный орнамент; у сосудов эсовидного профиля укорачиваются венчики, плечо становится более выпуклым. Вероятно с этим этапом следует связывать появление сосудов типа Гросс Раден.

Третьему этапу (конец X — начало XI вв.) присущи изменения, происходящие в результате применения более прогрессивной технологии — профилировки венчика с помощью вращения круга и заглаживания основной части емкости с внутренней стороны сосуда. Отсутствуют реберчатые горшки. Продолжают возникать новые варианты сосудов эсовидного профиля: появляется вздутость в верхней части и большая округлобочность, на внешнем обресе венчика формируются различного рода оттяжки и желобки, преобладают резко укороченные и резко отогнутые венчики. Характерны формы с вертикальным венчиком со срезом или легкой оттяжкой, мискообразные, слабопрофилированные.

Разделение на этапы имеет некоторую условность. В комплексах и в части культурных напластований, не нарушенных перекопами, всегда имеем как бы "примесь" от предшествующего или последующего этапов, правда, весьма незначительную (один, два фрагмента, не более). Появление такой примеси — результат закономерного развития или следствие механических перемещений культурного слоя, которое не фиксируется в силу несовершенства наших методических приемов его исследования? В конце концов данная схема все равно работает, она открыта для пополнения новыми материалами и послужит добротным инструментом для планиграфических штудий на Рюриковом городище, а также для сопоставления и построения общей структурно-хронологической шкалы развития раннегончарных керамических форм Приильменя, в процессе которых она сама будет уточняться и совершенствоваться.

ГОРЮНОВА, В.М. 1982. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: 39-45. Л.

1994. Проблемы происхождения западно-славянской керамики в Пришьемне // Новгород и Новгородская земля. Материалы научной конференции: 65-77. Новгород.
- НОСОВ, Е.Н.* 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л. *ЖУРНАЛ...* 1879. Журнал курганных раскопок, произведенных их имп. выс. великими князьями на Лыбутской местности. Псков.
- CNOTLIWY I DP.* 1986. E. Cnotliwy, W. Łosiński, J. Wojtasik. Rozwoj przestrzenny wczesnośredniowiecznego Wolina w swietle analizy porownawczej struktur zespolow ceramicznych // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim. Studia i materialy. Warszawa. 62-117.
- DUMACZEWSKA U.* 1970. Ceramika wczesnośredniowieczna z Santoka, pow. Gordow // *Slavia Antiqua*. XVI. Warszawa-Poznań. 145-199.
- DONAT P.* 1987. Zur zeitlichen und regionalen Gliederung der altslawischen Keramik zwischen Oder und Elbe/Saale // Studia nad etnogenezą słowian i kulturą Europy wczesnośredniowiecznej. 1. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź. 239-254.
- GABRIEL J., T.KEMPKKE.* 1991. Ausgrabungsmethode und Chronologie // Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Karl Wachholtz Verlag Neumünster. 123-148.
- HERRMANN J.* 1968. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder-Neiße und Elbe // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte, 23. Berlin.
- KEMPKKE T.* 1984. Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slaven in Wagrien. 2. Die Keramik des 8-12. Jahrhunderts // *Offa-Bücher*, 53. Neumünster.
- ŁOSIŃSKI W.* 1972. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa gradowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII-X/XI w.). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- ŁOSIŃSKI W., R. ROGOSZ.* 1986. Metody synchronizacji kulturowych wczesnośredniowiecznych obiektów wielowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim. Studia i materialy. Warszawa. 9-50.
- LECIEJEWICZ I KOJLI.* 1972. L. Leciejewicz, M. Rülewicz, S. Wesołowski, T. Wieczorowski. La ville de Szczecin des IX-XIII siècles // *Archaeologia Urbium*. 2. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk..
- OLCZAK J., K.SIUCHNINSKI.* 1985. Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnośredniowiecznym Osadnictwem grodowym na terenie województwa Słupskiego. Poznań.
- PROBLEMY...* 1986. Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu zachodnim. Warszawa.
- SCHULDT E.* 1956. Die slavische Keramik in Mecklenburg // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte, 5. Berlin.
1981. Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9./10. Jahrhunderts // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostock, Schwerin und Neubrandenburg, 14. Berlin.
- STARIGARD ...* 1991. Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Karl Wachholtz Verlag Neumünster.
- SZCZECIN...* 1983. Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze zamkowe. Колл. авт. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź. Polskie badania archeologiczne, 23.

ПОДКОВООБРАЗНАЯ ФИБУЛА СО ЗВЕРИНЫМИ ГОЛОВКАМИ С РЮРИКОВА ГОРОДИЩА

В 1991 году новгородским собирателем древностей А.И. Зайцевым на Рюриковом городище, в воде у берега Сиверсова канала была найдена половина эффектной подковообразной фибулы, являющейся уникальным предметом на территории Северной Руси. Обломок представлял собой дугу массивной литой несколько овальной фибулы (меньший диаметр 6,3 см), украшенный тремя звериными головкам (рис. 1). Одной головкой, приподнятой и повернутой к дуге, был оформлен конец фибулы, второй — средняя часть дуги и третья звериная головка располагалась между ними, примерно на одной четверти дуги фибулы. Все три головки изображали одного и того же зверя из рода кошачьих, с короткими прижатыми ушами и открытой пастью. Дуга фибулы имела шестиугольное сечение с несколькими скругленными гранями. Верхняя лицевая часть фибулы была украшена меандрическим орнаментом, а две боковые — пуансонным узором в виде двух полос по краям и зигзагообразной линии между ними. Сечение дуги имело размеры 6,5 мм x 10 мм. В 2,2 см от изогнутого края головки часть дуги фибулы не была орнаментирована и отделялась от основной декорированной поверхности тремя тонкими валиками с насечками. Под звериной головкой, украшавшей центральную часть дуги, с обратной стороны, находилось устройство для крепления иглы в виде двух выступов с отверстиями, в которые был вставлен шпенек.

Подобные фибулы вошли в литературу как "подковообразные фибулы с концами, напоминающими головы львов". Это достаточно условное определение, так как звери, украшавшие концы фибул, не могут быть однозначно атрибутированы. Круг аналогий данной фибуле ведет нас к небольшой группе изделий, распространенных в основном на территории Скандинавии. Подковообразные фибулы близкие по типу оформления головок найдены в 6 погребениях могильника Бирка [Arbman 1940: Taf.48]. Среди них одна фибула из погребения 477 по размерам, форме и украшению головок зверей особенно напоминает наше изделие [Arbman 1940: Taf.48-2]. Все фибулы этой группы встречены исключительно в мужских захоронениях Бирки по одному экземпляру и датируются X веком. За пределами Средней Швеции единичные находки известны в Германии, Норвегии, Финляндии и Восточной Пруссии.

Одна фибула с "львиными" головками обнаружена в Хедебю [Müller-Wille 1988:742-745] во время работ в гавани. Это прекрасная пышно орнаментированная фибула с более детальной проработкой головок, чем экземпляр с Городища. Еще одно изделие происходит с поселения позднежелезного века Норвегии [Вассботнфьел — Sjøvold 1974: 215, Taf. 47d], а близкая по типу фибула встречена в прусском

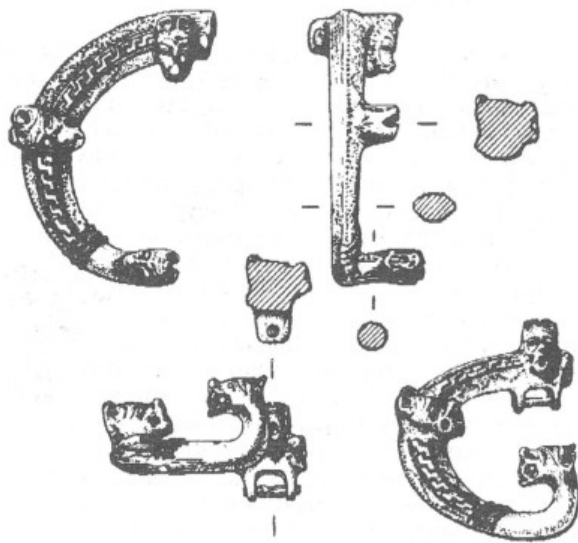

Рис. 1.

Подковобразная фибула со звериными головками из материалов Рюрикова городища.

которых были украшены подобными головками [Carlsson 1988: Typen 30-37]. В их число он, в частности, включает изделие из Ранем, у которого головки зверей не были приподняты над дугой фибулы и повернуты в противоположную сторону, а дуга плавно переходила в конец. Среди готландских фибул наиболее близки находке с Городища фибулы из Вальва [Carlsson 1988: 35, 137] и Рома [Carlsson 1988: 35, 217]. Обе фибулы А.Карлссон считает парадными экземплярами. Одна из них является случайной находкой (Рома), а вторая обнаружена в погребении всадника (Вальва) недалеко от известного поселения Павикен. К сожалению, готландские фибулы не дают дополнительных материалов для уточнения их хронологии и исследователи датируют их X веком, ссылаясь на погребения Бирки.

Если суммировать все данные о группе фибул с "львиными" головками, то наибольшее их число встречено в Швеции, включая остров Готланд, на остальных территориях они являются единичными находками и происходят из тех пунктов, которые в той или иной степени были связаны с деятельностью скадиавов. Не случайно Х. Салмо и Е.Кивикоски относят изделия найденные в Финляндии к импорту из Скандинавии. Исходя из большого числа фибул с различными звериными головками (в частности и львиными), происходящих с Готланда, М.Стенбергер [Stenberger 1958:70] утверждал, что все они произведены в мастерских этого острова. М.Мюллер-Вилле по распространению фибул с "львиными" концами отмечает, что их можно было бы назвать готландско-упландской группой. Он также полагает, что хотя многообразие фибул со звериными головками на Готланде говорит как бы в пользу готландского происхождения этих изделий,

могильнике Вискиаутен [Muhlen 1975: Taf. 25]. Два изделия найдены на территории Финляндии — это находка в могильнике с трупосожжениями Кертула и фибула из Сатакунта [Salmo 1956: 43, Abb.18; Kivikoski 1973: 96, Taf. 78, Abb. 699].

Самая представительная коллекция подобных фибул известна с о. Готланд. А.Карлссон, издавший недавно каталог подковообразных фибул Готланда, рассматривает 9 фибул, концы ко-

тем не менее это не подтверждается находками самих мастерских [Müller-Wille 1988: 751].

В то же время при сравнении всех экземпляров данной специфической группы фибул можно сделать одно важное наблюдение. Оно заключается в том, что среди известных нам экземпляров нет ни одного идентичного изделия. Общими для этих фибул можно считать форму головок, размеры и сечение дуги, причем в эту группу исследователи включают, как фибулы с головками просто приподнятыми над дугой и никак с ней не связанными, так и фибулы с головками, из пасти которых как бы высунут язык, выполняющий роль перемычки, соединяющей головки с дугой (например фибулы из погребений 628, 644 и 736 Бирки) [Arbman 1940 : Taf 48:1-4]. В этом случае морды животных больше напоминают скандинавских драконов. Бросается в глаза так же удивительное разнообразие декоративных элементов, украшающих изделия: дополнительные головки на самой дуге в сочетании с валиками-перемычками, различные рельефные и пуансонные орнаменты по всей дуге или украшения в виде характерной скандинавской плетенки, ограниченные небольшой зоной.

Кроме того, в данной группе фибул не наблюдается единства и в способе крепления иглы. Часть фибул имеют иглу характерную для обычных групп подковообразных фибул, то есть игла уплощенной частью загнута и перекинута через саму дугу и имеет несколько большие размеры, чем диаметр фибулы. С другой стороны, у ряда фибул прослеживаются специальные крепёжные приспособления для иглы. На целых экземплярах выявляется по крайней мере два таких приспособления. Так, на фибуле из Рома (Готланд) игла была расположена под дугой и крепилась подобно иглам на скандинавских овальных фибулах, а именно, с одной стороны, она висела на шпильке, который находился между двумя полукруглыми пластинками, а с другой — зацеплялась за плоский крючкообразный приемник. Игла в этом случае располагалась параллельно концам фибулы. Аналогичное крепление иглы зафиксировано, в частности, на одном экземпляре из Бирки (погребение 736). В свою очередь на фибуле из погребения 644 Бирки игла располагалась несколько иначе — от центра дужки к концам, что было связано с иными конструктивными особенностями ее крепления. Дело в том, что, прикрепляясь под дугой фибулы в центре, таким же образом как и на двух выше описанных экземплярах, игла своим концом зацеплялась за крючок, находящийся под одной из головок фибулы.

Рассматривая часть фибулы, найденной на Рюриковом городище, среди всех известных украшений подобного типа, можно отметить, что она оригинальна по своему декору. Ни одна из фибул данной группы не имела такого количества декоративных звериных головок как наш экземпляр (5 — их было три на дуге и две на концах). Не имеет аналогий и орнамент по верхним граням дуги. По характеру достаточно реалистично выполненных звериных головок фибулу с Рюрикова городища можно сравнить с фибулами из Хедebu, Бирки (погребение 477), Рома, Вальва и из Кертула. По способу крепления иглы городищенская фибула по всей видимости близка экземпляру из погребения 644 Бирки. По крайней мере сохранилось приспособление для насадки иглы под дугой фибулы в центре, а на основе рассмотренных приведенных аналогий, можно предполагать,

что приемник-крючок располагался под вторым несохранившимся концом изделия. Таким образом, фибула с Рюрикова городища не имеет прямых аналогий, но отдельные ее детали сопоставимы с различными украшениями данной группы.

Очевидно, фибулы с "львиными" головками изготавливались индивидуально по восковым моделям. Не вызывает сомнений их скандинавское происхождение. Их могли производить в мастерских Готланда или Средней Швеции, хотя они могли быть сделаны в любом районе, где были скандинавские ремесленники. Этот тип фибул послужил прототипом для более поздних фибул XI-XII вв. со звериными головками, широко распространенными в Балтийском регионе [Thunmark-Nylen 1992:155-162].

Находка фибулы с Рюрикова городища соответствует известным фактам о появлении скандинавов на Руси, прежде всего, из района озера Меларен в центральной Швеции [Носов 1990: 163]. Обращает на себя внимание тот факт, что Городище является памятником, в отличие от многих других пунктов со скандинавскими находками, на котором представлены, помимо массовых скандинавских предметов, редкие, единичные на Руси изделия. К числу последних относятся фигурка валькирии [Носов 1990 : 122,126, рис.44-2], равноплечная фибула типа Вальста [Амбросиани, Гайдуков, Носов, Янссон 1994 : 110-118], подвески с руническими надписями [Носов 1990 : 124, 126, 156-158, рис.47] и рассмотренная фибула, украшенная звериными головками. Это не случайно и характеризует особую роль поселения в истоке Волхова в русско-скандинавских отношениях.

- АМБРОСИАНИ, Б., П. Г. ГАЙДУКОВ, Е. Н. НОСОВ, И. ЯНССОН. 1994. Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси // Археологические Вести 3 : 110-118.
- НОСОВ, Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград.
- ARBMAN, H. 1940. Birka I Die Gräber. Stockholm.
- CARLSSON, A. 1988. Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog. Stockholm Studies in Archaeology 8. Stockholm.
- KIVIKOSKI, E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- MÜLLER-WILLE, M. 1988. Fremdgut und Import östlicher Provenienz in Schleswig-Holstein (9. — 12. Jahrhundert) // Oldenburg — Wolin — Staraja Ladoga — Novgorod — Kiev. Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 69: 740-783. Mainz am Rhein.
- MÜHLEN, B. 1975. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner H. Vorgesch. 9. Bonn.
- SALMO, H. 1956. Finnische hufeisenfibeln. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 56. Helsinki.
- SJOVOLD, TH. 1974. The Iron Age Settlement of Arctic Norway. 2 Late Iron Age. Tromsø Mus. Skr. 10/2. Tromsø — Oslo — Bergen.
- STENBERGER, M. 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 1 Text. Uppsala.

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ О КУЛЬТОВОМ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ НАЗНАЧЕНИИ ХЛЕБНЫХ ПЕЧЕЙ КОНЦА IX-X ВВ. НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ

"Словене же седоша около езера Илмеря и прозвашася своимъ имянемъ" [ПВЛ, 1950, ч.1] — так в древнерусской летописи говорится о месте первоначального освоения славянами Северо-Запада. Одним из наиболее значимых поселений конца I тыс. н.э. в этом регионе было Рюриково Городище, расположенное в 2 км. от Новгорода, у истока Волхова из озера Ильмень, напротив центрального языческого святилища словен — Перьни. Размещение Городища на месте соединения крупнейших международных торговых путей средневековья — балтийско-волжского и "из варяг в греки", а также в центре ядра земледельческих поселений — определило ту важнейшую роль, которую оно играло в становлении Новгорода и Новгородской земли. Городище уже в IX в. являлось крупным торгово-ремесленным и военно-административным центром, местом размещения князя и дружины, куда сходились нити управления Приильменьем. Именно Городище в первую очередь претендует на роль того "старого города", по отношению к которому поселения, основанные несколько ниже по течению Волхова, позже были названы Новым городом — Новгородом. Если в легендарном призвании Рюрика видеть историческую правду, то только сюда, на Городище в IX в. он мог перенести свою резиденцию из Ладоги.

Археологические раскопки Городища впервые были проведены в 1901 г., однако систематическое и планомерное его изучение началось с 1975 г. экспедицией под руководством Е.Н. Носова. Оценивая материальную культуру поселения, Е.Н. Носов подчеркивает, что в ней "очень явственна вуаль североевропейской, общепалтийской культуры. По своему этническому составу в IX-X вв. Городище являлось славяно-скандинавским поселением" [Носов 1990:206-207]. Богатство и уникальность археологического материала, открытого на Рюриковом Городище, позволяют вновь и вновь возвращаться к его анализу, делать дополнительные наблюдения и интерпретации.

В 1977-1979 гг. раскопками у городищенского холма, в сырой ложбине, был открыт хозяйственный комплекс, состоящий из пяти однотипных печей, функционировавших на одном месте, сменяя друг друга, несколько десятков лет [Носов 1990:51-61]. Это были глинобитные печи с мощным подом из камней и глины. В разные периоды своего существования с конца IX в. печи находились на открытом воздухе, ограниченные, в одном случае, с трех сторон бревенчатой обноской в три венца, в другом случае, внутри двора с плетневыми стенами, в третьем — в небрежно срубленной бревенчатой постройке размерами 3x5 м., возведение которой на основе дендрохронологии можно относить

ко времени, вероятно, после 911 г Печи существовали то по одной, то парами. Благодаря их конструктивным особенностям, дающим возможность длительного сохранения печами тепла, месту расположения в противопожарных целях в сырой ложбине, археологическим и этнографическим аналогиям, Е.Н. Носовым был сделан обоснованный вывод, что печи использовались для выпечки хлеба и являлись объектами коллективного пользования, восходящими к архаическим традициям общинного быта [Носов 1990:58-61].

Аналогичная и по конструкции и по времени печь была открыта в Ладоге [Носов, Петренко 1986:8-15]. Близкие по конструкции печи известны в Новгороде и в польских городах — Гданьске и Щецине [Носов 1990:60; Засурцев 1963:112; Khoroshev, Sorokin 1992:138, 145]. В Гданьске, как и в Новгороде, печи располагались на перекрестке улиц и, по мнению исследователей, обслуживали около 10 домов, являясь печами коллективного пользования.

По этнографическим данным печи, вынесенные за пределы жилищ, часто расположенные во дворе или огороде, известны у многих народов. Их строили специально для выпечки хлеба, хотя использовали и для иных нужд. Хлебными печами пользовались и в летнее и в зимнее время, иногда члены нескольких семей [Бломквист 1956:451]. В Финляндии наружные печи иногда располагались близ навесов для скота, в Эстонии же в XIX в. летние кухни использовались для приготовления корма животным, поэтому около кухонь обычно стояли корыта [Хабихт 1959:382]. На Рюриковом Городище также было обнаружено прислоненное к срубу с глинобитной печью долбленое корыто для кормления телят или поросят, а вокруг комплекса — слои навоза. Е.Н. Носов отмечал, что "рассмотренные печи Городища и Ладоги — это функциональные предшественники различных средневековых хлебен, поварен или летних кухонь" [Носов 1990:60]. Этот вывод можно дополнить результатами еще некоторых наблюдений.

Как уже отмечалось, одна из печей, открытых на Городище была помещена в срубную постройку. В этой связи необходимо обратить внимание на открытые в Новгороде, во время археологических раскопок, так называемые "постройки производственного назначения" с расположенными внутри печными срубами, заключавшими, в свою очередь, внутри себя печь [Засурцев 1959:289]. В одной из таких построек была найдена пряничная деревянная доска. П.И. Засурцев определяет их как коптильни и пекарни, сравнивая некоторые печи в этих постройках с украинской кабицей, которая известна по этнографии как глинобитная летняя хлебная печь [Засурцев 1963:36; Бломквист 1956:256, рис. 55]. Эти новгородские постройки XII-XIII вв., были не жилыми, но примыкали к домам. Для XIII-XVII вв. мы также знаем "варистые" русские печки для приготовления пищи и выпечки хлеба, располагавшиеся вне дома, в специальных поварнях и хлебных избах [Рабинович 1975:234].

Вероятно, что отдельно стоявшие хлебные печи Городища и Новгорода, помещенные в небольшие срубные сооружения и "постройки производственного назначения", могли составлять звенья одного эволюционного ряда развития специальных хлебных изб.

Раскопки хозяйственного комплекса на Рюриковом Городище также дали и очень интересный сопутствующий материал, без анали-

за которого невозможно до конца понять значение, которое придавалось печам на поселении. Так, во время расчистки печи в срубе, было обнаружено жертвоприношение коровы (рис. 1). Сразу исправляя неточности в работах И.П. Русановой, в которых она писала, что: "в одной из печей на Рюриковом городище были замурованы череп и ноги коровы", отмечу, что на самом деле, на Городище был обнаружен скелет небольшой коровы без черепа и конечностей под срубной постройкой с печью, как это зафиксировано в полевой документации и в книге Е.Н. Носова "Новгородское (Рюриково) Городище", на которую и ссылается исследовательница [Русанова, Тимошук: 1993:77; Русанова: 1993:56; Носов 1977:14; Носов 1990:54]. Помимо жертвоприношения коровы в своей книге Е.Н. Носов упоминал о семи конских черепах, найденных также в районе хлебного комплекса [Носов 1990:51]. Необычное и совершенно не характерное для археологически раскапываемых славянских поселений скопление такого большого количества конских черепов в одном месте, и тем более рядом с таким важным хозяйственным объектом как хлебные печи, на мой взгляд, заслуживло детального рассмотрения, которое, позволило предложить дополнительную интерпретацию всего хлебного комплекса.

Детальный анализ архивной документации раскопок позволил уточнить, что в районе печей было обнаружено не 7, а 9 конских черепов, располагавшихся на разной глубине, но достаточно компактно, полукругом с северной и западной сторон от хозяйственного комплекса (рис. 1) [Носов 1977:6,7; 1978:6,10,11]. Наблюдение за стратиграфией позволило установить соотношение в расположении черепов и печей. Самый ранний череп (гл. -148 см.), по глубине залегания соответствовал времени разрушения древнейшей печи и началу постройки печи в срубе и находился на уровне скелета жертвенной коровы. Череп коня располагался на правой стороне примерно в 4 м. западнее от юго-западной стенки сруба и основанием был прислонен к срезу небольшого бревнышка. Следующий череп (гл. -122 см.), единственный из всех найденный среди скопления конских костей, стратиграфически соотносился с первым (окладным) венцом сруба и располагался в 4 м. к западу от северо-западного угла постройки. Три черепа (гл. -110; -127; -113) по уровню залегания соответствовали второму венцу. Из них два черепа (гл. -110; -127) находились примерно в трех метрах западнее от юго-западной стенки сруба, а третий (гл. -113) — всего в 40 см. от северо-западной стенки, между выступающими наружу концами бревен С-В и Ю-В стен. Последнему (третьему) сохранившемуся венцу сруба, то есть времени разрушения печи от пожара, стратиграфически соответствовали два черепа (гл. -83 и -89 см.). Один из них (гл. -83) найден в двух метрах северо-западнее от северо-западного угла, а второй (гл. -89 см.) — практически прислонен к северо-восточному углу постройки. Череп (гл. -80 см.), найденный в 2 м. северо-восточнее северо-восточного угла, вероятно, оказался рядом несколько позже разрушения данной печи. Последний череп (гл. -108 см.) однозначно стратиграфически привязать к печам трудно. Таким образом, по уровню залегания в культурном слое черепа соответствовали времени функционирования печей, а в большей степени — печи в срубной постройке. Некоторые черепа располагались в непосредственной близости от печи, один из них был даже прислонен к углу сруба.

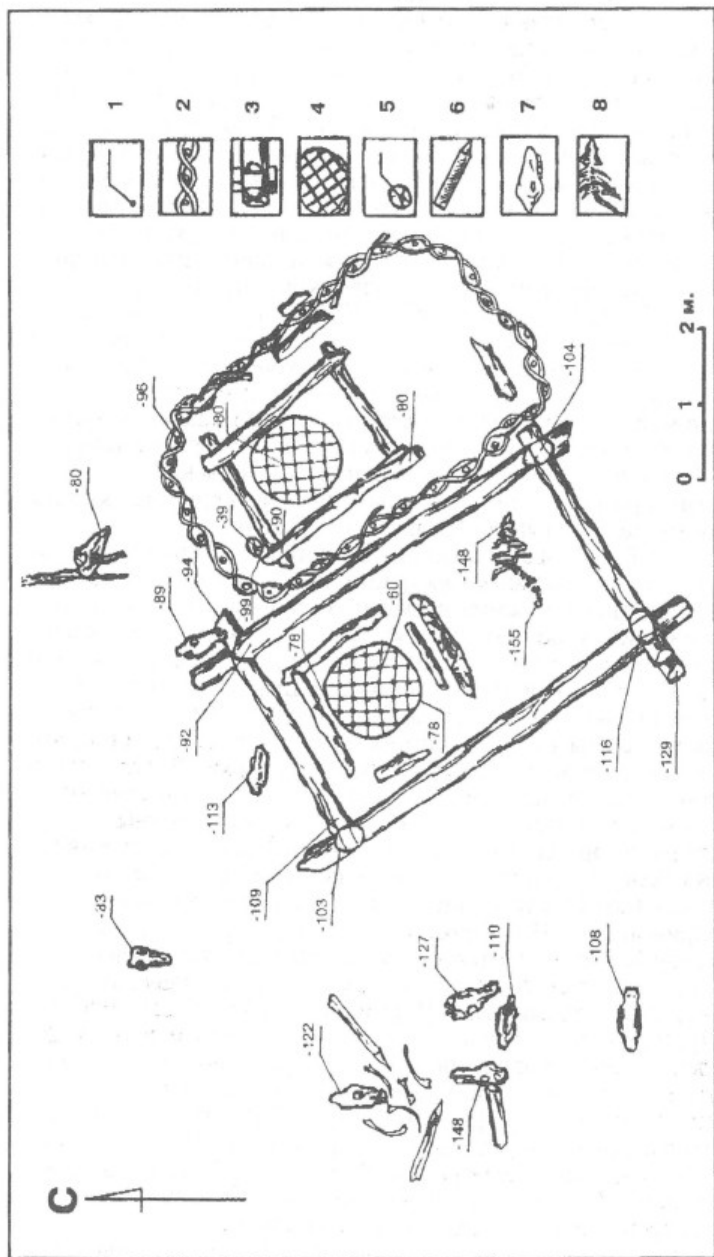

Рис. 1.

Северный берег Сиверсова канала. Планы наружных хлебных печей (вторая четверть-середина X в.), черепов коней и жертвоприношения коровы.

Условные обозначения: 1 — нивелировочные отметки; 2 — плетень; 3 — бревна; 4 — развал глины; 5 — столб; 6 — колья; 7 — лошадиные черепа; 8 — жертвоприношение коровы

Семантика образа коня и конского черепа, известная их ритуально-мифологическая связь и соотносимость с общим кругом культовых представлений о солнце, огне, печях, хлебе и доме, позволяют видеть закономерность в обнаружении конских черепов у хлебного комплекса. В славянских обрядах отражена особая роль головы коня, зафиксированная в принесении коней в жертву богам, и при закладке дома, и в соответствующих символах на крыше дома, и в сжигании конской головы в костре во время купальских праздников. В средневековье конь был одним из самых главных по значимости жертвенных животных, и, по индоевропейской иерархии, он был ближе всего к человеку. Конские черепа и кости приносились в жертву также и печам, что зафиксировано археологическими материалами [Русанова, Тимошук: 1993:46; Цауне 1984:148]. В XIX в. жители архангельской губернии держали конские черепа за печкой или под ней, но, как писал П.С. Ефименко, не могли уже объяснить с какой целью [Ефименко 1874:227,354; Байбурин 1983:148]. Семантика образа коня определялась и аграрным культом, культом хлеба и плодородия, что выражалось, к примеру, в выпекании фигурок коней из теста к свадебным и рождественским обрядам [Потебня 1865:49, 50]. Во время сватовства у финских народов, в частности у води, при поедании ритуальных пирогов, женщины должны были имитировать ржание лошади [Шлыгина 1978:269].

В ситуации на Рюриковом Городище вряд ли можно предполагать, что черепа являются останками захоронений коней, так как у большинства черепов отсутствуют нижние челюсти, и только с одним из них было обнаружено некоторое количество конский костей. Не находились черепа и в хозяйственных ямах. Вероятно, не являлись они и жертвоприношениями, специально располагавшимися непосредственно на земле перед печами. Явно неупорядоченное положение и ориентировка черепов, как бы их разбросанность, создает впечатление, что они были сброшены или свалились откуда-то сверху. В этой связи интересно привести следующие исторические и этнографические материалы, отражающие размещение черепов жертвенных животных.

По свидетельству арабского миссионера Ибн-Фадлана, во время его путешествия на Волгу в X в., русы черепа животных, приносимых в дар богам за ниспосланное благополучие и удачу, развешивали на столбы у места жертвоприношения [Ковалевский 1956:143]. Германцы, принося лошадей в жертву божеству, натякали их головы на ветви деревьев, а с целью отвлечь козни злых духов от жилища, также выставляли около входа в него на кольях головы коней [Ефименко 1874:55; Седов 1957:22]. По словам Претория, на которого ссылается П.С. Ефименко, венды головы лошадей и коров ставили по забору вокруг конюшен и хлевов чтобы предотвратить падеж скота. С теми же целями вешали на шесты конские черепа и белорусы [Ефименко 1874:53-54]. Обычай надевать конские черепа для хорошего урожая и "от дурного глаза" на шесты близ жилья, пасек и огородов сохранился в России до XX в. [Бломквист 1956:354; Городцов 1926:24; Миронова 1967:224]. Функции оберегов придавались и деревянным конькам на крышах домов.

Учитывая, что конские черепа на Городище были найдены среди кольев, палок и бревнышек, а у печей были зафиксированы остатки от плетня и деревянного столба, можно предположить, что обнаруженные около хлебных печей конские черепа располагались на шестах или ограж-

денях, навесах над печами или на крыше сруба печи в качестве, может быть, и жертвоприношений печам, и оберегов, охранявших как весь хлебный комплекс, так и скот, по-видимому молодняк, кормившийся у печей. Возможно, что около печей располагался и загон для скота. На земле черепа оказывались в результате ремонта и разрушения печей, из-за периодического затопления ложбины, или по иным причинам.

В качестве косвенного подтверждения о возможных охранительных функциях конских черепов на Городище, можно привести еще один факт. Так, большое количество хлебных печей, правда иной, чем на Городище конструкции, были обнаружены на городищах-святилищах культового центра на р. Збруч [Русанова, Тимошук 1993:75-77]. В качестве жертвенных даров на святилищах приносились и кони, которые, по мнению авторов раскопок, в ряде случаев выполняли здесь охранительные и защитные функции [Русанова, Тимошук 1993: 74-75].

Для полной характеристики хлебного комплекса необходимо обратиться и к семантике жертвоприношения коровы. Любое жертвоприношение и сама жертва не были случайными и имели свой ритуально-мифологический смысл. С древнейших времен корова составляла главный предмет богатства и пропитания, была связана с культами плодородия. Как и хлеб, корова являлась одним из главных, после коня, жертвенных животных. Культовая связь хлебных печей с жертвенными быками и коровами фиксируется на археологическом материале еще с неолитических времен [Макаревич 1960:291, рис. 1; Мовша 1971:201-205; Рыбаков 1981:175, 225]. В уже упоминаемом культовом центре на р. Збруч, среди жертвенных даров хлебным печам, кости крупного рогатого скота составляли 52% от останков всех остальных животных [Русанова, Тимошук 1993:73]. Однако, жертвоприношение небольшой коровы на Городище, скелет которой, найденный в правильном анатомическом порядке на глубине ниже первого (окладного) венца во внутреннем пространстве сруба, около юго-восточной стены, можно интерпретировать двояко: и как жертвоприношение печи, тем более, что деревянного пола у сруба не было, и как "строительную жертву" [Носов 1977, чертеж; 1990:54].

Одно из назначений строительной жертвы — обеспечить крепость и жизнеспособность дома или дееспособность хозяйственного сооружения. Напомню, что хлебные печи постоянно подвергались большим нагрузкам по причине высокой температуры в них во время выпечки хлеба, использования в зимнее время, а на Городище к этому добавлялось расположение в сырой затопляемой ложбине и проседание грунта, из-за чего печи требовали достаточно частого ремонта или замены их новыми [Носов 1990:51-59; Русанова, Тимошук 1993:77]. Так, из-за неплотности грунта у самой ранней печи на Городище произошло проседание бревенчатой обноски, что привело к излому второго и третьего венцов. По этой причине печь была заброшена. Вскоре тут же был возведен новый комплекс с печью, но теперь уже внутри известного нам сруба, который, несомненно усилил давление на грунт. Вероятно, одной из целей принесения "строительной жертвы" — обеспечить прочность хлебной печи в срубной постройке.

В этой связи интересным являются народные представления, по которым счастливым местом считается то, на которое ложится рогатый скот: таким образом подчеркивается идея статичности, покоя, устой-

чивости, что важно в случае с разрушающимися печами [Байбурин 1983:35-38]. Из других представлений, связанных со "строительной жертвой", для нас важно и то, которое объясняется как симпатическая магия, когда сооружение наследует те качества, которыми обладала жертва. Рогатый скот являлся символом дома, двора, хозяйства, ему приписывалась плодородная и производительная сила [Байбурин 1983:38]. Те же магические представления распространялись и на кости жертвенного животного. Несомненно, что наиболее пригодной и соответствующей жертвой хлебным печам является корова, связанная с аграрной магией и плодородием.

Исходя из древних анимистических представлений, что любой материальный предмет приравнивается к живому организму, а тот же дом или постройка выводится из тела жертвы и принимает ее облик, печь в срубной постройке, открытая на Городище, возможно, представлялась его жителям телом коровы, выпекающая-рожающая караван-коровок, кормящая людей и животных, обеспечивающая благосостояние коллектива, воспроизводство скота и хлеба. Подобное значение вкладывали белорусы в жертвоприношение петуха при закладке новой печи — чтобы "куры плодились" [Зеленин 1937:29]. Те же цели, связанные с аграрными обрядами плодородия, преследовали и непосредственные жертвоприношения печам, оставляемые снаружи или внутри печей, или в жертвенных ямах [Русанова, Тимошук 1993:77-78; Рыбаков 1981:225; Шеин 1898:156]. Возможно, что отзвуки жертвоприношений печам животный мы можем видеть в зафиксированных этнографами названиях у русских и украинских крестьян круглого свода глинобитной печи и приспособления для возведения свода печи "свинкой" или "свиньей". Белорусы подобное приспособление называли "кобылкой" [Бломквист 1956:260].

Итак, на Рюриковом Городище в 1977-1979 гг. был открыт важный хозяйственный центр поселения, связанный с выпечкой хлеба, игравшего первейшую роль в жизни земледельческих народов. Находки на Городище жертвоприношения коровы и конских черепов свидетельствуют, что хлебный комплекс был связан и с определенными культовыми представлениями и обрядами эпохи апогея язычества у восточных славян. Как не раз отмечали исследователи, на поселениях трудно выявить места, связанные с постоянным отправлением культа. По археологическим и этнографическим данным, такими местами можно считать печи, очаги, горны и т.д. У земледельческих народов поклонение печи было связано с культом хлеба. "Жертвоприношения перед печами указывает на культовое значение печей и на совершение определенных обрядов при выпечке хлеба, связанных с культом земледелия и почитания огня" [Русанова 1993:56].

Несмотря на то, что уже в VIII в. у восточных славян на смену небольшим родовым поселкам приходят крупные поселения, состоящие из индивидуальных, ведущих свое хозяйство, семей на основе принципа соседства, несомненно, что использование открыто стоящих хлебных печей восходит к традициям общинного быта. В Новгороде, Ладоге, Гданьске и Щецине печи были коллективного пользования. Однако, на Городище хлебный комплекс мог иметь иной статус. Расположение печей у подножия городищенского холма, на котором размещалась резиденция князя с дружиной, позволяет пред-

положить нам, что хлебный комплекс мог обслуживать княжеский двор, а при печах могли быть и специальные мастера и мастерицы, известные при русском великокняжеском дворе XVI-XVII вв. как каравайщики [Макаров 1846:110; Иванов, Топоров 1980:622]. Но здесь следует обратить внимание и на сообщения ряда исследователей, что "коровай пёкут почти исключительно замужние женщины", и что белорусские ритуалы печения каравая исполняются "жрицами-коровайницами" [Сумцов 1885:61; Иванов 1974:115]. Находки в заполнении сруба с печью и около печей на Городище женских украшений и пряслиц, одно из которых имело процарапанные черточки и буквы, дают нам право предположить, что на Городище хлебный комплекс мог обслуживаться женщинами-мастерицами, по крайней мере для выпечки обрядового хлеба. Аграрный культ включал в себя и поклонение небесному огню — солнцу, источнику тепла, жизни. Печи были одним из тех мест, где переплетались обряды, связанные с культом огня, хлеба (земли) и плодородия. Землю, рожающую хлеб, ее плодородие народ издревле олицетворял в образе женщины, богини. Ее образ до нас донесла русская вышивка. Интересно, что одно из самых распространенных изображений — это женщина (богиня) с двумя конями по сторонам, являвшимися символами солнца. Двойником же солнца на земле считался огонь [Фаминцин 1995:310]. "Небесный огонь, изображаемый огнем, горящим в очаге дает изобилие скота, пчел, плодов, а людям счастье и благополучие" [Потебня 1865:3]. Может быть женщины-каравайницы ("жрицы-коровайницы"), выпекающие в окружении конских черепов-оберегов то, что считается "главизною всего и самой животины", считались служительницами культа богини плодородия, "Житной Бабы" и культа огня? Хлеб относился к числу символов солнечного бога и в свадебных песнях отмечалось, что каравай сам бог месит [Потебня 1865: 3,39]. "Печь в дому — то же, что алтарь в церкви: в ней печется хлеб", то, что наиболее приятно богу из всех жертв [Сумцов 1885:6]. На Городище, рядом с печами, было найдено берестяное донце от тусека с процарапанными знаками в виде "колосков" или "веточек", "елочек", аналогичных тем, которые окружают "богиню" на вышивках. По мнению исследователей, подобные изображения, "стилизованное дерево, от сложнейшей пальметты до отдельной ветки и лепестка, символизировало великую богиню Жизни, богиню Природы" [Колчин 1970:62]. Очень часто на вышивках "богиня Земли" изображена с двумя всадниками по сторонам. Б.А. Рыбаков считает, что "всадники — это князья, властители людей, жрецы богини" [Рыбаков 1953:58]. У славян, по некоторым данным, князь мог исполнять функции жреца и ему, принадлежала вся верховная религиозная власть, что подтверждается реформой князем Владимиром в 980 г. языческого пантеона богов [Геденов 1876:390; Фаминцин 1995:65; Рыбаков 1953:44]. Нахождение на Рюриковом Городище носителей верховной власти, в том числе и религиозной, усиливает вероятность того, что именно здесь в хлебных печах мог выпекаться жертвенный хлеб и для расположенного напротив центрального языческого святилища Перынь.

После крещения Руси и замещения языческих богов христианскими святыми, следы почитания "богини Земли" можно видеть в осеннем празднике урожая, после сбора хлебов, который приурочи-

вался к Рождеству Богородицы ик следующему за ним дню — 9 сентября (по ст. ст.). Древнерусские книжники писали об этом празднике как о поклонении языческим идолам, рожаницам, подразумевая в них божества урожая, плодородия земли. Рожаниц чествовали медом, творогом, кашей и хлебом [Рыбаков 1981:22-23].

Хлеб, заменивший со временем и жертвоприношение коровы, что доказывается формой и названием каравая, археологическими и этнографическими данными, был одним из главных жертвенных даров у земледельцев [Русанова, Тимошук 1993:77-78; Сумцов 1885:48, 50, 123, 129; Потеня 1865:39; Ковалевский 1956:142; Иванов 1947:115].

"Обрядовое употребление печеного хлеба... самое полное проявление древнего земледельческого быта и на нем построенного религиозно-мифического мировоззрения" и связано с использованием в наиболее архаичных явлениях народной жизни: в заговорах, свадьбах, календарных праздниках [Сумцов 1885:48].

Интересным является обнаружение в заполнении сруба с печью на Городище обломка деревянного ковша и целого ковша, ручки которых были вырезаны в виде морд драконов [Носов 1977:6; 1978:11]. Как показывают исследования, ковши составляют категорию посуды, обладавшей глубокой семантикой, связанной с языческими культами и верованиями. В составе археологических древностей Новгорода X-XI вв. встречено более сорока деревянных ковшей с ручками, вырезанными в виде морд драконов [Колчин 1971:35-38, рис. 14, табл. 23-25, 42]. "Изображение ящера на ковшах отнюдь не случайно, так как ковш — "черпало" был неотъемлемой частью обрядового пира, многократно упоминаемой в поучениях против язычества" [Рыбаков 1987:280]. В Новгороде ковши использовались и в качестве строительных жертв и жертвоприношений языческих братчин [Седов 1957:23, 27]. Ковши были атрибутами магических обрядов молений и заклинаний. Так, арабский писатель X в. Ибн-Русте сообщал, что славяне поднимали к небу ковш, наполненный зерном, чтобы обеспечить урожай [Рыбаков 1953:42]. Драконы, изображения которых в Новгороде были найдены не только на ручках ковшей, но и на гуслях, креслах, "курице" от крыши дома и на других предметах, олицетворяли воду, водную стихию, возможно и какое-то подводное божество, являлись оберегами, несли охранительные функции. Можно предположить, что и на Городище ковши с изображением драконов, обнаруженные только в заполнении сруба с печью, использовались для каких-то обрядов, пиров, связанных с печным комплексом. Например, этнография донесла до нас интересные сведения, что в деревнях с устройством глинобитных печей "был связан любопытный обычай, так называемое "печebитьe" на Севере, "толока" — на Украине, в Белоруссии и в б. Новгородской и Тверской губерниях, соответствующая великорусской "помочи" — один из остатков общинных традиций". Хозяин созывал гостей бить печь, устанавливали "кобылу", засыпали глиной и начинали ее "бить". Когда "кобыла" покрывалась сверху достаточным слоем глины, работа для толочан заканчивалась и им тут же устраивалось угощение водкой, начиналось веселье и пляска на остатках глины [Бломквист 1956:256].

Несомненно, что интерпретация рассмотренных в данной статье материалов не бесспорна, затронутые вопросы требуют дальнейшего

исследования. Однако, при изучении культуры древних обществ всегда надо помнить, что "как бы то ни было, без религиозного освещения дела или предмета трудно было обойтись, так как религиозные верования проникали народную жизнь насквозь и неразрывно переплетались с малейшими ее проявлениями" [Сумцов 1885:114].

Вероятно, что продолжение археологических раскопок на Рюриковом Городище и в первую очередь в ложбине, в которой был обнаружен хлебный комплекс, дадут новые данные для более конкретного освещения затронутого в статье сюжета.

- БАЙБУРИН, А.К. 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.
- БЛОМКВИСТ, Е.Э. 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский сборник. Труды института этнографии 31: 3-458.
- ГЕДЕОНОВ, С.А. 1876. Варяги и Русь 1. СПб.
- ГОРОДЦОВ, В.А. 1926. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды государственного исторического музея 1. М.
- ЕФИМЕНКО, П.С. 1874. Старинные гребенки в Пинежском уезде Архангельской губернии // Труды московского археологического общества 4, 2: 49-57. М.
- ЗАСУРЦЕВ, П.И. 1959. Постройки Древнего Новгорода // МИА 65: 262-298.
1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА 123: 5-165.
- ЗЕЛЕНИН, Д.К. 1937. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах Европейских народов. М-Л.
- ИВАНОВ, В.В., В.Н. ТОПОРОВ. 1980. "Каравай" // Мифы народов мира 1. М.
- ИВАНОВ, ВЯЧ.И. 1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от ASVA — "конь" (жертвоприношение коня и дерево asvattha в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии: 75-138. М.
- КОВАЛЕВСКИЙ, А.П. 1956. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков.
- КОЛЧИН, Б. 1970. Резное дерево на Руси // Наука и жизнь 7: 60-63.
1971. Новгородские древности. Резное дерево: 35-38. М.
- МАКАРЕВИЧ, М.Л. 1960. Об идеологических представлениях у трипольских племен // Записки Одесского археологического общества 1: 34-291. Рис. 1. Одесса.
- МАКАРОВ, М.Н. 1846. Опыт русского простонародного словотолкования. М.
- МИРОНОВА, В.Г. 1967. Языческие жертвоприношения в Новгороде // Советская археология 1: 215-227.
- МОВША, Т.Г. 1971. Святилище трипольской культуры // Советская археология 1: 201-205.
- НОСОВ, Е.Н. 1977. Отчет о работе Новгородского археологического отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1977 г. Архив Института Истории Материальной Культуры. Ф. 35. Д. 54; чертежи Д. 56. СПб.
1978. Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1978 г. Архив ИИМК Ф. 35. Д. 69. СПб.
1979. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г. Архив Института Истории Материальной Культуры. Ф.35. Д. 56. СПб.
1990. Новгородское (Рюриково) Городище. Л.
- НОСОВ, Е.Н., В.П. ПЕТРЕНКО. 1986. Об одном типе средневековых печей Поволховья // КСИА 187: 8-14.
- ПОТЕБНЯ, А.А. 1865. О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий. М.

- РАБИНОВИЧ, М.Г.* 1975. Русское жилище в XIII-XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы: 156-244. М.
- РУСАНОВА И.П.*, 1993. Хлебных печи у славян // Археология и история юго-востока Древней Руси. Материалы научной конференции: 56-59. Воронеж.
- РУСАНОВА, И.П., Б.А. ТИМОЩУК.* 1993. Языческие святилища славян. М.
- РЫБАКОВ, Б.А.* 1953. Искусство древних славян. М.
1981. Язычество древних славян. М.
1987. Язычество Древней Руси. М.
- СЕДОВ, В.В.* 1957. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК 68: 20-27.
- СУМЦОВ, Н.Ф.* 1885. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков.
- ФАМИНЦИН, А.С.* 1995. Божества древних славян. СПб.
- ХАБИХТ, Т.М.* 1959. Постройки юго-восточной Эстонии во второй половине XIX в. // Вопросы этнической истории народов Прибалтики: 362-385. М.
- ЦАУНЕ, А.В.* 1984. Жилища Риги XII-XIV вв. по данным археологических раскопок. Рига.
- ШЕЙН, П.* 1898. "Женитьба комина" // Этнографическое обозрение 38, 3: 152-160.
- ШЛЫГИНА, Н.В.* 1978. Водская свадьба//Русский народный свадебный обряд: 260-278. Л.
- KHOROSHEV, A.S., A.N. SORROKIN.* 1992. Buildings and Properties from the Lyudin End of Novgorod // The Archaeology of Novgorod, Russia. The society for Medieval Archaeology. Monograph Series 3: 107-159. Lincoln.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НОВГОРОДСКОЙ ОКРУГИ В IX-X ВВ.

Археоботанические методы и их применение на городище Георгий¹.

Введение.

В культурных слоях, образующихся на месте или вокруг древних поселений в результате человеческой деятельности, помимо объектов материальной культуры встречаются и остатки зоологического (кости) и ботанического (древесина, плоды и семена растений) происхождения. По этим остаткам мы можем судить о хозяйстве и питании в древности. В зависимости от почвенных условий — как от доступа воздуха, так и от насыщенности водой — растительные остатки могут подвергнуться или не подвергнуться карбонизации. В культурном слое городов, обычно под большим давлением, часто создаются условия, которые благоприятствуют сохранению растительных остатков в необугленном виде. Именно поэтому нам известно достаточно много о растениях, которые использовались в городских центрах Западной Европы в эпоху развитого средневековья. Также как и везде, на Северо-Западе России археоботанические исследования были сосредоточены в больших городских центрах. Результаты этих исследований для Севера Древней Руси обобщены Н.А. Кирияновой [1992]. Приведенные ею таблицы дают картину развития земледелия, характерную для Северной Европы. Хозяйство, основанное целиком на возделывании яровых культур — пшеницы-двузернянки (полбы), мягкой пшеницы и ячменя, уступает место севообороту, при котором периоды возделывания озимой ржи и яровых культур пшеницы, проса, ячменя, овса и бобовых перемежаются периодами отдыха посевного участка — паром.

В то же время, совсем немного известно о характере земледелия в сельской округе ранних городских центров. Обычно на сельских поселениях в сухих пластах не образуется мощных культурных слоев и они часто разрушаются современной распашкой. Таким образом, условия для сохранения растительных остатков на таких поселениях очень плохие.

Во время исследования культурных слоев IX-X вв. н.э. на городище Георгий, расположенном на плодородных землях древней новгородской округи, впервые были получены палеоботанические материалы, достаточные для того, чтобы охарактеризовать экономику жизнеобеспечения (питания) в сельской местности. Эти исследования являются частью международной программы сравнительных исследований городских и сельских поселений на славянских землях южного побережья Балтики [Альслебен и др. 1994].

¹ Перевод О.А. Щегловой

Археоботанические материалы и возможности их интерпретации.

В IX-X вв. укрепленное поселение Георгий находилось на границе узкой полосы пахотных земель, расположенных между западным берегом озера Ильмень и рекой Веряжей. Поселения на этом "полуострове" не были подвержены сезонным затоплениям, в отличие от многих пойм, примыкающих к Ильменю. В таких условиях сохраняются только уже карбонизированные остатки. Однако, обугливание могли подвергнуться плоды и семена лишь тех растений, которые были принесены на поселение намеренно (культурные и кормовые) или случайно (сорные) и там уже попали в огонь.

В большинстве случаев это происходило при приготовлении пищи в открытых очагах. Отдельные зерна могли выпасть в огонь из горшка и обгореть. Они попадали в кухонные отбросы и вместе с ними были разнесены по жилой зоне. Со временем множество отдельных зерен таким образом оказалось в культурном слое. Если исследуемые пробы почвы достаточно велики и взяты из разных слоев и археологических объектов со всей раскопанной площади, то обнаруженные в них растительные остатки должны отражать особенности экономики жизнеобеспечения (питания). Конечно, на основании таких образцов невозможно проследить связь между культурными растениями и попадающими в пробах сорняками, а поэтому данные о характере земледелия и качестве пахотных почв остаются весьма неопределенными.

Большие скопления обожженного зерна встречаются только в тех случаях, когда запасы пищи гибли при случайном пожаре или при нападении на поселение. Но на отдельных подобных находках не построишь обобщения, поскольку они характеризуют только определенную ситуацию, непосредственно предшествующую пожару. Скопления горелого зерна представляют собой смесь зерен разных культур из одного урожая. Здесь наблюдается тесная зависимость между определенными культурными растениями и сопутствующими сорняками, что позволяет провести подробную интерпретацию растительного материала. Это означает, что можно описать особенности возделывания и урожай этой зерновой культуры и показать различные этапы переработки зерна [Кириянов 1959].

Методика отбора проб.

Пробы почвы были взяты из всех археологических контекстов, исследованных на городище Георгий. Пробы были разного объема, минимальная — 30 л. Принятый нами за эталон объем почвенной пробы подходит для сравнительного археоботанического исследования макроостатков, так как позволяет подсчитать частоту встречаемости находок. Поскольку при раскопках не обнаружено значительных скоплений плодов и семян, а также не было вскрыто сгоревших зернохранилищ, то пробы в основном были взяты из черных, углистых культурных слоев. В таких слоях обычно можно встретить кости, чешую, мелкие косточки и позвонки рыб.

Обугленные растительные остатки вымывались из почвенных проб путем простой флотации в ведрах. Все легкие фракции, как то современные корешки, мелкие кусочки угля, семена и плоды всплывают на поверхность и затем легко собираются в сито с ячейками

размерами от 0,3 до 0,5 мм. Полученный таким образом материал слегка подсушивают на воздухе, а затем упаковывают в бумажные пакеты. В таком виде он может храниться сколь угодно долго. В лаборатории для дальнейшей обработки материал просеивают через набор сит с ячейками убывающего размера (от 5,0 до 0,3 мм). Рассмотрев определяемые растительные остатки в бинокулярный микроскоп, их удаляют из сита пинцетом. Во многих случаях они так хорошо сохраняют форму и структуру поверхности, что сразу можно определить их видовую принадлежность. Определяются и подсчитываются только обгорелые зерна. Фракции крупных растительных остатков разбирают полностью, а фракции мелких — только частично, в зависимости от их количества (тогда приводятся обобщенные результаты). Из-за плохой сохранности обугленных зерен с городища Георгий, в 25% случаев точное определение видовой принадлежности зерновых культур оказалось невозможным. В графе "*Cerealia indet*" (таблицы 1; 2) объединены все возможные виды зерновых — рожь, пшеница-двузернянка (полба), другие виды пшеницы (мягкая и спельта), овес и ячмень. Принято считать, что в составе неопределимых зерновых (*Cerealia indet*) все эти виды присутствуют в той же пропорции, что и среди определяемых образцов.

Результаты определения видов растений приведены в таблице 1. Они разделены на группы растений, используемых человеком (группы А-С) и дикорастущих (D-F). Отнесение дикорастущих видов к определенному сообществу растений основано на описаниях растительности данного региона [Маевский 1912; Агаев 1988]. Группа G объединяет все находки, которые невозможно определить на уровне вида, поскольку характерные признаки их утрачены.

Археологические объекты городища Георгий

Материал для анализа растительных макроостатков был отобран во время раскопок летом 1993 года. Вал, внешний ров, и другой, более мелкий ров с внутренней стороны вала оконтуривают площадь древнего поселения. Вал сооружен на культурных отложениях, которые делятся на нижний, серый плотный гумус, и верхний — черная углистая прослойка. В северной части исследованного участка культурный слой перерезан двумя ямами. Все сооружения и напластования относятся к концу IX-X вв. Под валом и культурным слоем обнаружены перекрещивающиеся следы древней распашки. Пахали здесь, используя древнее пахотное орудие — рало [Nosov 1994]. В юго-восточной части раскопа под валом обнаружены обгорелые бревна сруба, зафиксированные *in situ*.

Почвенные пробы для археоботанического анализа были взяты из следующих археологических объектов:

- стратиграфический разрез вала и обоих рвов (проба 1 — насыпь вала; проба 2 — черная углистая прослойка под валом; проба 3 — слой серого плотного гумуса под валом; проба 4 — горизонт со следами распашки; проба 5 — черная прослойка вне вала; проба 6 — темно-серый культурный слой вне вала).
- другие археологические объекты (проба 7 — разрез рядом с горелым срубом; проба 8 — разрез северо-восточной части раскопа; проба 9 — яма в кв. 85, 86; пробы 10, 11, 12, 13 — культурный слой из разных квадратов).

Все пробы датируются IX-X вв., поскольку не наблюдается видимых различий в стратиграфии, хотя нижний серый слой может рассматриваться как несколько более ранний.

Результаты археоботанических анализов

Определимые виды растений представлены в таблице 1. Среди культурных растений можно определить все виды зерновых. Наиболее часто встречается ячмень, за ним следует просо, два вида пшеницы (полба-двузернянка и мягкая пшеница) и рожь. Зерна этих культур имеются почти в каждой пробе, а это означает, что они были равномерно распределены по площади поселения. Овес и пшеница-спельта встречаются не так часто.

В таблице 2 представлены данные о находках зерновых в их абсолютном значении и процентном выражении. Если допустить, что существует корреляция между числом видов зерновых, использованных на поселении, и количеством найденных обугленных зерен, то полученное процентное соотношение отражает роль данного вида в питании. Наибольшую долю — 28% — составляет просо, однако эта доля не отражает реального положения дел, поскольку просяные зернышки маленькие (зерно проса в три раза меньше, например, ячменного), и поэтому они и должны быть представлены в большем числе.

Рожь представлена во всех пробах, но в небольшом количестве (7%). С самого начала возделывания зерновых отдельные зерна ржи всегда встречаются среди одомашненных культур, но эти находки принято считать принадлежащими отдельным растениям, выступающим в роли засорителей полей. Развитие ржи как самостоятельного культурного растения впервые отмечено в Европе в начале I тыс. н.э. Самые ранние свидетельства о появлении ржи как зерновой культуры в северо-западной Европе относятся к предримскому железному веку [Behre 1992]. В последующее время возделывание ржи распространялось, подобно взрыву, и уже со времени раннего средневековья рожь становится наиболее употребительной зерновой культурой для выпечки хлеба. Успех ржи очевидно связан с низкими требованиями этого вида к почвам и климату. В Северо-Западной Руси начало возделывания ржи совпало с общим изменением системы земледелия [Кириянов 1959]. Подсечно-огневое земледелие, которое ранее применяли финно-угорские племена, сменилось обработкой открытых полей как раз в то время, когда происходило формирование новой политической структуры — Древней Руси.

Находки зерен ржи на городище Георгий должны рассматриваться на этом общем фоне. Следы распашки под культурными слоями IX-X вв. и пыльцевые диаграммы Л.-К. Кёнигссона (пока неопубликованные) свидетельствуют о том, что первые обитатели поселения Георгий жили и трудились в открытом ландшафте. Лесов здесь было мало, кустарники, луга и мокрые поймы были преобладающими вегетационными типами. В пыльцевой диаграмме встречено несколько ранних отдельных находок ржи, но палинологическая кривая завершается сравнительно поздно.

До сих пор с помощью археоботанических исследований на Георгии не получено очевидных доказательств возделывания ржи.

Лишь данные по различным археологическим объектам на самом поселении позволяют высказать такое предположение. Показатели по раннему серому плотному культурному слою отличаются от данных по несколько более позднему черному слою (табл. 2). В последнем, процентное содержание ячменя и проса падает, в то время как ржи — возрастает. Материалы из других объектов свидетельствуют о том же: сокращение процентного содержания ячменя и проса сопровождается небольшим увеличением доли ржи. Это заставляет предположить, что черный культурный слой, постройка и яма являются синхронными. Вблизи постройки доля ржи в пробе достигает 15%, и это служит свидетельством того, что рожь играла определенную роль в структуре питания в рассматриваемое время. Результаты исследований растительных макроостатков указывают, что возделывание ржи как самостоятельной зерновой культуры началось в X в.

Отпечатки растений на керамике с расположенного рядом с Георгием поселения Васильевское были изучены Т. Лемпиайнен и Г. Левковской [Lempiainen, Levkovskaja 1994]. Зерна и мякина ячменя и пшеницы-двужернянки (полбы) намеренно использовались при изготовлении посуды. Однако эти наблюдения не позволяют судить о режиме питания в то время.

Наличие в пробах сорных растений с обработанных полей и других ландшафтных зон (Табл. 1, D) свидетельствует об антропогенном влиянии и говорит о том, что невозможно пока различить яровые и озимые зерновые. Переход к специализированному или более интенсивному земледелию обычно приводит к тому, что возделывается в основном один определенный вид. Разнообразие обнаруженных видов заставляет сделать вывод о том, что переход к специализированному земледелию еще не начался. Ни один из видов обнаруженных сорных растений не является специфическим для определенных плодородных или неплодородных почв. Виды сорняков, характерных для озимых, например костер ржаной (*Bromus secalinus*), отсутствуют в материалах Георгия. Однако большое количество засорителей проса, как то ежовник — куриное просо (*Echinochloa crus-galli*), щетинник сизый (*Setaria glauca*), щетинник зеленый (*Setaria viridis*), указывает на возделывание в этих краях проса (*Panicum miliaceum*), хотя эта культура считается типичной для районов с жарким и сухим климатом. Очевидно, летом в районе Ильмена было достаточно жарко.

Обрабатываемые поля в древности находились рядом с лугами и мокрыми поймами. Множество видов дикорастущих растений с лугов и пойм перекочевало на поля (Табл. 1: E).

Среди бобовых растений наиболее распространенным был горох огородный (*Pisum sativum*). Предпочтение гороха бобам характерно для славянских поселений [Wasylikowa 1991].

Карбонизация других растений, которые выращивали на полях и в огородах или собирали в округе, таких как лен, некоторые овощи, приправы, фрукты или орехи, происходила редко. Нет ничего необычного в том, что эти растения не встречены в наших пробах. Они, несомненно, разнообразили питание человека в древности.

Плохая степень сохранности обугленных зерен с городища Георгий не позволила их измерить, взвесить и сделать выводы по этим результатам.

- АГАЕВ, М.Г.* 1988. Основные сорно-полевые растения сельскохозяйственных культур Ленинградской области // Каталог мировой коллекции ВИР 468. Л.
- АЛЬСЛЕБЕН, А., Л.-К. КЁНИГССОН, Х. КРОЛЛЬ, М. МЮЛЛЕР-ВИЛЛЕ, Е.Н. НОСОВ, Т. ХАММЕР, И. ЯНССОН.* 1994. Международные палеоботанические исследования в Новгородской земле. 400-1200 гг. н.э. // Археологические вести 3: 240-245. СПб.
- КИРЬЯНОВ, А.В.* 1959. История земледелия в Новгородской земле X-XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР 65: 306-362. М.
- КИРЬЯНОВА, Н.А.* 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI-XV вв. М.
- МАЕВСКИЙ, П.* 1912. Флора Средней России. М.
- ВЕHRE, К.-Е.* 1992. The history of rye cultivation in Europe // Veget. Hist. Archeobot. 1: 141-156.
- LEMPAINEN, T., G. LEVKOVSKAJA.* 1994. Grain and seed impressions on ceramics from Vasilievskoye, Novgorod // Annales Botanici Fennici 31: 191-196.
- NOSOV, E.N.* 1994. New archaeological data on the economy of the population of the lake Il'men' region in the second half of the first Millennium A.D. // Purhonen P.(ed.) Fenno-Ugri et Slavi 1992. Prehistoric economy and means of livelihood: 60-63. Helsinki.
- WASYLIKOVA, K.* 1991. East — Central Europe // Zeist, van W., Wasilikova K., Behre K.-E. (eds.) Progress in Old World palaeoethnobotany: 207-239. Rotterdam.

Таблица 1

Номер пробы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Общая сумма попадания в пробы	Частота
Датировка: век	IX-X	IX-X	IX-X	IX	IX-X	IX-X	IX-X	IX-X	IX-X	IX-X	IX-X	IX-X	IX-X		
Археологический объект	Нас. вала	Черн. ут-лис-тая прос. под валом	Сер. плот. гумус под валом	Рас-пашка прос. вне вала	Черн. прос. вне вала	Тем.-сер. слой вне вала	У срубачья часть раскопа	IX-X	IX-X	IX-X	IX-X	IX-X	IX-X		
Номер квадрата	99	99	99	99	92	92			85/86	92	93	99	100		
Объем пробы (l)	30	30	200	30	170	100	30	30	200	30	30	30	30		
Число видов	23	22	32	11	27	28	18	17	33	20	21	28	16		
Количество растительных остатков	151	238	574	47	204	427	166	104	434	102	123	371	62	3003	13
А: Зерновые (Cereals)	5	5	17	1	7	17	5	26	23	4	11	7	9	137	13
Ячмень обыкновенный (<i>Hordeum vulgare vulgare</i>)	1		1				4							6	3
Ячмень обыкновенный, ось колоса (<i>Hordeum spec. rachis fr.</i>)															
Просо (<i>Panicum miliaceum</i>)	14	8	21		11	32	5	25	25	12	12	28	4	197	12
Пшеница двузернянка, полба (<i>Triticum diccosum</i>)	4	3	6		11	11	10	11	23	1		2		82	10

Номер пробы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Общая сумма попадания в пробы	Частота попадания в пробы
	Пшеница двузернянка, полба, шелуха (<i>Triticum di- sossium, glume base</i>)			3	1	1	4	4	7				5		
Пшеница мягкая (<i>Triticum aestivum s. l.</i>)			12		3			2	23	2	2	1		45	7
Рожь (<i>Secale cereale</i>)	2	1	4		6	9	8	1	13	1	2	3		50	11
Рожь, ось колоса (<i>Secale cereale, rachis fragment</i>)	8					18								26	2
Пшеница гексаплоидная, спельта (<i>Triticum cf. spelta</i>)			2					1						1	1
Пшеница спельта, шелуха (<i>Triticum spelta, glume base</i>)									1					3	2
Овес (<i>Avena spec.</i>)		5	3		3			1	2		1			15	6
Неопределимые зерновые (<i>Cerealia indet.</i>)	5	6	21	4	14	16	23	12	33	11	5	13	5	168	13
Сумма: плоды и семена без мякины (<i>Sum: fruits and seeds without chaff</i>)	30	28	84	5	55	85	51	70	151	31	33	54	18	695	13
В: Бобовые (Pulses)															
Горох огородный (<i>Pisum sativum</i>)	2	2		1	4				7	2	1			19	7
Бобы русские (<i>cf. Vicia faba</i>)	1	1												2	2
Чечевица культурная (<i>Vicia sativata</i>)												1		1	1

Номер пробы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Общая сумма попадения в пробы	Частота попадания
Неопределимые бобовые (<i>Leg. sat. indet.</i>)	1								1					5	2
С: фрукты и орехи															
Орешник (<i>Corylus avellana</i>)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	14	13
Малина обыкновенная (<i>Rubus idaeus</i>)	13	1	18	1	10	8			9	4	7	16	4	91	11
Земляника (<i>Fragaria vesca</i>)			4		8	12	1		16			12		53	6
Шиповник (<i>Rosa spec.</i>)					3	1			1					5	3
Боярышник колючий (<i>Crataegus laevigata</i>)					1	1								2	2
Груша/яблоня (<i>Pyrus/Malus</i>)												1		1	1
D: Сорняки и растения пустырей и свалок															
Марь белая (<i>Chenopodium album</i>)	48	75	209	12	57	197	36	1	122	28	28	125	16	954	13
Ежовник куриное просо (<i>Echinochloa crus-galli</i>)	16		1		7	15	1	6	19	6	4	61	9	145	11
Подмаренник цепкий (<i>Galium spargium</i>)	2	2	5	2	3	9	7	3	13	1	15			62	11
Гречишка вьюнковая (<i>Polygonum convolvulus</i>)		2	9	1	4	5	1		19	5	3	6	2	57	11
Почечуйная трава (<i>Poly- gonum persicaria-type</i>)	1	8	5	2	2	7			14	2	4	9	1	55	11
Силена (<i>Silene spec.</i>)	4	76	47		1	13	4		1			17		163	8

Номер пробы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Общая сумма попадания	Частота попадания в пробы
	Гречишка птичья (<i>Polygonum aviculare</i>)	2	2				13				4	4	16	5	46
Гречишка развесистая (<i>Polygonum lapathifolium</i>)					1	8	1	1	1		1	4		19	7
Щетинник сизый (<i>Setaria glauca</i>)	8		2		4			6				1	1	22	6
Паслен черный (<i>Solanum nigrum</i>)	4	12	8		1	4			1					30	6
Горец перечный (<i>Polygonum hydropiper</i>)	1	1				1						1		4	4
Ясколка (<i>Cerastium spec.</i>)							1		1					2	2
Шпиргель (<i>Spergula arvensis</i>)	2								6					8	2
Мать сизая/красная (<i>Chenopodium glaucum/tubrum</i>)			8											8	1
Белена черная (<i>Hyoscyamus niger</i>)			2											2	1
Гречишка малая (<i>Polygonum minus</i>)	1													1	1
Лютик ползучий (<i>Ranunculus repens</i>)						5								5	1
Шавель курчавый (<i>Rumex crispus</i> -type)												1		1	1

Номер пробы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Общая сумма попадания	Частота в пробы
Чистец полевой (<i>Stachys arvensis</i>)			1											1	1
Щетинник зеленый (<i>Setaria viridis</i>)									8					8	1
Е: растения мокрых и сухих лугов															
Осока (<i>Carex 2 spec. Vignei</i>)	18		62	21	3	4		2	15		6	24	1	235	10
Злаковые (<i>Gramineae</i>)	4	4	2	9				4		4	4	1		24	6
Осока (<i>Carex 3 spec. Eucarex</i>)			2	1					3			1		7	4
Ситняг болотный (<i>Eleocharis palustris</i>)					8	16	12							36	3
Прыщинец (<i>Ranunculus flammula</i>)	4			17	1									22	3
Звездчатка болотная (<i>Stellaria palustris-type</i>)					12						4			16	2
Осока обыкновенная (<i>Carex fusca-type</i>)									5			1	1	6	2
Осока лисья (<i>Carex vulpina/otribae</i>)	4													5	2
Лютик едкий (<i>Ranunculus acris-type</i>)									10				1	11	2
Клевер (<i>Trifolium-type</i>)								1						4	2
Мята водная (<i>Mentha aquatica-type</i>)										1	3			1	1

Номер пробы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Общая сумма попаданий в пробы	Частота в пробы
Лютик болотный (<i>Ranunculus cf. lincolni</i>)	1													1	1
Паслен сладкогорький (<i>Solanum dulcamara</i>)					1									1	1
Вероника дубровка (<i>Veronica chamaedrys</i>)				8										8	1
F: Деревья															
Липа, цветки (<i>Tilia</i>)										1				1	1
G: Прочие растения															
Гвоздичные (<i>Caryophyllaceae</i>)			8						4			8		20	3
Крестоцветные (<i>Cruciferae</i>)							12		2			4		18	3
Осоковые (<i>Scrophaceae</i>)							4		5					9	2
Пиккульник (<i>Galeopsis spec.</i>)										1				1	1
Гречишные (<i>Polygonaceae</i>)			5			4		1	5				1	16	5
Лапчатка (<i>Potentilla sup.-arg./norv.</i>)											4			4	1
Лютик (<i>Ranunculus spec.</i>)		1												2	2
Вероника (<i>Veronica spec.</i>)								4						4	1
Вика (<i>Vicia-type</i>)			5			1			1	2		1		10	5

Таблица 2

Номер пробы	3; 6	2; 5	7	9	8	10; 11; 12; 13	Всего	Частота попадания в пробу
Датировка: век								
Археологический объект	IX-X Серый плотный гумус	IX-X Черная углистая прослойка	IX-X У сруба	IX-X Яма в кв. 85, 86	IX-X С-3 часть раскопа	IX-X Кульгурный слой		
Объем пробы (l)	300	200	30	200	30	120		
Число видов	39	34	18	33	17	40		
Количество растительных остатков	1001	442	166	434	104	658	3003	13
Зерновые								
Ячмень обыкновенный (<i>Hordeum vulgare vulgare</i>)	34 20,1	12 14,5	5 9,8	23 15,2	26 37,1	31 22,8	137 19,7	13
Ячмень обыкновенный, ось колоса (<i>Hordeum spec., rachis fragment</i>)	1 (-)		4 (-)				6 (-)	3
Просо (<i>Panicum miliaceum</i>)	53 31,4	19 22,9	5 9,8	25 16,6	25 35,7	56 41,2	197 28,3	12
Пшеница двузер-нянка, полба (<i>Triticum dicossum</i>)	17 10,1	14 16,9	10 19,6	23 15,2	11 15,7	3 2,2	82 11,8	10

Номер пробы	3; 6		2; 5		7		9		8		10; 11; 12; 13		Всего	Частота попадания в пробу	
	7	(-)	1	(-)	4	(-)	7	(-)			5	3,7			25
Пшеница двузер- нянка, шелуха (<i>Triticum dicoccum</i> , <i>glume base</i>)	12	7,1	3	3,6			23	15,2	2	2,9	5	3,7	45	6,5	7
Пшеница мягкая (<i>Triticum aestivum</i> <i>s.l.</i>)	13	7,7	7	8,4	8	15,7	13	8,6	1	1,4	6	4,4	50	7,2	11
Рожь (<i>Secale cereale</i>)					18	(-)							26	(-)	2
Рожь, ось колоса (<i>Secale cereale</i> , <i>rachis fragment</i>)							1	0,7					1	0,1	1
Пшеница гексаплоидная, спельта (<i>Triticum cf.</i> <i>spelta</i>)	2	(-)					1	(-)					3	(-)	2
Пшеница спельта, шелуха (<i>Triticum</i> <i>spelta</i> , <i>glume base</i>)	3	1,8	8	9,6			2	1,3	1	1,4	1	0,7	15	2,2	6
Овес (<i>Avena spec.</i>)	37	21,9	20	24,1	23	45,1	33	21,9	12	17,1	34	25,0	168	24,2	13
Неопределимые зерновые (<i>Cerealia</i> <i>indet.</i>)	169	100%	83	100%	51	100%	151	100%	70	100%	136	100%	695	100%	13
Всего: плоды и семена (без мякни)															

ГОРОДИЩЕ ГЕОРГИЙ В ИЛЬМЕНСКОМ ПООЗЕРЬЕ (послесловие к статье А.Альслебен)

В рамках комплексной программы изучения новгородской округи летом 1993 г. немецкие палеоботаники из Института до- и протоистории Кильского университета Германии Х.Кроль и А.Альслебен в составе Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН провели отбор палеоботанических материалов из раскопок городища Георгий. Лабораторный анализ образцов, полученных путем флотации, был выполнен А.Альслебен и его результаты публикуются в данном сборнике. Эти исследования являются также частью обширной палеоботанической программы сравнения раннесредневековых славянских городов и их округ всего региона Балтики. Основное внимание уделяется трем пунктам — Старигарду/Ольденбургу на севере Германии, Волину в польском Поморье и Новгороду [Альслебен и др.1994; Alsleben et al.1993; Müller-Wille 1996]. В этой связи представляется целесообразным дать краткую дополнительную археологическую справку о городище Георгий, материалы которого положены в основу статьи А.Альслебен.

Городище Георгий расположено на берегу р.Вяряжи в центре ильменского Поозерья. Новгородцы издавна называют Поозерьем (Паозерьем) территорию, протянувшуюся узкой полосой в 4-5 км на 20 км вдоль северо-западного берега Ильменя, между озером и протекающей почти параллельно его берегу р.Веряжей. Это один из самых населенных и развитых в сельскохозяйственном отношении районов древней новгородской земли, наиболее удобный для начального земледельческого освоения среди низменных территорий непосредственно примыкающих к Ильменю.

Согласно истории своего формирования, Поозерье является дельтой вреза древней реки, а поэтому его поверхность представляет собой чередование пологих холмов (бывших островов) и длинных понижений (бывших протоков), а в почвенном отношении озерно-ледниковых песков и ленточных глин. В пределах Поозерья непосредственное побережье Ильменя луговой поймы не имеет. Здесь вдоль берега идет узкая полоса слоистого песчаного наноса, а далее ряды холмов, разделенных извилистыми заливами. Не случайно древнее население концентрировалось вдоль р.Веряжи, где имеется обширная пойма. Близ озера поселения известны лишь там, где в него впадает Веряжа и речки Ракомка и Прость, также обладающие широкими заливными поймами.

В Поозерье постоянно чувствуется близость крупного водоема, а р.Веряжа, по-существу, является обширным внутренним заливом

озера. В ней, имеющей ширину в середине лета до 80-100 м, практически не ощущается течения, а уровень воды зависит от уровня воды в Ильмене. Он то поднимается весной на 2-3 м, превращая прилегающие к р. Веряже участки в почти сплошную водную гладь с отдельными возвышенностями, то, вслед за водой в озере, опускается, уступая место пойменным лугам и болотистым низинам, расчлененным протоками и заливчиками. Такая же точно картина наблюдалась и вдоль речек Ракомки и Прости.

Поозерье характеризуется легкими почвами, большая часть которых писцами XVI в. относилась к числу "добрых" (т.е. лучших) и которые в XVIII в. классифицировались, как "иловатые, песчаные, к урожаю хлеба весьма способные." Обширные поймы Веряжи, Ракомки, ручьев и проток относятся к числу лучших покосов новгородского края. Еще в XVIII в. в Поозерье сохранялись широколиственные леса: дубовые, особенно хорошо переносящие паводки, а также кленовые, вязовые, ильмовые и ясеновые [Носов 1990: 172]. Такой состав леса и образующих его пород деревьев, какой мы наблюдаем в Поозерье, в целом необычен для центральных районов Новгородской земли. Судя по древнейшей имеющейся карте окрестностей Новгорода, относящейся к последней четверти XVIII в., еще тогда к западу от р.Веряжи тянулись сплошные леса, а залесенные участки сохранялись и в центре Поозерья, в некотором удалении от берегов Ильменя и Веряжи [Муравьев 1828: План Д].

Эти природные условия, крайне благоприятные для ведения хозяйства, основанного на земледелии, и определили то, что Поозерье и исток Волхова стали ядром расселения славян в крае. Именно данный район в первую очередь имел в виду летописец, когда сообщал — "словене же седоша около езера Ильмеря и прозвашася своимь имянемъ" [Носов 1990: 172].

Во время обследований последних лет здесь открыто около 30 поселений конца I тыс.н.э., а в 19 пунктах зафиксированы сопки [Носов 1991]. Основным занятием населения являлось сельское хозяйство и сопутствующее ему скотоводство, при подсобной роли охоты и развитом рыболовстве. В самом истоке Волхова, на острове в урочище Перынь, рядом с одним из наиболее больших поозерских поселений — Простью, располагалось главное языческое святилище ильменских славян. Большинство поселений были неукрепленными и лишь два защищены валами и рвами. Одно из них (Сергов городок) закрывало вход в р.Веряжу из Ильменя, по берегу которой тянулась основная цепочка поозерских селищ, другое (Георгий) находилось в самом центре поозерского скопления поселков, явно выполняя здесь какие-то административные функции.

Городище Георгий находится на левом берегу р.Веряжи в 1,2 км югу от одноименной деревни, на конце всхолмления, при впадении ручья. Весной, когда окружающая пойма затопляется, всхолмление превращается в обширный остров. Площадка городища возвышается над окружающей поймой на 4,5 м. В ее северной части сохранились остатки земляного вала на протяжении 30 м. Ширина вала в основании 12-14 м, высота от 1 м (над уровнем площадки) до 3,3 м (с напольной стороны). Впервые вал городища был упомянут в своде И.С Романцева 1911 г., как находящийся у ныне не существующей д.

Заостровье [Романцев 1911: 115]. В середине 1950-х гг. городище было обследовано М.М.Аксеновым, в 1958 и 1979 гг. его раскопки проводил С.Н.Орлов (в первый год им был заложен раскоп площадью 88 кв.м., траншея у вала и 11 шурфов, во второй — раскоп площадью 78 кв.м.), а в 1989-1993 гг. исследования поселения (вскрыто около 450 кв.м.) велись под руководством Е.Н.Носова [Орлов, Аксенов 1961: 164-166; Носов 1991: 17,18; Носов, Плохов 1994: 29,30].

Раскопки показали, что до того как на берегу р.Веряжи появился поселок этот участок распахивался. Под валом зафиксированы следы вспашки однозубым пахотным орудием типа рала — узкие пересекающие друг друга полосы, образующие частую клетку. Некоторое время поселение оставалось неукрепленным. Время возведения первоначального вала и его последующие досыпки датируются периодом не позднее первой половины X в. При раскопках встречены развалы печей-каменок и глинобитной печи, стоявшие в наземных домах, углубленные в материк хозяйственные сооружения и ямы. В 1993 г. под остатками вала вскрыты обугленные части срубной постройки, сохранившейся на высоту 2-3 венцов. Размеры сруба 5x5,5 м. Сруб располагался на культурном слое первоначального поселения и сгорел перед возведением вала.

Среди находок на поселении предметы сельскохозяйственного и бытового инвентаря (коса-горбуша, серповидный нож, пружинные ножницы с инкрустацией бронзой, ножи, пробойник, шилья, калачевидное кресало, сланцевые оселки, глиняные и костяные пряслица и др.), более 10 наконечников стрел, многочисленные бусы: стеклянные (преобладает бисер), каменные и глиняные, различного рода украшения (перстни, фибулы, трапециевидные подвески, проволочные височные кольца, цепочки, браслет и др.), сферическая весовая гирька. О бронзолитейном производстве свидетельствуют находки обломков льячек и тиглей. При разборке одной из хозяйственных ям был обнаружен комок из трех-четырёх восточных монет плохой сохранности. После их расчистки И.Г.Добровольскому удалось определить три из них: 1) 1/3 арабо-сасанидской драхмы второй половины VII в.; 2) 1/4 часть омайядского дирхема, чеканенного в 713/714 гг.; 3) 1/4 часть аббасидского дирхема второй половины VIII — начала IX вв., чеканенного в Мединат ас-(Салам ?). С поселения происходит еще одна неопределимая частичка дирхема. В слое и в заполнении углубленных комплексов на городище преобладает лепная профилированная керамика конца I тыс.н.э. и только в небольшом количестве встречены фрагменты раннегончарных сосудов.

Керамический комплекс поселения, вещевого материал, монеты позволяют датировать раскопанную часть городища второй половиной IX-X вв. По данным радиоуглеродного анализа основная часть сооружений в пределах раскопа 1989-1993 гг. с наибольшей вероятностью относится ко второй четверти — концу X в., но не исключена и более широкая их дата [Попов, Зайцева 1994: 169,170,173, 181,182]. В культурном слое городища, наряду с наиболее многочисленными находками конца I тыс.н.э., встречены отдельные фрагменты керамики раннего железного века, обломки древнерусской и позднесредневековой гончарной посуды.

На современном этапе изучения жизнь на поселении Георгий можно представить следующим образом. В IX в. на мысу при впадении в р.Веряжу ручья существовало открытое поселение, рядом с которым находились поля. Позднее, в конце IX- начале X в. у края площадки были возведены укрепления. В X в. они несколько раз реконструировались. В конце X — начале XI в. городище практически запустело [Носов, Плохов 1992: 19].

Ко времени существования городища соседние с ним участки левого берега р.Веряжи были плотно заселены. На этом же всхолмлении, где были сделаны укрепления, в 300 м к югу от них находится селище Васильевское 1, а далее вниз по течению еще два поселения — Васильевское 2 и 3. На противоположном от городища берегу ручья располагалось большое поселение Георгий 1, а в нескольких сотнях метрах от него вверх по реке еще одно — Георгий 2 [Носов 1991: 16-19, №№ 25-29]. Таким образом, городище Георгий — единственное укрепленное поселение в центре поозерской поселенческой зоны несомненно играло особую роль на фоне других памятников, — прежде всего, административного и, вероятно, военного центра. К концу X — в начале XI вв., в период интенсивного укрепления новгородской административной системы и государственности, городище потеряло свое значение и было заброшено.

Характер земледельческого хозяйства и структура питания населения городища Георгий, и в период до возведения укреплений и после их строительства, на мой взгляд являлись типичными и для других близлежащих поозерских селищ IX-X вв. Именно поэтому результаты палеоботанического анализа публикуемые А.Альслебен можно рассматривать в таком расширенном контексте. В нашем распоряжении сейчас нет материалов, которые позволили бы однозначно датировать слои городища Георгий более подробно, чем вторая половина IX-X вв., хотя относительная хронология отдельных слоев и комплексов безусловно прослежена при раскопках. Предварительно можно лишь сказать, что, судя по небольшому числу фрагментов гончарной керамики и ее облику, скорее всего на городище отсутствуют слои последней четверти-конца X в. А.Альслебен, отмечая некоторые изменения в составе зерновых культур по хронологическим слоям, вполне справедливо с осторожностью придерживается общей датировки поселения концом IX — X вв.

Последнее замечание. В 1991 г. из заполнения борозд древней пахоты Г.М.Левковской были взяты несколько образцов для палинологического анализа. Ею получены результаты исследования одного из них. В образце определено 741 пыльцевое зерно. В общем составе комплекса господствует пыльца травяно-кустарничковых растений — 75,5%. Содержание пыльцы древесных пород — 17,8%, спор — 6,7%. Полученные данные говорят о господстве в районе поселения в конце IX в. открытых ценозов, занятых заболоченными пойменными лугами и посевами. Вблизи поселения встречались также леса, в составе древостоя которых содоминировали береза, ольха, вяз, были представлены дуб и лещина. Обилие находок пыльцы сорных и культурных растений говорит о значительной окультуренности ландшафта в прошлом. Палинологические данные свидетельствуют о

существовании в районе поселения смешанных посевов из нескольких культур или древних огородов [Носов, Плохов 1992: 19].

Дальнейшие палеоботанические и палинологические исследования в Поозерье и в верховьях р. Волхова позволят получить более полные представления о ландшафте и структуре посевов в этом районе в период славянского расселения и становления Новгорода.

- АЛЬСЛЕБЕН, А., Л.-К.КЕНИГССОН, Х.КРОЛЛЬ, М.МЮЛЛЕР-ВИЛЛЕ, Е.Н.НОСОВ, Т.ХАММЕР, И.ЯНССОН. 1994.* Международные палеоботанические исследования в Новгородской земле (400-1200 гг.н.э.) // Археологические вести 3: 240-245. СПб.
- МУРАВЬЕВ, Н.Н. 1828.* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб.
- НОСОВ, Е.Н. 1990.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия н.э. (Каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990: 5-37. М.
- НОСОВ, Е.Н., А.В.ПЛОХОВ. 1992.* Раскопки на городище Георгий//Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.6: 16-20. Новгород. 1994. Исследования на берегах р.Веряжи и на Рюриковом городище // Археологические открытия 1993 года: 29-30. М.
- ОРЛОВ, С.Н., М.М. АКСЕНОВ. 1961.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып.10: 161-168. Новгород.
- ПОПОВ, С.Г., Г.И.ЗАЙЦЕВА. 1994.* Ранние этапы заселения новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада: 164-183. СПб.
- РОМАНЦЕВ, И.С. 1911.* О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород.
- ALSLEBEN, A., I.JANSSON, T.HAMMAR, L.-K.KÖNIGSSON, H.KROLL, M.MÜLLER-WILLE, E.NOSOV. 1993.* Palaeobotanical studies in the Novgorod land c.400-1200 A.D. // Archäologisches Korrespondenzblatt 23: 527-535. Mainz.
- MÜLLER-WILLE M., 1996.* Zwischen Brügge und Novgorod. Wege zu einer Fachübergreifenden Zusammenarbeit // Archaeological and Historical Aspects of West-European Societies / Acta Archaeologica Lovaniensia, Monographiae 8, 1995: 363-370. Leuven University Press.

Contents

Preface, by Evgeny N.Nosov	4
A.N.Kirpichnikov. Ladoga in the Early Middle Ages: based on the materials of recent archaeological and historical studies	5
A.K.Kasparov. Bone remains in the excavations of Staraja Ladoga (preliminary results)	2
M.Aalto, H.Heinajoki. Vegetation and natural environment of Staraja Ladogain the Viking Age	31
P.E.Sorokin. Natural conditions and sailing in North-Western Rus'	42
N.I.Petrov. New data on ancient monuments in the lower reaches of the river Volchov (materials to the archaeological map of Staraja Ladoga environs)	58
A.N.Kirpichnikov, V.A.Nazarenko. Wooden dwellings of Staraja Ladoga: based on the materials from excavations 1984-1991.	63
O.I.Boguslasky. Southern Ladoga Lake area. Historical and cultural regions and their interaction	83
K.A.Michailov. Mans grave with horse burials on the upper level of sopka-like big mound in Plakun (Staraja Ladoga) in the light of burial traditions of the Viking Age	105
A.V.Kurbatov. Footwear in the region of the river Volchov in the Early Middle Ages and the formation of the town crafts.	117
E.N.Nosov, A.V.Plochov. Cholopii Gorodok on the river Volchov	129
V.M.Goryunova. The development of wheel-turned pottery and dendrochronology of the Ryurik Gorodische	153
N.V.Chvoshchinskaja. Penannular brooch with animal-heads from the Ryurik Gorodische	176
S.A.Semenov. Some remarks on the cult meaning and economy use of bread ovens (late 9-10 centuries) from Ryurik Gorodishche	180
A.Alsleben. Agriculture of the hinterland of Novgorod in 9-10 centuries (archeobotanical methods and their application during excavations of the Georgii fortified settlement)	191
E.N.Nosov. Georgii - the fortified settlement in Poozer'e (archaeological supplement to the article of A.Alsleben)	205